

THE INTELLECTUAL THRILLE®

Бентли Литтл

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Письма,
несущие смерть

Бентли Литтл — мастер жуткого.

Стивен Кинг

Notification of Termination

I inform you that the decision to terminate your employment is effective as of [redacted] and will include payment of any [redacted] due to you on your termination date.

Annotation

Джейсон Хэнфорд обуреваем страстью — страстью к написанию писем. Он пишет, и его письма меняют действительность, распахивают перед ним все двери, исполняют самые прихотливые желания и... убивают. Эпистолярный талант подарил главному герою власть, но за все приходится платить. И платить не кому иному, как самому дьяволу. Добро пожаловать в ад!

Бентли Литтл

Письма, несущие смерть

Посвящаю Полу Хафтейлингу, потрясающему учителю и мастеру на все руки, много лет поддерживающему порядок в домах семейства Литтл.

Если на сегодняшний день и есть лучший писатель ужастиков, чем Литтл, миру он неизвестен.

Los Angeles Times

Литтл обладает сверхъестественным даром превращать повседневные ситуации в ночные кошмары.

Publishers Weekly

Этот мистический триллер будит воображение. Кто бы мог подумать, что графомания — это прямая дорога в ад! Все любители ужасов, прочтя «Письма, несущие смерть», придут в полный восторг. И совершенно ясно, почему сам Стивен Кинг стал фанатом нашего автора.

Amazon.com

В моем родном городе жила ведьма.

Ну, если честно, мой родной город был небольшим городком в оживленном округе Ориндж, да и ведьма, пожалуй, была ненастоящей, хотя мы с друзьями до смерти ее боялись.

Когда я учился в средней школе, я избавил от нее свой город.

Не сделай я этого, все могло обернуться совсем иначе.

В пятом классе я был влюблен в мисс Накамото.

Она была самой молоденькой и самой хорошенькой учительницей в начальной школе имени Александра Гамильтона. И еще самой милой. Такие учителя обычно встречаются только в оптимистичных кинофильмах или в плохих телевизионных шоу. Я помню, как она подарила каждому из нас по золотой рыбке в маленькой банке, как водила на пляж смотреть на оставленные приливом лужи, как разрешала снимать кино своей видеокамерой и занималась с нами сверх программы, что наверняка не одобрялось школьной администрацией.

Но самое важное: она любила меня.

Только она одна из всех моих учителей. Учительница первого класса миссис Собьюл терпеть меня не могла, и я ее понимал, ведь в тот год я был хвастливым разрушительным всезнайкой. Однако слишком уж она наслаждалась, наказывая меня. Учительница второго класса мисс Кори ненавидела всех мальчишек. Учитель третьего класса мистер Остервалд был полным идиотом, а учительница четвертого класса миссис Борем не любила меня из-за того, что я дружил со Стивом Симмонзом, который в первый же день занятий взялся ее передразнивать.

Вот почему мисс Накамото казалась мне такой замечательной. Неизменно вежливая, бесконечно терпеливая, не обращающая внимания на мелкие ошибки и проступки, подчеркивавшая и развивавшая сильные стороны ученика, она поощряла и вдохновляла всех своих подопечных, хороших, плохих и равнодушных. В довершение всего она была красавицей, словно сошедшей с кино- или телеэкрана. И она всегда ставила мне только высшие оценки.

Конечно же я был в нее влюблен.

Я до сих пор помню тот день (а как мне его не помнить!), когда мисс Накамото предложила нам поучаствовать в программе «Друг по переписке». Мои одноклассники сразу же нашли новое название: «Программа пиписьки» — естественный ход мыслей в том возрасте — и хохотали как сумасшедшие, и я тоже смеялся, притворяясь, будто мне все равно и только девочкам это может быть интересно. Однако меня охватило тайное волнение. Пока мисс Накамото разъясняла суть программы, я рассеянно водил карандашом по клочку бумаги; нарисовал лассо и нож и старый гоночный автомобиль. В общем,

изображая полное безразличие, я в то же время напряженно вслушивался в каждое слово. Даже сейчас я не совсем понимаю, чем так увлекла меня концепция программы, однако, укрывшись за спиной Тони Джейкобсона, отпускавшего дурацкие шуточки, я точно знал, что хочу заполучить друга по переписке.

Странно. Я не очень хорошо излагал свои мысли на бумаге и не любил ни с кем переписываться — пару раз в год мама силком заставляла меня писать письма бабушке в Огайо, а тут вдруг участие в программе стало самым страстным моим желанием.

Я захотел написать какой-нибудь девочке в Японию, девочке, похожей на мисс Накамото.

Вообще непостижимо, ведь мне не нравились девчонки-ровесницы, и я не проявлял к ним особого интереса. Правда, мне понравилось, как однажды на перемене, когда Тамми Феррис крутилась на параллельных брусьях, ее платье задралось, и мы все увидели ее трусы. Наверное, я подумал, что моей учительнице понравится, если я напишу девочке из Японии. На самом деле я хотел написать ей и представлял, как она будет гордиться мной за то, что я выбрал иностранку, да еще и японку.

Вот в чем была истина, однако не вся. Да, я хотел произвести впечатление на мисс Накамото, но не только. Мною завладело желание заполучить весь положенный комплект: и маленькую карточку с иностранным именем и адресом, и официальную брошюру с инструкциями, и удостоверение участника. Я хотел всего этого. Я жаждал участия в программе. Думаю, именно в тот момент пробудилась моя склонность или талант или что бы то ни было. Мысль о друге по переписке словно распахнула во мне какую-то внутреннюю дверь, разбудила желание, о существовании коего я и не подозревал, и, машинально водя карандашом по бумаге, я точно знал, что, если придется, рискну стать посмешищем для своих друзей и одноклассников, но не отступлюсь.

Мисс Накамото словно поняла мои затруднения, потому что не вывесила, как обычно, листок для записи желающих на доске объявлений, а предложила всем заинтересовавшимся подойти к ее столу до или после занятий, между уроками или во время большой обеденной перемены. Я решил подойти после занятий. На большой перемене я играл с друзьями, а поскольку жили мы довольно далеко друг от друга, то после школы расходились в разные стороны. Я мог задержаться, и никто ничего не узнал бы, но на всякий случай я заготовил оправдание: мол, записался в программу ради лишних баллов.

Мисс Накамото закруглила рекламную речь, и школьная жизнь покатилась по расписанию самого обычного понедельника: математика и естественные науки, общественные науки и искусство, затем спортивные занятия, ленч и большая перемена. Весь день я никак не мог выбросить из головы мысль о будущем друге по переписке и еле сдерживал радостное возбуждение. Уроки казались гораздо длиннее, время тянулось слишком медленно, но в конце концов школьный день все же остался позади, и я замешкался у своего стола, не спеша собирая книги, карандаши и тетради. Несколько девчонок уже записались в программу в обеденный перерыв и на перемене, а сейчас рядом с мисс Накамото крутились Мисси Лаури и Шарлотт Грин. Мисси сразу заметила, что я тяну время, и с презрением спросила:

— А ты-то чего ждешь? Почему не идешь домой?

— Мисси, — предостерегающе произнесла мисс Накамото.

Однако Мисси ударила точно в цель.

— Джейсон мечтает о друге по переписке! — нараспев произнесла она, а Шарлотт

ехидно подхватила:

— Джейсон мечтает о друге по переписке.

— Ничего подобного! — выкрикнул я, схватил свои вещи и рванул к двери, успев расслышать, как мисс Накамото тихо и терпеливо отчитывает девчонок. Мне было ужасно стыдно, и я испугался, что эти две балаболки, даже не имея никаких доказательств, разболтают всем о моем желании, однако мысль о лишнем дне ожидания казалась совершенно невыносимой. От моего возбуждения и следа не осталось. Я нырнул за угол и замер у мужского туалета. Ну ладно. Приду завтра в школу пораньше и поговорю с мисс Накамото до занятий...

...или подожду, пока уйдут Мисси и Шарлотт, и тогда запишусь в программу.

Я снова воспрянул духом, а через несколько минут девчонки, переговариваясь, вышли из класса и направились в противоположную от туалетов сторону. Когда их голоса затихли вдаль, я для надежности выждал еще пару минут и поспешил в класс.

Мисс Накамото сидела за письменным столом, просматривая бумаги, и, когда я вошел, подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Ты что-то забыл, Джейсон?

Я смущенно откашлялся.

— Я... э... хотел бы записаться... хм... в программу.

— Замечательно! — Она не сказала прямо, но у меня появилось ощущение, что из мальчиков я первый, и мне стало как-то неуютно. Однако мисс Накамото тут же меня успокоила: мол, она рада моему решению, и мне будет очень интересно, и я узнаю о чужой культуре больше, чем просто читая книги. И добавила: — Многие люди становятся друзьями по переписке на всю жизнь.

Мисс Накамото выдала мне синюю папку (девчонки получали розовые) с удостоверением, брошюрой, образцом письма, новой шариковой ручкой, конвертами со штемпелями «оплачено» и несколькими листами почтовой бумаги. Все выглядело очень официально и очень по-взрослому, и мне казалось, будто я вступаю в клуб для избранных.

Мисс Накамото раскрыла папку с кармашками, на которых были написаны названия разных стран.

— Ты можешь выбирать из более чем двадцати...

Не дав ей закончить, я ткнул в кармашек с надписью «ЯПОНИЯ».

— Вот эту.

Я боялся взглянуть на мисс Накамото, опасаясь, что она тут же разгадает мои мотивы. Мисс Накамото достала сфальцованную вклейку с маленькими карточками с именами и адресами. На левой стороне было написано «Девочки», на правой — «Мальчики».

— Можешь выбрать любую, какая нравится.

— Эту, — сказал я, указывая на имя слева, и мой голос прозвучал гораздо тише, чем я хотел бы.

На карточке было написано «*Киоко Йосицуми*».

— Может, тебе лучше переписываться с мальчиком?

— Нет, — с трудом выдавил я, хотя если бы она продолжала настаивать, то я бы, вероятно, сдался. Беря в руки карточку с именем и адресом японской девочки, я покраснел, и мое смущение лишь усилилось, когда мисс Накамото мне улыбнулась. Я был не просто смущен. Странное волнение заставило меня встретиться с ней взглядом, и я увидел в ее глазах лишь доброту и понимание.

Знала ли она, о чем я думал? Может быть, знала. Может быть, ей это нравилось.

Домой я шел в отличном настроении. Около школы не было никого, кроме нескольких детей, поджидавших родителей. Красота! Весь тротуар принадлежал мне одному. Я мог идти, бежать, брести потихоньку или останавливаться, если мне хотелось что-то разглядеть, не опасаясь старших учеников или хулиганов. Я отфутболил мятую банку из-под колы, проследил, как она перелетела через боковую улочку и упала в канаву; подобрал выкатившийся из чьего-то двора яркий, упругий шарик и сунул его в карман.

Ведьму я увидел на Вашингтон. Она ковыляла мимо многоквартирного дома, долбя по тротуару шишковатой палкой, будто отстукивала послание азбукой Морзе. Я быстро перешел на другую сторону. Вечно шатавшаяся по улицам ведьма была неотъемлемой принадлежностью Акации. Никто не знал, кто она, где живет, куда бредет. Она была старой и страшной, всегда молчала и сверлила всех злобным взглядом. Мы с друзьями ее боялись. Первым начал называть ее ведьмой Роберт, и я не раз видел, как взрослые шарахались, словно боясь случайно до нее дотронуться. Ходили слухи, будто она виновата в таинственной гибели столетней магнолии, росшей перед средней школой Акации, и в исчезновении всех уток с пруда в Мердок-парке. И хотя никто из наших родителей в это не верил, мы все искренне верили, как, думаю, и многие другие.

Я прошел мимо ведьмы по противоположной стороне улицы, уставившись в тротуар, чтобы ненароком не встретиться с ней взглядом, а потом свернул на Ломиту и, не в силах больше сдерживать возбуждение, припустил к дому прямо по лужайкам, перепрыгивая через невысокие кусты. Вот прибегу домой, достану из папки новую ручку и лист почтовой бумаги и напишу письмо Киоко Йосицуми!

Мой план рухнул, когда, промчавшись мимо соседских олеандров, я увидел на нашей подъездной дорожке машину. Отец рано вернулся с работы.

Я притормозил и уже собрался отступить за олеандры, как вспомнил, что родители наверняка сидят в гостиной и уже увидели меня в окно. Я понуро побрел к двери.

Мой отец был похож на Чака Макканна. Ну, вы наверняка помните парня из старой рекламы дезодорантов. У него с приятелем из соседней квартиры на поделенном пополам экране общая аптечка. Приятель грустный, а этот идиот вечно пританцовывает и приговаривает: «Одно нажатие, и свежесть на весь день гарантирована!»

Правда, мой папаша был не веселым, дружелюбным парнем, а жалким старым ублюдком, управленцем среднего звена в «Автоматик интерфейс», ненавидевшим свою работу и вымещавшим злобу на своей семье. Мне всегда казалось, что он был бы гораздо счастливее, если бы я вообще не появился на свет.

А моя мать была чистокровной сукой. Одной из тех тощих, озлобленных женщин, которые обычно много времени проводят в церкви. Только моя мать в церковь никогда не ходила.

Я так и не смог понять, почему мои родители поженились. Они точно не любили друг друга. Черт побери, по-моему, они даже никогда друг другу не нравились. Я не могу припомнить, чтобы за все те годы, что я прожил дома, они хоть раз обнялись или поцеловались или проявили хотя бы чуточку привязанности. Их разговоры почти всегда сводились к взаимным обвинениям и упрекам.

Скорее всего, мамаша от него залетела, вот они и поженились.

С братом Томом, который был на три года меня старше, я не общался; видел его за завтраком и ужином, вот, пожалуй, и все. Случайно столкнувшись на улице, мы делали вид,

что не знакомы, и это нас обоих вполне устраивало.

Том учился посредственно, но был прекрасным спортсменом, футбольной и баскетбольной звездой, что никоим образом не могло опозорить родителей. Я же был неумехой, неудачником, придурком без особых талантов или способностей, которого интересовали лишь телевизор да общение с приятелями. Родители относились ко мне с неодобрением и почти полным равнодушием, а я старался как можно реже попадаться им на глаза.

Я по привычке проскользнул на кухню через боковую дверь, выхватил из банки горсть батончиков «Орео», в общем, вел себя так, будто и не видел на дорожке отцовский «форд torino».

Мать сидела за столом и листала каталог.

— Как в школе? — безразлично спросила она.

— Прекрасно, — привычно откликнулся я.

Отца нигде не было видно, и я занервничал. Когда он не валялся на диване, вперившись в телеэкран, или не сидел за кухонным столом с банкой пива, самозабвенно ругаясь с матерью, то ошивался в другой части дома, а это сулило неприятности. Я помню, как однажды отец решил обыскать комнату Тома и нашел спрятанную под кроватью стопку «Плейбоев». К моменту возвращения Тома папаша перевернул всю комнату вверх дном, тщетно пытаясь найти еще какую-нибудь контрабанду. Заперев дверь, он отчитывал Тома целый час, пока тот не разревелся, а потом на целый месяц лишил его прогулок и запретил слушать музыку и смотреть телевизор.

А ведь Том ему *нравился*.

— Где папа? — небрежно спросил я, в конце концов признавая свою осведомленность.

— На заднем дворе, — ответила мать.

Краткость ее ответа меня встревожила. Что отцу делать на заднем дворе? Траву косили мы с Томом, и все остальные работы по двору были нашей обязанностью. Отец выходил на двор, только чтобы приготовить барбекю, а это случалось в выходные. Я попытался вспомнить, оставил ли велосипед во дворе или убрал его в гараж, как полагалось. Отец при желании всегда находил какую-нибудь провинность, а мне не нравилось, когда он вымещал свою злобу на мне.

Проскочив в свою комнату, я бросил школьный рюкзак и спрятал папку в нижнем ящике письменного стола под кипой блокнотов. Если уж мальчишки в школе считают письма «другу» девчачьей забавой, то отец с Томом отнесутся к этому раз в двадцать хуже, а от матери никакой помощи, поддержки или сочувствия ждать не приходилось. Легко возбудимая и непредсказуемая в своих пристрастиях и предубеждениях, она была гораздо безжалостнее каждого из них. Новое увлечение следовало сохранить в тайне.

Я выглянул во двор. Отец пил пиво, в чем не было ничего необычного, но стоял он у лимонного дерева лицом к забору, спиной ко мне. Очень странно. Совсем не в его духе. Он слишком рано явился домой с работы и вот, вместо того чтобы ругаться с матерью на кухне или смотреть телевизор, торчит на заднем дворе и таращится на забор. Определенно что-то случилось.

Не дожидаясь, пока отец повернется и заметит меня, я выскользнул из своей комнаты и отправился к Полу. Мой приятель Пол учился в католической школе, поэтому обычно мы виделись по выходным, но занятия у нас заканчивались в одно время, и, если хотелось сбежать из дома, мы и вечерами выручали друг друга. Я не рассказал Полу о новой подруге

по переписке, хотя если бы кто и понял меня, так это Пол, но я еще не был готов раскрыть свой секрет. А вот об отце я ему рассказал.

— Может, его уволили, — предположил Пол.

Я похолодел. Безработный папаша будет слоняться по дому с утра до вечера каждый день. И возможно, станет еще придирчивее.

— Надеюсь, нет.

Мы возились с самодельной тележкой Пола, пока мать не позвала меня домой. К счастью, папаши во дворе уже не было. В сумерках его необычное поведение навяло бы еще больше жути. Отец оказался в ванной, а мать на кухне готовила ужин. Том в общей комнате смотрел повторный показ «Звездного пути».

Я сел на диван подальше от брата. Из-за работавшей микроволновки по экрану бежала рябь, шум вентилятора над плитой почти полностью заглушал диалоги, но я не посмел выразить недовольство. Стоило привлечь к себе внимание, и весь остаток вечера за мной следили бы еще пристальнее, а я бы этого не вынес. Несмотря на необъяснимую странность отцовского поведения, я думал только о своей новой подруге по переписке и просто убивал время до того момента, когда смогу остаться в одиночестве и написать письмо Киоко Йоисицуми.

Отец вошел в комнату, молча щелкнул пультом и плюхнулся на диван между мной и Томом смотреть новости. Мы тут же убрались на кухню.

После ужина, состоявшего из замороженных бурито, разогретых в микроволновке, и желе из пакетиков, я отправился в свою комнату. Закрыв дверь, я сел за стол и вытащил из тайника в нижнем ящике папку. Предполагалось, что я выполняю домашнее задание, но я положил перед собой лист почтовой бумаги, новую ручку и попытался написать письмо Киоко.

Пожалуй, ключевое слово здесь «*попытался*».

Я таращился на чистый лист и пытался хоть что-нибудь придумать. Ничего не получалось. В школе я никогда не разговаривал с девочками и уж точно никогда ни с одной не переписывался. В полном оцепенении я просидел почти час, и единственное, что пришло мне в голову, — увеличить свой возраст; пусть мне будет не десять лет, а двенадцать. Американские девочки предпочитают парней постарше, и с японками наверняка точно так же. А дальше-то что? Я даже не мог решить, как начать письмо. «*Дорогая Киоко*»? Слишком интимно, слишком фамильярно. Тогда как же?

К тому моменту, как мать явилась с проверкой, я даже не приступил к математике. Услышав скрип открывающейся двери, я успел спрятать папку и листок, но раскрыть учебник и достать задание не успел, а потому даже притвориться не мог, что работаю.

— Чем ты занимаешься? Ты должен выполнять домашнее задание. Что вообще здесь происходит?

— Я только что закончил, — солгал я, вставая из-за стола.

— Покажи.

Как я мог подумать, что одурачу ее! Я мямлил, пытаюсь выкрутиться, но в конце концов она заставила меня признаться.

— Я иду за отцом, — заявила она, поджав губы.

Оставшись один, я подальше запрятал папку и к возвращению родителей разложил учебник и тетрадь. Я даже успел выполнить первое задание и напустил на себя жутко деловой вид, но это меня не спасло. Родители взялись за меня вдвоем. В который раз я

услышал, что глуп, ленив и ничего хорошего из меня не выйдет. Я кивал, как будто соглашаясь, но думал о мисс Накамото и японской девочке, возможно на нее похожей.

Выполнение домашнего задания не отменило наказания: я был лишен телевизора и рано отправлен в постель. Только я не заснул. Я лежал в кровати и выжидал час за часом, когда улягутся родители и Том. Удостоверившись, что все спят, я тихонько поднялся, прокрался к письменному столу и включил маленькую настольную лампу. Теперь я точно знал, что сказать, и слова лились легко и быстро. Я сообщил Киоко, что учусь в седьмом классе, что я чемпион по серфингу и звезда баскетбольной команды, а еще состою в школьном совете, что я порвал со своей последней подружкой, играю на гитаре и сколачиваю рок-группу.

Короче говоря, я не сказал ни слова правды.

Кроме имени и адреса, все мое письмо было ложью.

Только это ничуть не приуменьшало моего приятного возбуждения. Облизав клейкую полоску и заклеив конверт, я тут же начал мысленно составлять следующее письмо, разукрашивая свою придуманную жизнь. Если я сам был потрясен своими достоинствами, то Киоко точно не останется равнодушной!

Я спрятал письмо в учебник математики, улегся в постель и заснул, представляя, как Киоко читает мои письма, влюбляется в меня, взрослеет, становясь похожей на мисс Накамото, и в конце концов приезжает в Америку, чтобы выйти за меня замуж.

3

Ее первое письмо я получил в субботу.

В воздухе витали обычные для пригорода запахи: свежескошенной травы, самых разных цветов, бензиновых выхлопов газонокосилок и машинок для обрезки веток, а также «Макдоналдса» и «Тако Белл», расположенных в нескольких кварталах от нас. Я ясно помню их даже сегодня. Я также помню, что чувствовал, когда достал из ящика почту и увидел маленький розовый конверт из непривычной бумаги с иностранной маркой.

Я сразу понял, от кого это, и бросился в дом, в свою комнату, закрыл дверь и нетерпеливо разорвал конверт.

Письмо оказалось довольно коротким. Гораздо короче моего, и я даже обиделся на Киоко. А потом напомнил себе, что ей пришлось писать на английском, родном для меня, но чужом для нее языке. Она воспользовалась возможностью попрактиковаться, и причин для обиды у меня нет. Я перечитал письмо раз, другой, третий. Киоко жила в квартире, а не в доме, ее любимым цветом был розовый, любимым школьным предметом — изобразительное искусство. Еще у нее была большая коллекция мягких игрушек-зверушек, что показалось мне глупостью и ребячеством. А понравилось мне в ее письме то, что она подписала его «С любовью, Киоко». Сразу видно, что автор — девочка. Мое-то письмо заканчивалось словами «С уважением». Я испытал какое-то новое и не совсем понятное волнение.

Если честно, я побаивался, что Киоко меня отвергнет, захочет переписываться с девочкой, а не с мальчиком, и теперь был счастлив: она вроде бы хотела дружить со мной так же, как хотел этого я. Одновременно я понял, что необходимо найти что-то общее, иначе переписка просто заглохнет.

Я размышлял о ее внешности. До сих пор Киоко представлялась мне миниатюрной мисс Накамото, но она могла быть и уродиной, и толстухой.

Нет, нет. Так думать нельзя.

Выберу момент и попрошу у нее фотографию, а пока пусть остается для меня миленькой и хорошенькой, такой, какой я хочу.

Днем я играл в своей комнате в «Лего гонщики», а потом отправился к Полу; его мама обещала нам по два доллара каждому, если мы вымоем все окна в доме. Конечно, можно было бы написать ответ Киоко, но мне хотелось продлить удовольствие, прочувствовать свои впечатления, а потому я решил опять подождать до тех пор, пока все улягутся спать.

Ужинали мы втроем — мать, Том и я, а отец задерживался, в чем ничего необычного не было. Он часто проводил субботные дни и вечера со своими друзьями, болтался в барах, смотрел бейсбольные матчи и иногда утрачивал всякое представление о времени. Вдруг зазвонил телефон, и мать подняла трубку. Уже через секунду она злобно орала, и по ее репликам мы сразу поняли, что произошло: папаша с друзьями завалился в бар, напился и по дороге домой попался полицейским. Мы с Томом переглянулись.

Страх перед возможными последствиями на мгновение сблизил нас, что случилось очень редко.

Поскольку отец забрал «торино», мать запихнула нас в «фольксваген», и мы поехали в полицию. В участке мать орала и визжала на злополучных дежурных, пока ей не разрешили зайти и повидать отца, и она исчезла за железной дверью, открывавшейся с пульта дежурных. Изнывая на жесткой скамье, как нам показалось, вечность, мы видели девушку, заявившую о взломе машины и пропаже сумочки; старика, в чью припаркованную машину врезался удравший с места происшествия водитель; женщину, требовавшую оформить запретительный судебный приказ против мужа. Все они давно закончили свои дела и ушли. Наконец из-за той таинственной двери появилась мать и процедила сквозь зубы:

— Пошли отсюда.

Я взглянул на Тома. Один из нас должен был задать вопрос, а Том — старший.

— Что с папой? — спросил он.

— Ваш отец влип, но он сам заварил эту кашу, сам пусть и выпутывается. Пошевеливайтесь!

Мы поплелись к машине, боясь открыть рот. Никогда еще я не видел мамашу такой разъяренной и подумал, что теперь-то родители разведутся. Дома нас ждал давно остывший ужин, но голода я не испытывал. Да и вряд ли я смог бы проглотить хоть кусочек. Мать, трясаясь от бешенства, стала соскребать еду с тарелок прямо в мусорное ведро. Том убрался в свою комнату и захлопнул дверь, а я остался в гостиной, не представляя, чем занять себя, и в любой момент ожидая услышать звон бьющихся тарелок. Хлопали дверцы шкафчиков, гремели столовые приборы, необычайно громко щелкнул выключатель посудомоечной машины, но до битья посуды дело не дошло.

Несмотря на все происходящее, в моей душе царили спокойствие и безмятежность, как в глазу бури. Я, словно буддист, сконцентрировался на письме Киоко и своем ответе. После сегодняшних событий ее незамысловатое описание мягких игрушек казалось еще более незрелым, но в то же время приятно и ободряюще контрастировало с моей семейной ситуацией. Кроме того, я планировал задать Киоко несколько вопросов и переключить ее на более взрослые темы.

Мать вышла из кухни, обнаружила меня на диване и завизжала:

— Что ты здесь делаешь? Убирайся в свою комнату.

Повторения мне не требовалось. Я быстренько убрался к себе. Спать мне совершенно не

хотелось, и предстояло как-то убить кучу времени. Телевизора в моей комнате не было, так что этот способ исключался. Включить проигрыватель? Но звук привлек бы мать, а мне не хотелось, чтобы она ворвалась ко мне, визжа, чтобы я все выключил.

Интересно, что делал в своей комнате Том.

В конце концов я решил почитать книжку, научно-фантастический роман «*Время великой заморозки*», который я уже дважды брал в библиотеке, а прочел четыре или пять раз. В рассказе о людях, переживших новый ледниковый период, я находил утешение и поддержку. Я снова углубился в их мир и не успел оглянуться, как пришло время ложиться спать. Мать не явилась ко мне с напоминанием — она все еще торчала в передней части дома, и я понятия не имел, что она там делала. Я переоделся в пижаму, выключил свет и заполз в постель.

Странно было лежать в кровати, зная, что отца нет дома. И в то же время приятно. Я впервые понял, что не возражал бы, если бы он вообще исчез из моей жизни.

Да и мать тоже.

И Том.

Волнения и перенапряжение прошедшего дня сделали свое дело. Я незаметно заснул, а когда проснулся, в комнате было совсем темно и только узкий пучок лунного света пробивался сквозь щель в шторах. Я выбрался из постели, взял часы и поднес их к самому лицу, чтобы разглядеть стрелки.

Четверть третьего.

Даже мать наверняка уже спит. Однако, включив настольную лампу, я на всякий случай выждал еще несколько минут, проверяя, не привлечет ли свет нежелательное внимание. Дом оставался тихим и спокойным. Я открыл нижний ящик, вытащил из тайника заветную папку, достал ручку, лист бумаги и оплаченный конверт.

И начал творить.

Завязалась бурная переписка.

Я придумал себе новую семью — такую, которой, по моему мнению, заслуживал. Я рассказал Киоко, что мой отец — ученый и раньше создавал ракеты для полетов на Луну по программе «Аполлон», а теперь его работа настолько сверхсекретна, что даже семья ничего не должна о ней знать. Моя мама якобы пишет для известного американского журнала и к тому же профессиональный кулинар и художник по интерьеру. А я — я самый популярный парень в школе, девчонки меня обожают, мальчишки мной восхищаются. О брате я предпочел не упоминать.

Я попытался внушить Киоко, насколько ей повезло переписываться с таким, как я, и добился своего. Ее следующее письмо было гораздо свободнее, длиннее и детальнее первого, хотя изъяснялась она по большей части на ломаном английском. Мне было все равно. На самом деле мне нравилось, что ради общения со мной она прилагает столько усилий и стараний. Я видел в этом интерес, выходящий далеко за рамки ожидаемого от друга по переписке.

Второе письмо пришло, когда я был в школе, и почтовый ящик освобождала моя мать. В нашем доме право на личную жизнь не уважалось, и мать не вскрыла письмо по чистой случайности. Правда, она спросила меня, что это такое, а я с напускной обидой объяснил, что учительница заставляет всех учеников писать письма детям из других стран, и эту девчонку мне назначили. Мать потеряла интерес где-то на середине моего объяснения, и мне оставалось лишь надеяться, что ей не придет голову в будущем вскрывать мои письма.

Однако, в целях безопасности, я достал первое письмо Киоко, изучил дату и почтовый штемпель и — дабы получать корреспонденцию по субботам, когда никто не сможет ее перехватить — попросил отныне отправлять все письма в тот же день, что и первое.

Следующий конверт прибыл две субботы спустя, и я уединился с ним в ванной комнате, заперев дверь, чтобы никто меня не потревожил. На этот раз Киоко прислала мне свою фотографию и попросила мою. Девочка оказалась миловидной, хотя и не очень похожей на мисс Накамото. Почему-то я уже не придавал этому такого значения, как в начале проекта. Киоко сфотографировали в каком-то парке с деревьями, усыпанными розовыми цветами, напомнившим мне Японский олений парк, куда нас возили в первом классе. Парк уже закрылся, но раньше он находился у автострады в Буэна-парке; нечто вроде зоопарка, где можно было угостить оленей кормом, продававшимся в автоматах с жевательными конфетами, а вокруг японские домики с японскими садиками. Больше всего мне запомнилась рыбка кои: она высывалась из воды и курила сигарету, закрепленную в металлическом зажиме. Я задавался вопросом тогда, да и сейчас не прочь бы узнать, не заболела ли та рыбка раком. По-моему, жестоко так обращаться с доверчивым существом.

Я повнимательнее рассмотрел фотографию Киоко. Была ли это прогулка с одноклассниками, или снимок сделали ее родители? Трудно определить. Обстановка неформальная, но уж очень хорошее качество и профессионально поставленная поза. Похожий на матросский костюмчик — школьная форма; волосы заплетены в две косички, и

маленькое круглое лицо. Из-за широкой счастливой улыбки ее глаза превратились в щелочки. Все же она была миленькой, и пусть не дотягивала до мисс Накамото, со временем вполне могла превратиться в красотку.

Однако куда бы спрятать фотографию? Если Том обнаружит ее, мне до конца жизни не избавиться от его насмешек. А если найдут родители, жди бесконечных вопросов. Я сунул фотографию в карман, спустил воду в унитазе и удалился в свою спальню. Оглядевшись вокруг, я попытался придумать хороший тайник и вдруг понял, что он у меня уже есть — папка программы «Друг по переписке». Если кто-то найдет там фотографию, я всегда смогу заявить, что это обязательная информация.

Следующий вопрос: есть ли у меня подходящая фотография для Киоко? Или, точнее, хочу ли я посылать собственное фото? Поверит ли она в то, что мое лицо принадлежит парню из моих писем?

В конце концов никакой фотографии я ей не послал. Придумал, как мне казалось, вполне приличный предлог: мол, все свои школьные снимки раздал одноклассникам, а семейные фотографии родители послать не разрешили. Однако за ее портрет я поблагодарил, а отсутствие своего возместил выдуманной историей о том, как прогнал с игровой площадки парочку хулиганов-расистов, обижавших ученика-японца, приехавшего к нам по обмену. Это должно было произвести на нее впечатление.

На следующее утро по дороге в школу я отправил письмо, не испытывая никаких угрызений совести. И настроение у меня было отличное.

Еще в лучшем настроении я вернулся домой. Поздно ночью, когда все отправились спать, я сочинил Киоко еще одно письмо, в котором расписал, как за защиту японского ученика директор школы наградил меня и назначил дежурным, регулирующим движение транспорта у школы, хотя это доверяют только взрослым.

Мисс Накамото не вывесила подписной лист, однако вскоре, чтобы вовлечь в программу побольше учеников, прикрепила к доске объявлений карту мира с веревочками, протянутыми от разных континентов к конвертам, на которых были написаны имена и адреса детей-иностранцев.

И лист участников программы.

На меня тут же посыпались насмешки.

— Джейсон участвует в «Программе пиписьки»! — визжала Мисси.

Даже Роберт и Эдсон смеялись, а ведь они были моими друзьями.

— Лучше назвать «Девчачьей программой», — предложил Кен Верной.

Действительно, я оказался единственным мальчишкой в списке, и мое лицо разгорелось от стыда. Я оглянулся на мисс Накамото, словно спрашивая, почему она предала меня, почему не сохранила все в строжайшей тайне, но она ободряюще улыбнулась, и ее улыбка придала мне сил.

— Я делаю это ради лишних баллов. — Благодаря моим сверхусилиям и немалому везению мой голос прозвучал вполне прилично: надменно, поучительно и в то же время с презрением к их глупости и необоснованным выпадам.

— Ну да, конечно, — фыркнул Кен.

— Думаете, мне этого хотелось? — проворчал я. Для получения лишних баллов участники программы действительно должны были отчитываться каждые два месяца, и за это я ухватился. — Думаете, весело писать каждую неделю по письму, а потом еще и отчет о нем? Стал бы я это делать добровольно?

Они уловили суть, и, хотя Мисси, Кен, Шарлотт и еще кое-кто продолжали надо мной измываться, все остальные купились на мои объяснения. И не только. Известие о моем участии сломало лед. Мальчишки стали записываться в программу ради лишних баллов. Они ныли и жаловались, но записывались, а я размышлял, притворяются они или втайне наслаждаются перепиской так же, как я.

Может быть, мисс Накамото правильно поступила, обнародовав фамилии участников.

У Роберта и Эдсона вскоре тоже появились друзья по переписке. По идее это должно было сблизить нас, но почему-то не сблизило. Нет, мы остались друзьями — и продолжали дружить все школьные годы до самого выпуска, — но я никогда больше не откровенничал с ними так, как раньше. Все мы делали вид, что участвуем в программе не по доброй воле, а по необходимости. Я не сказал им, что переписка стала одним из важнейших событий моей жизни, что я постоянно о ней думаю, что радостное предвкушение субботней почты поддерживает меня в нескончаемые школьные дни. К этой грани своей жизни я их не допускал. И насколько я знаю, они тоже лгали мне, преуменьшая собственный интерес, что, во всяком случае, по моему представлению, и отдалило нас друг от друга.

Пол был единственным, кому я рассказал все. Наверное, он был мне ближе, потому что мы знали друг друга дольше, потому что играли вместе еще до того, как пошли в школу, и жил он на моей улице. Мы виделись чаще, чем со школьными друзьями, и знали семьи друг друга... и семейные тайны. Видимо, Пол казался мне не таким грубым, как обычные мальчишки, потому что учился в католической школе, и я рассчитывал, что он лучше других моих друзей поймет притягательную силу друга по переписке.

Он понял.

— Жаль, что моя школа не участвует в этой программе, — угрюмо сказал он. — Наверное, монахини думают, что мы будем писать разные сексуальные глупости и все такое, вот и не хотят ввергать нас в искушение.

Пол вечно думал о сексе.

— Все-таки *о чем* ты ей пишешь? — поинтересовался он.

Я покраснел. Нет, не потому, что писал Киоко о сексе, а потому, что не писал.

— В основном я просто рассказываю ей, какой я крутой и популярный парень. Все девчонки меня добиваются, а все мальчишки хотят быть мной.

Пол вытаращил глаза:

— Правда?

— А еще я чемпион по серфингу.

— Вот это круто!

Я пожал плечами, стараясь не слишком уж выказывать распиравшую меня гордость:

— А как она узнает? Я могу накатать что угодно.

— И можешь быть кем угодно. — Эта мысль околдовала Пола. Околдовала и привела в восторг. — Ты можешь придумать для себя новую личность. Или использовать чью-то еще личность. — Он покачал головой. — Ну и ну!

Я никогда не думал об этом таким вот образом, и слова Пола навели меня на мысль, что, вероятно, он не так уж доволен собой, как кажется. А ведь у него была хорошая жизнь и дружная семья, не то что у меня. Однако нет предела совершенству, и мне пришло в голову, что даже с родителями, будто выпрыгнувшими из телесериала «Семейка Брэйдис», и хорошей частной школой ему, может, хочется быть хотя бы чуточку сильнее и чуточку обычнее.

Может, все хотят быть другими, совсем не такими, как на самом деле.

Успокаивающая мысль. Неужели даже счастливые люди не так уж и счастливы? Неужели все втайне недовольны своей судьбой? Если так, то, может, и моя жизнь небезнадежна? Я подумал о родителях и брате. Ни один из них не удовлетворен; ни один из них не живет так, как хочет. И Роберт, и Эдсон. Киоко кажется счастливой, но, возможно, она лжет мне точно так же, как я лгу ей. Может, единственные счастливые люди — вымышленные, вроде того Джейсона Хэнфорда, которого я создал в своих письмах.

Нет. Я отказывался в это верить. Киоко действительно счастлива. Она точно такая, какой предстает в своих письмах, а я просто слишком остро реагирую.

— Ну... можно посмотреть ее фотографию? — спросил Пол.

Мне стало не по себе. Я рассказал ему о фотографии Киоко, но вдруг понял, что не хочу, чтобы он ее видел. Я не хотел, чтобы хоть *кто-то* ее видел. Я хотел сохранить ее для себя.

— Э... нет.

Пол нахмурился:

— Ты вроде сказал, что она хорошенькая.

— Сказал.

— И что?

Я не знал, как это объяснить. Я сам не до конца понимал. Но я отрицательно покачал головой. Мои отношения с Киоко были чистыми и особенными, и я не хотел их ничем пятнать. Если кто-то другой увидит ее портрет, даже такой друг, как Пол, чары рассеются и суровая реальность ворвется в наш хрупкий мир друзей по переписке.

Меня выручила мама Пола. Она вышла на крыльцо и сказала, что пора обедать.

— Хочешь пообедать с нами, Джейсон? Я могу позвонить твоей маме.

— Нет, спасибо, миссис Джермейн! Я лучше пойду домой!

Я попрощался с Полом и ушел. Пол не смеялся надо мной, и похоже, как и я, считал, что друг по переписке — это круто, и все же я сожалел о своих откровениях. Почему, я не очень понимал, но у меня появилось странное ощущение, что если бы я не рассказал ему об этом, а написал в письме, то никаких сожалений не испытывал бы. Никаких.

Размышляя об этом по дороге домой, я осознал, что предпочитаю общаться с людьми не лицом к лицу, а посредством писем. Почему-то письменное общение казалось мне более реальным, и, хотя до этого момента в моих письмах Киоко не было ничего, кроме лжи, я чувствовал, что в письмах мог бы быть более честным, чем при личном общении, я мог бы быть больше самим собой. Не пришлось бы притворяться, хитрить, беспокоиться о реакции собеседника на мои слова. Уединившись в своей комнате, я записывал бы свои мысли и чувства, а адресаты читали бы мои послания и реагировали на них в собственном личном пространстве.

Будь моя воля, я общался бы только через письма. Мне вдруг расхотелось разговаривать со всеми, даже с друзьями.

— Где ты был? — строго спросила мать, когда я вошел в дом через кухонную дверь.

Даже со своей семьей.

Конверты у меня закончились гораздо раньше, чем предусматривалось программой, и, хотя можно было попросить новые у мисс Накамото, я постеснялся. Просто в пятницу по

дороге домой из школы я заглянул на почту и на карманные деньги купил несколько марок, позволявших посылать письма в Японию. От Роберта и Эдсона я отвязался, сказав, что должен подождать в школе брата, который меня заберет. Как только друзья завернули за угол, меня словно ветром сдуло.

На почте я увидел ведьму.

Услышал ее я раньше, чем увидел, — услышал постукивание палки по полу, — а через мгновение она появилась из-за ниши с почтовыми ящиками и хмуро уставилась на меня. Один ее глаз был чуть больше другого, а лицо казалось бы угрожающим, даже если бы не было таким морщинистым. Я быстро отвернулся. На таком близком расстоянии она вызывала еще больший ужас, чем на улице, и мне показалось, что она меня узнала. Кошмар! Одно дело, когда я часть безликой массы, на которую она изливает свое презрение, но если она меня выделит...

Я вспомнил погибшую магнолию перед средней школой и уток, пропавших с пруда в Мердок-парке.

Ведьма проковыляла мимо меня так близко, что я почувствовал ее дыхание, словно пронесся аромат сладких трав. Она точно задела бы меня костлявым плечом, но, к счастью, я успел отпрянуть. Мне совсем не хотелось к ней прикоснуться.

Я забыл о ней, как только она прошла мимо, подошел к прилавку и купил шесть почтовых марок, годившихся для писем в Японию. Шесть лишних писем! Я чувствовал себя свободным, окрыленным новыми возможностями. Наверное, так чувствует себя художник, глядя на чистый холст. Прочь официальные правила программы «Друг по переписке»! Теперь я мог получать настоящее удовольствие: делать что хочу и когда хочу.

В ту ночь я написал самое длинное и самое детальное письмо, изобразив вымышленный день, собранный из собственных грез и подслушанных разговоров. Закончив письмо, я услышал шум на первом этаже. Я выключил лампу и затаился, молясь, чтобы меня не поймали. Однако шум не приближался, явно сосредоточившись в противоположном конце коридора. В ночной тишине слышимость усиливается, и потихоньку я начал сознавать, что слышу, как мои родители занимаются сексом.

Какая гадость. Я, конечно, имел представление о сексе, но в моих познаниях не было места этому животному хрюканью. Меня реально затошнило. Я спрятал письмо в школьную тетрадь и как можно тише прокрался в свою постель. Спрятав голову под подушку, я пытался думать о чем-нибудь совершенно другом, старался отключиться от ритмичных повизгиваний матери и хриплых стонов отца.

Думаю, именно после того случая мне начали сниться кошмары. До той ночи не могу припомнить ни одного, а с тех пор они меня совсем измучили. Часто кошмары были такими яркими и реалистичными, что я не только не мог выбросить их из головы, но даже не был уверен, что я видел во сне, а что случилось наяву.

Тот первый кошмар был сногсшибательным.

Сплю я в своей кровати, и вдруг в моей комнате вспыхивает свет. «Вставай!» — приказывает отец. Моргая от яркого света, я сбрасываю одеяло и одеваюсь, все еще не совсем проснувшись. Волоча ноги, я тащусь по коридору в ванную комнату, причесываюсь и выползаю в кухню. За окном темно, хоть глаз выколи, и я удивляюсь, почему отец разбудил меня так рано. Я чувствую в этом какую-то неправильность, и меня охватывает смутная тревога. И со светом что-то неладно. Не так светло, как обычно, да еще мерцание, будто от пламени свечи. «Завтракай!» — приказывает отец, но, оглядывая кухню, я его не вижу.

Однако на столе стоит тарелка с оладьями, и я сажусь на свое обычное место, собираюсь позавтракать.

Напротив меня поверх чего-то похожего на грязную картонную коробку возвышается одна-единственная куриная лапа, вонзившая когти в кубик коричневого желе.

И я вдруг понимаю, что это мой отец.

— На что это ты тарацишься? — заорал отец, и когти куриной лапы задергались в такт с его словами. — Жри свой завтрак!

— Нет! — завопил я, отталкивая стул и вскакивая из-за стола.

Куриная лапа взвилась вверх, и когти вонзились мне в глотку.

Я проснулся в холодном поту, плохо соображая и искренне веря, будто мой отец — куриная лапа в коричневом желе. А потом я увидел смутные очертания своего письменного стола, черный прямоугольник в синеватом ночном сумраке и подумал о Киоко, которая, вполне вероятно, в этот самый момент на противоположной стороне земного шара в потоке солнечного света сочиняет мне письмо. Я полностью вернулся в реальность. Полежал с минуту, прислушиваясь, но дом был тих, родители утомнились. Я выждал еще пару минут, так, на всякий случай, затем встал, прошел к столу, включил настольную лампу, вынул из тетрадки свое письмо и перечитал его.

И достал ручку.

«P. S.», — приписал я внизу.

И накатал еще три страницы.

Письма от Киоко стали приходить еженедельно, а не раз в две или три недели, неизменно волнуя и радуя меня, ведь, сделав выбор между обязательным ежемесячным посланием и ответами на каждое мое письмо сразу после его получения, и она нарушила правила программы. К тому же Киоко следовала моей инструкции, и я получал ее письма по субботам.

Может, нехорошо хвастаться, но я довольно здорово поднаторел в сочинительстве и уже подумывал, не написать ли мисс Накамото. Я не знал ее домашнего адреса, но мог бы написать на адрес школы, и ей точно передали бы. Я даже составил первую половину письма; написал, что она очень красивая женщина и что я считаю ее очень интересной и умной. Однако, перечитав свое сочинение, я понял: скрыть авторство мальчишки не удалось. А ведь я хотел послать письмо анонимно, надеясь, что мисс Накамото примет его за послание от тайного взрослого поклонника и мы заведем роман в письмах на долгие годы. В конце концов она в меня влюбится, и, может, к тому времени я стану совсем взрослым и не буду казаться смешным.

Вот только не скоро я настолько овладею этим искусством. Я разорвал письмо и немедленно написал другое — Киоко, дав выход дурному настроению в детальном описании развода родителей и моих глубоких переживаний по этому поводу.

Как же я хотел, чтобы это было правдой. Отец напивался все чаще. Теперь уже не от случая к случаю, а сначала раз в неделю, потом почти каждый вечер. Родители ссорились из-за отцовского пьянства, и их ссоры становились все более бурными и безобразными. Как-то вечером после ужина они ругались на кухне, а я в своей спальне делал уроки. Вдруг ударилась о стену и разбилась тарелка. Затем что-то неразборчивое выкрикнула мать и со звоном посыпались на пол ножи, вилки и ложки. Стукнулась то ли о стену, то ли о пол и разбилась другая тарелка. Я приоткрыл дверь и высунулся посмотреть, не участвует ли в скандале Том, но дверь его комнаты была закрыта. Конечно, он все слышал, но не хотел

ввязываться, а мы с ним были не так близки, чтобы делиться своими мыслями и чувствами.

Не знаю, какая муха меня укусила, но я решил выйти на кухню и попробовать утихомирить родителей, прекратить ссору. Я выглянул из-за угла как раз в тот момент, когда совершенно пьяный отец, пошатываясь, швырнул тарелку из нашего лучшего сервиза. Она шмякнулась о стену рядом с холодильником, и осколков на полу стало больше.

— Я тебя ненавижу! — по-змеиному прошипела мать. — Когда-нибудь сдохнешь по пьянке, и я буду только рада!

— С-сука! — пробормотал отец пьяным голосом и хлопнул кулаком по кухонному столу.

Меня они заметили одновременно.

Отец тупо уставился на меня, в его затуманенных алкоголем мозгах никак не формировалась реакция на мое появление. Нахмурившись, он схватил еще одну тарелку и собрался было швырнуть ее в меня, но мать оказалась проворнее. Не успел я выдать хоть слово, она пересекла кухню, схватила меня за предплечье так крепко, что ее ногти впились в мою кожу и засочилась кровь, и завизжала:

— Марш в свою комнату!

— Я услышал...

— Марш в свою комнату и не высовывайся!

Я убежал, заплакав, но не от боли, а от унижения. Какая глупость и наивность с моей стороны! Как я мог подумать, что смогу прервать их ссору? Захлопывая за собой дверь своей комнаты, я услышал сдавленный смех Тома.

На следующее утро отец вернулся в свое обычное, то есть идиотское состояние, но, поскольку мне требовалось с кем-то поговорить, я поговорил с ним. Похоже, он ничего не помнил о прошлом вечере. От матери я старался держаться подальше. Она молча готовила завтрак, а ее молчание никогда не предвещало ничего хорошего. Том тоже почувствовал гнетущую атмосферу, схватил свой гренок и выскочил за дверь. Я был моложе и должен был соблюдать правила и, проглотив свою порцию, отправился к Роберту, где подождал, пока он покончит с завтраком. Потом мы встретились с Эдсоном и пошли в школу.

Вернувшись в тот день домой, я увидел, что ящики моего письменного стола перерыты.

Нечего было удивляться, я и не удивился. Я ждал этого с самого начала, и все же это было грубым вторжением в мою личную жизнь. Раскладывая книги и бумаги по местам, я испытывал и гнев, и смущение. Прочитала ли мать письма от Киоко? Видела ли она фотографию Киоко? По меньшей мере два конверта лежали не на своем месте, а их содержимое было запихнуто обратно кое-как. Видимо, мать письма прочла. Я быстро раскрыл их и просмотрел. К счастью, это были одни из первых на самые общие темы. Фото лежало в тайнике нетронутым.

Я решил, что, если мать станет задавать вопросы, я просто объясню, что это часть домашнего задания.

Но она ничего не спросила. Она не сказала ни слова. Она знала, что я знаю, что она знает о моей подруге по переписке, но мы оба притворились, будто ничего не случилось, и сохраняли обычную взаимную враждебность.

Я понимал, что надо найти новое место хранения своих писем, но в этом доме о чем-то личном не могло быть и речи. В следующие несколько дней я тщательно обследовал свою комнату, даже осмотрел гараж и заполз под дом, но безопасного места для корреспонденции не обнаружил. В конце концов, совершенно отчаявшись, я улучил момент, когда родители

отправились в магазин, а Том, который должен был следить за мной, удрал к друзьям. Я вытащил нижний ящик письменного стола, достал из отцовского ящика с инструментами кусачки и, надрезав ковровое покрытие под ящиком, затолкал туда все письма Киоко, а ящик вернул на место.

Никто никогда не найдет здесь мои письма, подумал я.

Никто никогда и не нашел.

Мне очень трудно было представить себе домашнюю жизнь Киоко. Не знаю почему: из-за языкового ли барьера или просто потому, что Киоко была слишком сдержанной и с трудом расставалась с личной информацией. В общем, какими бы ни были причины, я очень многого о ней не знал и пытался восполнить пробелы с помощью воображения. Я представлял, что Киоко живет в дружной традиционной японской семье с похожей на гейшу матерью и отцом, который даже дома не снимает деловой костюм. Я представлял их строго распланированную, спокойную и опрятную жизнь в почти пустых комнатках с бамбуковыми циновками и белыми бумажными стенами.

Моя собственная семейная ситуация была более... хаотичной. Когда мы не вцеплялись в глотки друг другу, то просто испытывали неловкость. Отец напивался почти каждый вечер и становился еще более злобным. А от матери всегда следовало ждать нападения. Колотила она меня редко и, честно говоря, совсем не больно, но ее настроение так быстро менялось, что я жил в постоянном страхе, а вдруг она взорвется и немилосердно избьет меня. Это предчувствие обострилось после отцовского ареста, и думаю, что с Томом было так же, хотя мы никогда об этом не говорили.

Школа Киоко тоже казалась гораздо более спокойной и таила меньше опасностей, чем моя. Интересно, это получалось из-за культурных традиций или просто Киоко относилась к тем умным, красивым и популярным людям, которые легко плывут по жизни, избегая проблем, мучающих простых смертных?

Да нет, пожалуй.

Она была обычной девчонкой, не привлекающей к себе особого внимания и не выделяющейся из толпы.

Я вдруг понял: мне *нравится* то, что я мало знаю о жизни Киоко. В какой-то степени она была чистым листом, на который я, в зависимости от настроения, мог проецировать собственные нужды, желания и стремления.

Наши письма регулярно летали с континента на континент, а в одну особенную субботу я получил сразу три и был счастлив всю следующую неделю.

Несмотря на пробелы в моих представлениях о Киоко — а может, благодаря им, — она стала значить для меня гораздо больше, чем я предполагал или рассчитывал. Конечно, она все еще оставалась дублером моей обожаемой мисс Накамото... но уже выступала как самостоятельная личность пусть не наяву, но уж точно в письмах. Она мне нравилась и, как ни странно, была моим лучшим и самым близким другом. Я мог рассказать ей что угодно, не опасаясь насмешек или осуждения.

Я осмелел в своих письмах, в своей лжи. Президент США — кузен моей матери. Возможно, я скоро прилечу в Японию, потому что мой отец изобрел сверхсекретную

фотокамеру, в которой чрезвычайно заинтересовано японское правительство. Я завоевал первое место в своей возрастной группе на чемпионате по серфингу в Хантингтон-Бич и вскоре выступлю вместе с сильнейшими серфингистами в финале чемпионата средних школ штата.

Однако в моей реальной жизни дела шли далеко не так здорово. Отца снова задержали за вождение в пьяном виде, а драгоценного Тома вместе с парочкой безбашенных друзей поймали, когда они громили дом одного из соседей. Что посеешь, то и пожнешь, говаривала моя бабушка, и из этого следовало, что моей вины в их бедах нет, однако каким-то образом во всем обвинили меня. Я стал козлом отпущения. И хотя я ничего плохого не сделал, мать на меня наорала, отец прочитал совершенно бессмысленную и лицемерную нотацию, а потом на целую неделю лишил прогулок и телевизора.

Я фантазировал, как разобью отцу башку камнем, отравлю крысиным ядом еду матери и буду спокойно смотреть, как она, корчась в агонии, блюет кровью.

А в школе я ввязался в свою первую драку. Вернее, *почти* ввязался. Брик Хейуард, здоровый и тупой второгодник, как-то на перемене решил меня избить. Брик пользовался дурной репутацией, но я никогда не учился с ним в одном классе, и наши дорожки никогда не пересекались. А тут ему показалось, что утром в библиотеке я косо на него посмотрел, и он решил меня проучить. Брик поймал меня на игровой площадке у питьевого фонтанчика и, сжав кулаки, потребовал:

— Здесь и сейчас!

Роберт и Эдсон благоразумно попятились.

Я в панике пытался придумать, как выкрутиться. Брик был на голову выше, намного сильнее, выносливее и мог исколошматить меня до полусмерти. *Нападение — лучший вид защиты*, вспомнил я, пытаясь выглядеть гораздо спокойнее, чем чувствовал на самом деле.

— Ты что, круглый дурак? — спросил я.

Наблюдатели изумленно охнули. Все знали, что Брик — второгодник и сильнее оскорбить его невозможно.

Побагровев от злости, Брик надвинулся на меня и процедил сквозь зубы:

— Раздавлю гада.

Я не отступил, хотя все во мне визжало: «Беги!» И постарался не показывать свой страх.

— Здесь я с тобой драться не буду. Нас отстранят от занятий.

— В любое время, в любом месте.

— За школой, — сказал я. — В четыре часа. Когда все уйдут.

К четырем и я буду дома.

— Я приду. — Брик сплюнул на землю и гордо удалился.

Сегодня я в безопасности, а завтра? Все в школе узнают, что я струсил, а Брик от меня мокрого места не оставит. Меня избьют, моя репутация будет безвозвратно погублена.

А может, не все еще пропало. У меня появилась идея.

На следующее утро я пришел в школу с Эдсоном. Роберта по пути на работу подвезла мама, и, встревоженный, он поджидал нас перед учительской.

— Брик тебя ищет, — сообщил он. — Давай, двигай побыстрее в класс.

— Я сам его ищу, — громко объявил я.

Друзья потащились за мной, невольно оказывая мне моральную поддержку. Я вразвалочку обошел здание школы, прошествовал мимо игровой площадки малявок к баскетбольным площадкам, где, как я точно знал, ошивался Брик. При моем появлении

толпа учеников заметно оживилась. Брик медленно повернулся ко мне, но я не дал ему сказать ни слова, приблизился и, обвиняюще выставив руку, спросил:

— Где это ты был?

Как я и рассчитывал, тугодум Брик растерялся и никак не мог сообразить, что сказать. Он вполне обоснованно планировал задать мне тот же вопрос и теперь, когда я украл его оружие, не представлял, как реагировать.

— Я ждал десять минут, — добавил я.

— Интересно, где? — в конце концов выдавил он с такой яростью, что я отступил. Необходимо было сыграть свою роль очень точно, иначе мои зубы вскоре посыплются на асфальт. — Я ждал тебя полчаса!

— Где?

— Прямо здесь!

Я кивнул, давая всем понять, что нашел решение проблемы.

— А я был там, у велосипедной стоянки.

— Мы должны были драться здесь!

— Об этом не было ни слова, наверное, мы оба ошиблись. — Я огляделся, как будто проверяя, нет ли поблизости учителей. — Сегодня. Здесь. В четыре.

— Прямо здесь! — сердито топнул ногой Брик.

— Прямо здесь! — согласился я.

— Ты труп!

— Поживем — увидим.

Мы с друзьями гордо удалились, но замерли, как только завернули за угол. Ноги у меня дрожали, и, чтобы не упасть, я привалился к стене.

— Это было гениально! — сказал Эдсон.

Роберт криво улыбнулся.

— И какой план на завтра?

— Понятия не имею, — признался я, — но что-нибудь обязательно придумаю.

Нас многие слышали, и драка должна была собрать кучу зрителей, поэтому на следующее утро я заявил, что приходил, но слишком много народу болталось на площадке, а мы должны были драться без свидетелей. Вдруг среди зрителей найдется доносчик? Брик попытался спорить, но это ему всегда плохо удавалось, и в конце концов он приказал всем присутствующим назавтра здесь не показываться, мол, это наше личное дело.

Мы в очередной раз назначили время и место, только на следующий день я совсем обнаглел: обвинил Брика в трусости, и почти на глазах учителя, так что он не смог наброситься на меня сразу. Я назвал Брика маменькиным сынком и заявил, что устал от этой тягомотины и не желаю иметь с ним никакого дела. Пусть дерется с кем-нибудь другим.

Как ни странно, сработало! Хотя мы ходили в одну и ту же школу и иногда видели друг друга на площадке во время перемены, никаких стычек и вызовов на бой больше не было. Я успешно уклонился от своей первой драки.

Правда, радовался я недолго. Потому что Пол переехал.

Это случилось совершенно неожиданно. А может, и нет. Его родители наверняка бесконечно обсуждали, следует ли сниматься с насиженного места ради карьеры, только с детской точки зрения это было похоже на гром среди ясного неба. Вот только сегодня мы играли, мастерили тележку, а на следующий день Пол уже собирал свои вещи, потому что до отъезда оставалась всего неделя.

Мы совершенно растерялись. Мы были детьми, мальчишками, и, хоть я уверен, что переживал он не меньше моего, мы об этом не говорили, даже когда я помогал ему паковать его игрушки и коллекции. Я думал только о том, что остаюсь один на один с улицей, с родителями. Не будет больше выходных дней и рабочих вечеров у Пола, мне некуда будет бежать из своего вечно штормящего дома, притворяясь, что у меня нормальная, счастливая семья.

Я был угнетен и подавлен. Я мечтал, чтобы они усыновили меня и забрали с собой.

Они уехали в субботу, и это была первая суббота за месяц, когда я не получил письмо от Киоко. Говорят, беда не приходит одна. Когда я пришел проводить Пола, он уже сидел в забитой вещами машине, а его отец собирался завести мотор. Еще три минуты, и я бы их не застал.

Пол опустил окно. Он плакал. Не рыдал. Просто слезы катились по его щекам. И хотя мне тоже хотелось заплакать, я счел его слезы слабостью.

— Я напишу тебе, — сказал Пол, пытаясь выдавить улыбку. — Мы будем друзьями по переписке.

— Да, — согласился я. — Будем переписываться.

Но мы ни разу не написали друг другу.

Я видел его в последний раз в жизни. Родители увозили его в новую жизнь, а он махал мне, повернувшись к заднему стеклу автомобиля.

Жизнь продолжалась.

С пьяными ссорами и битьем посуды. И отец избил Тома за что-то, о чем мне не докладывали.

— Как только мне стукнет восемнадцать, я свалю отсюда навсегда, — сказал Том, и это его желание — единственное, что нас объединяло. Я мечтал об этом же.

Как-то в теплый субботний день в конце марта меня пригласили к Роберту ночевать в палатке во дворе. Моя мать никогда прежде не разрешала мне оставаться на ночь у друзей, и ее согласие меня потрясло. Мама Роберта официально пригласила меня по телефону, и, думаю, моя мамаша просто не смогла отказать взрослому человеку. Если бы я сам попросился, она бы мне наотрез отказала.

Однако все сложилось удачно. Я собрал маленький чемоданчик, а мамаша неохотно отвезла меня к Роберту, натянула на лицо фальшивую улыбку и даже немного поболтала с мамой Роберта. Потом обняла меня, поцеловала в лоб и пожелала хорошенько повеселиться.

Я не смог припомнить, когда она обнимала или целовала меня до того случая.

Потом она уехала, и я был свободен. Эдсон прибыл через несколько минут, а мы с Робертом решили подурачиться и спрятались в гараже за ящиком, притворяясь, что не слышим все более жалобных криков: «Роберт! Джейсон! Где вы, ребята?» В конце концов мама Роберта велела нам вылезти и поиграть с Эдсоном, и мы с диким хохотом выбрались из гаража.

Пару часов мы бездельничали в комнате Роберта, жевали «Принглз», пили колу и слушали пластинки. У Роберта была настоящая стереосистема — не маленький проигрыватель, как у меня и Эдсона, а его отец дал послушать нам свои классные пластинки. Мы наслаждались «Йес», «Супертрэмп», «Харт», «Джетро Талл» и, надевая по очереди наушники, чувствовали себя продвинутыми тинейджерами. Правда, в конце концов нам это наскучило, и мы вышли на улицу поиграть в баскетбол. Взрослых рядом не было. Мы валяли

дурака, матерились, я первый начал. А потом нам и это надоело, и мы просто стали бросать мяч в корзину без всяких правил.

Роберт бросил мяч от забора дома напротив, промахнулся и вдруг заявил:

— Мне не нравится мой друг по переписке. Парень просто идиот.

— А мой зануда, — откликнулся Эдсон, даже не добросив мяч до корзины. — И когда закончится эта дурацкая программа?

Я ничего не сказал. Оба моих приятеля знали, что я переписываюсь с девочкой, и, хотя я убедил их, будто ее мне назначили, никогда ничего плохого о Киоко не говорил. И не собирался начинать сейчас. Это было делом чести.

Они посмотрели на меня, ожидая моих жалоб. Роберт с подозрением прищурился.

— Если вам не нравятся ваши корреспонденты, — сказал я, успешно отвлекая внимание от своей персоны, — заставьте их перестать вам писать.

— Это как же? — удивился Эдсон.

— Притворитесь гомиками, — ухмыльнулся я.

— Ни за что, — фыркнул Эдсон.

Роберт согласно кивнул:

— И нам это с рук не сошло бы.

— Ну, придумайте еще что-то. Напишите что-нибудь безумное. Напугайте их.

В глазах Эдсона вспыхнули веселые искры.

— Я мог бы притвориться, что убил кого-то и подался в бега и мне необходимо где-то спрятаться! Я спросил бы, нельзя ли остановиться в его семье!

— Ну вот. Ты уже включил мозги, — похвалил я.

— Или я мог бы сказать, что пишу из сумасшедшего дома!

Роберт с сомнением покачал головой:

— Мой парень мне никогда не поверит.

— Почему? — спросил я.

— Он слишком хорошо меня знает.

— Слишком хорошо тебя знает? — Я перевел взгляд с Роберта на Эдсона и обратно. —

Вы, парни, пытаетесь сказать, что рассказывали *правду*? Вы что, чокнутые?

— Надо же было о чем-то писать, — занял оборону Роберт.

— Да, но это вовсе не должна быть *правда*. Послушайте, вы же никогда с ними не встретитесь. Они не знают, кто вы. Вы можете притвориться... Мердоком. Или Бриком Хейуардом. Да кем угодно. Они все равно не догадаются. И вы сообщаете им только то, что *хотите*, чтобы они знали. Придумайте себя. Будьте тем, кем хотите быть. Умнее, популярнее, старше, круче, да что угодно.

— Ты так и делаешь? — с восхищением спросил Эдсон.

Я улыбнулся, как надеялся, таинственно.

— Да, но твой адресат — *девочка*, — насмешливо сказал Роберт.

Я промолчал и, держу пари, услышал, как у них в мозгах завертелись шестеренки. Глаза Эдсона разгорелись.

— Вы пишете что-то... непристойное?

— Это знаю я, а вы можете догадываться.

Я выхватил у Эдсона мяч, сделал бросок из-под корзины, сам подобрал мяч под щитом и повторил бросок.

В тот вечер, ужиная в нормальной семье, где родители и дети без всякого раздражения

общались друг с другом, я чувствовал себя очень странно. Все смеялись и шутили. И отлично проводили время, прямо как в телесериале. Ни враждебного молчания, ни грубых окриков, ни резких замечаний, к которым я привык. После ужина мы все, даже родители Роберта, играли в «Монополию», и это было здорово.

Правда, не совсем как в «Семейке Брэйдс». Роберт все равно был нормальным парнем, и после того, как его отец поставил на заднем дворе палатку со спальными мешками, ушел в дом и задернул шторы, мы вылезли наружу и отправились посмотреть, что происходит в мире. Через несколько домов от Роберта жил сопляк по имени Стиви. Однако как только мы сунулись на его лужайку, залаяла собака и мы поспешно отступили и бежали до самого угла. Мимо промчался «мустанг», набитый подростками, и в открытое заднее окошко вылетела и шмякнулась на тротуар у наших ног резиновая водяная бомба.

— Подавитесь! — выкрикнул кто-то.

Я проводил взглядом умчавшийся с ревом автомобиль, но не успели мы пройти полквартала, как мое внимание привлекла сгорбленная фигурка, ковылявшая по тротуару.

Ведьма.

Старая карга меня преследовала! Я столкнулся с ней на почте, когда отправлял письмо Киоко, а сейчас, увидев ее в призрачном лунном свете, почувствовал, как мурашки побежали по позвоночнику.

— Эй, — прошептал Эдсон, указывая на ведьму и переводя взгляд с меня на Роберта. — Может, выследим ее? Посмотрим, где она живет?

Роберт приложил палец к губам и побежал вперед, стараясь держаться в тени кустарников и избегая кругов света под уличными фонарями, стоявшими примерно перед каждым третьим домом.

Мы преследовали ведьму. Я надеялся, что громкий стук ее палки заглушит наши шаги, но она нас слышала, остановилась у почтового ящика в конце квартала и резко обернулась, тыча палкой в нашу сторону. Палка описала в воздухе широкую дугу слева направо, ведьма произнесла что-то похожее на «Даже не пытайтесь», и, словно по ее сигналу, с неба на землю точно между нами замертво упал голубь. Ведьма улыбнулась и свернула на поперечную улицу.

— Чешем отсюда! — сказал Роберт, и мы припустили назад и не останавливались, пока не оказались в безопасности палатки на заднем дворе Роберта.

Я не мог дождаться, когда доберусь до письменного стола и расскажу об этом Киоко. Как только вернусь домой, запрусь в ванной комнате и напишу ей длинное письмо о ночевке в доме друга и нашем приключении с участием ведьмы.

Мы забрались в спальные мешки, обменялись впечатлениями о случившемся, составили планы на завтра и несли бред собачий, пока сон не сморил нас. Сначала заснул Роберт, потом Эдсон, но я, взбудораженный мыслями о будущем письме, никак не мог заснуть. Я вдруг понял, что реальная жизнь важна мне лишь как фундамент моих писем, что мне больше нравится описывать события, чем переживать их. Я писал письма не для того, чтобы описывать свою жизнь. Я жил для того, чтобы было о чем писать в своих письмах.

Или от чего отталкиваться в своей лжи.

Я таращился в островеверхую нейлоновую крышу палатки. Надо отдать мне должное, я не всегда врал. Если случалось что-то интересное, как, например, наша встреча с ведьмой, я вплетал это в канву создаваемой мной фантазии. Просто интересное в моей жизни случалось гораздо реже, чем письма, потому я и занимался сочинительством.

А Киоко верила всему.

Поступала ли она так же? Вряд ли. Ее истории были слишком земными, слишком обычными. У нее не было засекреченного отца-ученого, в ее родне не было знаменитостей или высокопоставленных личностей, она не была популярной чемпионкой по серфингу, не сталкивалась с ведьмами. Но от этого она только больше мне нравилась. Она была очарована моим вымышленным «я», она искренне обожала своего американского друга по переписке, и потому я не мог оставаться к ней равнодушным.

Утром мы все трое проснулись на рассвете. Мама Роберта уже пекла на кухне оладьи. Я быстренько позавтракал и попросил отвезти меня домой. Роберт и Эдсон упрашивали меня остаться, соблазняли всеми веселыми делами, которые мы напланировали на это утро, но я мог думать только о письме Киоко; я должен был написать ей, пока не забыл что-нибудь и не поостыл. Я сказал, что мне очень жаль, но мы куда-то едем всей семьей. Пол бы мне ни за что не поверил — слишком хорошо он меня знал, но Роберт и Эдсон были школьными друзьями и жили далеко от меня, а потому я мог впарить им, что живу в дружной семье.

Отец Роберта отвез меня домой. Я поблагодарил его, попрощался с увязавшимися с нами Робертом и Эдсоном, подхватил свой чемоданчик и побежал к кухонной двери, в последний раз помахав приятелям.

В гостиной мать орала на Тома, а отец сидел за кухонным столом, уставясь мутным взглядом в чашку с кофе и бормоча:

— Ублюдки... ублюдки... ублюдки...

— Почему ты дома? — завизжала мать, когда я попытался проскочить мимо нее. — Я думала, что мы отдохнем от тебя до вечера!

Я молча прошел в свою комнату, сдвинул кучу грязных шмоток к двери, чтобы ее не смогли открыть слишком быстро, и уселся за письменный стол. Опасная затея для дневного времени, но ради этого письма я пожертвовал целым днем развлечений. Я снял колпачок шариковой ручки, набрал в легкие побольше воздуха, и меня накрыло волной счастья.

«Дорогая Киоко», — вывел я...

В пасхальные каникулы я убил отца.

Не взаправду. В письме Киоко. Сообщил, что мой отец трагически погиб в автомобильной катастрофе по вине пьяного водителя. Я получал истинное удовольствие от извращения действительности, убивая вымышленного героя персонажем, столь близким моему реальному папаше, хотя, конечно, на бумаге глубоко скорбил по любимому отцу и оплакивал его утрату.

Пришлось убить его, поскольку Киоко замучила меня вопросами о моем предстоящем приезде в Японию. Она даже рассказала своим родителям, и вся семья строила планы относительно моей встречи. Я вовсе не сожалел о своей лжи, сожалел только о том, что это ложь. Я убил прохвоста да еще разукрасил его похороны присутствием известных и влиятельных людей.

Это было самое длинное из моих писем и самое подробное. Я обнаружил, что с наслаждением пишу о смерти отца, испытываю странное, не очень здоровое удовлетворение от описания деталей его кончины. Чувства, которые я выражал в письме к Киоко, были

гораздо глубже, чем я испытал бы, взаправду узнав о смерти отца. Мое сочинительство в какой-то степени становилось очищением, поскольку позволяло мне чувствовать то, чего я никогда бы не испытал в реальной жизни.

Я был так счастлив, сочиняя то письмо, что немедленно накатали второе, столь же длинное, но датированное несколькими днями позже. В нем я притворялся, что с трудом справляюсь с утратой; не могу есть, отказываюсь посещать школу и избегаю друзей.

К тому времени Киоко считала, что хорошо меня знает, и страшно за меня переживала. Ее следующее письмо было залито слезами, аккуратно выписанные буквы расплывались. Я испытывал угрызения совести, но извиниться и взять свои слова обратно не мог. Признание в такой колоссальной лжи только усугубило бы мою вину. Оставалось лишь продолжать.

Красноречие ее соболезнований меня поразило. Шок от неожиданной смерти покончил с ее языковыми проблемами, и, хотя грамматике и синтаксису еще не хватало совершенства, слова лились прямо из сердца и были гораздо выразительнее, чем я мог ожидать. Как будто всегда разделявший нас — то ли из-за черт ее личности, то ли из-за культурных традиций ее страны — занавес формальности приподнялся и Киоко вдруг смогла общаться со мной на эмоциональном уровне открыто и честно.

Я вспомнил Пола и его привычку все сводить к сексу. Я солгал бы, если бы стал утверждать, что не думал ни о чем подобном, особенно проводя столько времени за письмами и мыслями о девочке. Красивой девочке. И я решил, что представилась отличная возможность ввести эту тему в наши отношения.

Я сообщил Киоко, что люблю ее.

И пожалел об этом, как только наутро бросил письмо в почтовый ящик. Я чуть не попытался вернуть свой конверт, придумав что-нибудь в духе Фреда и Барни. Смущение подавило все остальные чувства. Следующие две недели я не мог справиться с возбуждением, сказавшимся и на моей сосредоточенности, и на оценках. Я неосторожно наступил на несколько эмоциональных мин дома, выйдя из передраги с огромными физическими потерями.

К моему великому облегчению, Киоко ответила, что и она меня любит, причем уже больше месяца, и счастлива, что я наконец заговорил о любви и она теперь тоже может мне об этом сказать.

На самом деле я ее не любил. И где-то в глубине души даже чувствовал себя виноватым за такие игры с нею и за притворство в том, чего не испытывал. Конечно, она мне нравилась, но я ее не любил. Правда, я вдруг понял, что могу использовать ее чувства ко мне для достижения своих целей, могу подтолкнуть ее к тому, чего хочу.

Наши отношения изменились, как по мановению волшебной палочки. Только что я был рабом нашего эпистолярного общения, рабом своего желания писать и читать письма подружки по переписке, а в следующее мгновение я оказался главным, мог командовать, мог полностью контролировать чувства, до той поры господствовавшие надо мной.

Секс меня интересовал, и я воспользовался возможностью поднять этот вопрос, расписывая свой вымышленный опыт, не скупясь на ложь о том, чего я никогда не делал и не знал, как делать, но уверял, что хотел бы делать это с ней. Поскольку мы любим друг друга, подчеркивал я, в этом нет ничего предосудительного. Это естественно и прекрасно.

Она ответила в том же духе.

С того времени наши письма стали непристойными, не по-взрослому порнографическими, однако — для двух детей нашего возраста с полным отсутствием опыта

— довольно грязными.

В конце концов я убедил Киоко прислать мне фотографию, на которой она снята вообще без одежды. Она сфотографировалась сама, стоя перед зеркалом в ванной комнате. За ее спиной виднелась узкая душевая кабинка, справа, на белой крашеной стене — простая железная вешалка для полотенец. Сама Киоко стояла в центре, фотоаппарат скрывал ее лицо, кроме губ и лба. Она явно нервничала, и ей не хватило смелости снять всю одежду; она просто стянула до колен платье и трусики. Однако я увидел все, что хотел увидеть.

И мне это понравилось.

Я ответил ей не сразу. Не знаю точно почему. Я рассматривал фотографию ночью в постели, играя со своим пенисом, и не мог не думать о ней все воскресенье и понедельник, но, наверное, я немного обиделся, ведь Киоко не попросила у меня подобного фото. Я, скорее всего, не послал бы, но было бы мило, если бы она попросила.

Вероятно, я также хотел немного утвердиться в своей новообретенной власти, заставляя Киоко ждать ответа.

Какова бы ни была причина, я держался неделю, а потом, когда весь дом давно уже погрузился в сон, снял пижаму и трусы и написал Киоко свое самое красочное письмо. А потом, глядя на фото, опять играл с пенисом.

Следующее письмо я получил от ее отца... только адресовано оно было не мне, а моим родителям. Я узнал конверт и перехватил его, подумав сначала, что это письмо мне от Киоко. Однако темные резкие буквы незнакомого почерка подсказали мне: это нечто другое. Я в ужасе отнес письмо в комнату, закрыл дверь и, аккуратно вскрыв конверт, достал белый лист простой почтовой бумаги.

Ее отец нашел и прочитал мои письма.

А Киоко не выдержала и все признала.

Суть письма, написанного на ломаном и трудно воспринимаемом английском, сводилась к тому, что я опозорил свою родню, а его дочь превратил в шлюху, которая теперь никогда не сможет выйти замуж за юношу из хорошей семьи, потому что я ее развратил. Мистер Йосицуми ругал моих родителей за то, что они воспитали мальчика с такими низкими моральными качествами, и требовал, чтобы они наказали меня за непростительное развращение его дочери.

Он также послал письмо мисс Накамото.

У меня пересохло во рту.

Я перечитал последние слова, чтобы убедиться, все ли я правильно понял из этих отрывистых английских слов. *Я пишу объяснить достопочтенной учительнице Накамото никаких больше друзей по переписке.* Ошибиться в смысле было невозможно. Мои глаза метнулись к середине письма. *Вы наказать мальчика за плохой характер и мораль ваш долг, как родителя.*

Ну уж нет, этого я не допущу. С бешено бьющимся сердцем я разорвал письмо на мельчайшие кусочки, завернул клочки в салфетку, отнес в ванную комнату и спустил в унитаз. А что дальше? Расскажет ли мисс Накамото директору? Вызовет ли она или директор моих родителей? Грозит ли мне временное исключение из школы? Или меня арестуют? Все казалось возможным, и я лишь надеялся на то, что отец Киоко не знает адреса мисс Накамото или адреса школы.

Пустая надежда. В школе Киоко в Японии имелся адрес компании «Друзья по переписке», а там-то адрес моей школы точно знали. Нет. Мой единственный и

незначительный шанс на спасение только в том, что письмо затеряется на почте.

Мы не были религиозной семьей. Мы никогда не ходили в церковь. Однако основные представления у меня имелись, и впервые в жизни я сложил ладони, закрыл глаза и совершенно серьезно попытался молиться. *Добрый Боженька, пожалуйста, не дай мисс Накамото получить то письмо. И пусть мои родители не узнают, что произошло. Огради меня от беды. Всю свою оставшуюся жизнь я буду хорошим. Клянусь. Аминь.*

И чтобы уж наверняка, я повторил молитву. И еще раз. И еще. И еще... пока, наконец, не заснул.

На следующее утро я пришел в школу нервный и напряженный. До начала занятий поболтался с Робертом и Эдсоном на игровой площадке, но никак не мог сосредоточиться на разговоре и вряд ли замечал, чем мы занимались. С первым звонком я потащился в класс.

И сел за свой стол.

Мне казалось или мисс Накамото действительно старалась на меня не смотреть? Трудно сказать. Вроде она вела себя как обычно: проверила присутствие учеников по списку, произнесла вместе с нами клятву верности флагу США, а затем, разделив на группы по чтению, вывела первую группу к доске. Я попытался убедить себя, что исполнение смертного приговора откладывается по меньшей мере на день.

На перемене мисс Накамото попросила меня задержаться.

Ее голос прозвучал спокойно, серьезно и официально.

Я, дрожа, сидел за своим столом. Я точно знал, что меня ждет, и сердце колотилось, как взбесившийся барабан. Мисс Накамото подождала, пока все вышли, закрыла и заперла дверь. Из верхнего ящика своего письменного стола она достала конверт, совершенно такой же, как адресованный моим родителям и перехваченный мной.

— Я получила это письмо вчера, — медленно произнесла она. — От отца Киоко Йосицуми, твоей подруги по переписке. — Пауза. — В письме он сообщает, что вы обменивались... э... неподходящими посланиями и что ты убедил ее послать тебе ее фотографию без одежды. Это правда?

Я не ожидал, что мисс Накамото так сразу перейдет к сути. Я не смел взглянуть на нее и не поднимал глаз. От стыда я вспотел и покраснелся.

— Джейсон? — В ее голосе не было ни доброты, ни сочувствия.

Не отрывая взгляда от столешницы, я молча кивнул.

Это было болезненно для нас обоих. Может, она смущалась так же, как и я, но не остановилась. Она прочитала мне длинную лекцию о приличном и неприличном поведении, неприемлемых отношениях и приемлемых темах для обсуждения мальчиками-пятиклассниками. Я молча слушал ее суровую критику, надеясь, что выгляжу раскаявшимся достаточно для того, чтобы все это поскорее закончилось.

Мисс Накамото сложила письмо, убрала его в ящик стола и тяжело вздохнула.

— Джейсон, я сильно в тебе разочаровалась. Боюсь, ты больше не сможешь участвовать в программе «Друзья по переписке». Думаю, не стоит добавлять, что никаких лишних баллов ты не получишь. Я поставлю тебе «неудовлетворительно» по английскому и основам гражданственности. Ты понимаешь почему?

Я горестно кивнул.

Мисс Накамото никогда меня не полюбит. Я теперь ей даже не нравлюсь.

— Я очень разочарована, — твердо повторила она.

— Не говорите моим родителям! — выпалил я, и это были первые мои слова.

Прозвенел звонок. Через несколько секунд одноклассники вернутся с перемены. Я в отчаянии смотрел на мисс Накамото.

Она кивнула.

— Мистер Йосицуми сообщил мне, что послал письмо и твоим родителям. Пусть они сами решают, как отнестись к твоим поступкам. Я, со своей стороны, сделала все, что должна была сделать.

Спасибо тебе, Боженька, подумал я.

Вернувшись домой, я выбросил все письма Киоко и даже ее фотографии. Я порвал оставшиеся конверты и почтовую бумагу, выбросил в мусорное ведро ручки и карандаши.

За следующие шесть лет я не написал ни единого письма.

Джейсон Хэнфорд
111 Норфолк-авеню,
Акация, Калифорния 92235
13 марта 1980 г.

Господа!

Я ваш давний клиент, и меня очень огорчает новый способ приготовления картофельной стружки. Я очень любил вашу старую картошку во фритюре. Мы с друзьями из средней школы имени Р.Б. Хейса покупали ее на ленч несколько раз в неделю. Однако ваша новая картошка несъедобна. Просто хочу сообщить вам, что, хотя я и привык питаться в «Бургерах Бака», отныне я буду иметь дело только с «Макдоналдсом».

С уважением,
Джейсон Хэнфорд

Я вовсе не собирался питаться в «Макдоналдсе». Во-первых, ни одного «Макдоналдса» рядом с моей школой не было, следовательно, я не мог бегать туда за ленчем. Во-вторых, я все равно любил картофельную стружку «Бака». Просто я надеялся, что благодаря моей жалобе местная забегаловка вернется к прежнему рецепту — нарезанному ломтиками картофелю, обжаренному в масле, подвешенному в корзинке и подогреваемому по заказу клиентов. Недавно они переключились на палочки из готового картофельного пюре, закупаемые в замороженном виде на каком-то складе. Их нельзя было разогревать, и мне они нравились гораздо меньше.

Однако главная причина моей жалобы заключалась в том, что на день рождения я получил в подарок пишущую машинку. Не текстовый процессор и даже не электрическую пишущую машинку, а старый дряной агрегат, оказавшийся ненужным у отца на работе. Машинка стояла у меня в комнате почти месяц, но в прошлый уик-энд я расчистил завалы на письменном столе, освободил для нее место и решил, что пришло время ее испытать.

К моему изумлению, я получил письмо от самого Бака и три купона на полный бесплатный ленч (гамбургер, жареную картошку и напиток). Бак благодарил меня за высказанное мнение и сообщал, что окончательное решение еще не принято, но испытательный период для новой картошки продлится еще примерно месяц. Он выразил надежду, что я загляну к ним и предоставлю еще один шанс.

На следующий день в школе я показал письмо Роберту и Эдсону. Бесплатная еда просто за жалобу потрясла парней.

— О, чудо! — воскликнул Эдсон, падая передо мной на колени и отбивая земные поклоны.

— Поднимайся, — сказал Роберт, увидев, что школьники оглядываются и тарашатся на нас. — В этой позе ты выглядишь слишком естественно.

Эдсон поднялся.

— Забавно. Твоя мама вчера вечером сказала мне то же самое.

Я не показал письмо родителям и не рассказал им о бесплатных купонах, но в воскресенье мы с друзьями отлично повеселились. Мы отправились в центр, заглянули сначала в магазинчик журналов с комиксами «новой волны», послонились там, ничего не купив, затем прошерстили пластинки в магазине Армии спасения. В последний год мы с Робертом стали фанатично коллекционировать грампластинки, и за один доллар я купил альбом раннего Тодда Рандгрена и «Резиновую душу» «Битлз».

— И чего ты вцепился в такую старую музыку? — с насмешкой спросил Эдсон. — Даже мой брат наконец забросил этих динозавров.

— Зато они стоят всего по пятьдесят центов, — пояснил я. — И кроме того, старая — вовсе не означает плохая. Во все времена есть музыка хорошая и плохая.

Роберт хитро улыбнулся Эдсону.

— А я достал Чарли Дэниелса, Уэйлона Дженнингса и Хэнка Джуниора.

Он недавно свихнулся на музыке кантри, чего мы никак понять не могли. Эдсон только фыркнул с отвращением и покачал головой.

— Видео убило радиозвезд, — подколот его Роберт.

Из магазина Армии спасения мы отправились в «Бургеры Бака». Я вручил кассиру бесплатные талоны, и мы обожрались дармовой, слишком калорийной жратвой.

— Жалуйся почаще, — предложил Роберт.

Хорошая мысль, и я написал жалобы во франчайзинговые заведения всех сетей фастфуда, какие только смог вспомнить: «Макдоналдс», «Бургер Кинг», «Джек ин зе бокс», «Вендиз», «ТакоБелл», «ЭльТако», «ДельТако», «Пап энд Тако», «Дер Винершницель». Я всем написал то же, что и в первый раз, мол, я — давний клиент, очень расстроенный последним посещением их заведения.

Бесплатные купоны посыпались на меня как из рога изобилия. До конца учебного года мы с друзьями питались бесплатно. Нам ни разу не пришлось покупать еду. «Пицца-хат» и «Доминоз» обеспечивали нас гигантскими пиццами, а «Баскин Роббинс» — десертами. Я поделился секретом со всеми знакомыми (кроме собственной семейки), и кое-кто тоже написал жалобы, но по какой-то причине только мои попытки оказались успешными. Некоторые получили ответы с формальными извинениями, но бесплатные купоны доставались мне одному.

— Если Джейсон что и умеет, так только жаловаться, — пошутил Роберт.

Шутки ради — или, точнее, в качестве эксперимента — я написал письмо в Фэмилиленд от лица президента студенческого клуба, который якобы собирает пожертвования для своего фонда. К моему величайшему изумлению и бескрайнему восторгу, я получил пять бесплатных билетов в парк. Сначала я подумывал пригласить четверых друзей, но потом осознал, что у меня всего лишь два близких друга: Роберт и Эдсон. Почему бы просто не пригласить их, а два оставшихся билета сохранить на будущее? Я так и сделал. Родителям я сказал, что Эдсон выиграл на конкурсе два бесплатных билета в Фэмилиленд и пригласил меня. В субботу утром мы втроем поехали на автобусе в парк развлечений.

По большей части мы передвигались на автобусах. У всех троих были водительские права, но не было автомобилей, а одалживать родительские машины мы не любили: слишком много ограничений. Пользуясь автобусами, мы сохраняли свободу и независимость.

Мне уже приходила в голову мысль попробовать получить бесплатный проездной, пожаловавшись в автобусную компанию.

Мы приехали в Фэмилиленд рано, как только парк открылся, и планировали провести там весь день до самого закрытия в полночь. Мы хотели получить все возможное, тем более что нам это ничего не стоило. Первую половину утра, пока не собрались длиннющие очереди, мы катались на самых популярных и головокружительных аттракционах, а потом пытались подцепить девчонок в сувенирных лавках и аркадах, спрашивая каждую девушку приблизительно нашего возраста, не хочет ли она прокатиться с нами. В конце концов две угрюмые толстые девчонки согласились составить компанию мне и Эдсону в «Доме с привидениями». В темноте я умудрился несколько секунд подержаться за потную ладошку сидевшей рядом со мной брюнетки. Роберт, не нашедший себе спутницы, катался один, что послужило нам поводом для шуток на весь день.

Ближе к вечеру мы заглянули в «Космический бар» перед аттракционом «Полет на ракете» выпить кока-колы, и вдруг я услышал знакомый голос:

— Эй, задница!

Я поднял глаза и увидел в очереди на аттракцион Тома и уродину, с которой он встречался последние несколько недель. Том, ухмыляясь, помахал мне:

— Спасибо за билеты!

Он украл два моих оставшихся билета! Мне захотелось его убить. Если он нашел тайник, значит, перевернул мою комнату вверх дном. Я почувствовал себя так, будто меня избили. Этот придурок вторгся в мое личное пространство. Слава богу, я не веду дневник. Я постарался припомнить, на что еще он мог наткнуться, какие еще мои тайны он мог раскрыть.

В тот момент я его ненавидел. Даже в наши лучшие времена я не любил Тома, а в ту секунду мог бы легко перерезать ему глотку и ни на мгновение не потерял бы сон.

Смеясь, Том продвинулся вперед и вместе со своей страхолюдиной исчез за окольцованным глобусом Сатурна.

— Что случилось? — спросил Эдсон.

Гнев душил меня, и я не смог ответить. Я пытался придумать, как отомстить. Родителям жаловаться без толку — они озвереют, узнав, что я им ничего не сказал о бесплатных билетах, и, хотя в последний год я здорово вымахал и перерос брата, он все еще легко мог надрать мне задницу. Я подумал о его уродине, и у меня мелькнула мысль.

— Джейсон, ау! — Роберт махал рукой перед моим лицом, словно пытался вывести меня из транса. Похоже, он давно о чем-то меня спрашивал.

— Давайте выбираться отсюда, — сказал я, хватая свой стакан с колой. — Здесь мой долбаный братец, а я не хочу его видеть.

— «Дикий Запад»! — провозгласил Роберт. Увлеченный всем, что имело отношение к Дикому Западу и ковбоям, он ныл, что хочет посмотреть ковбойское шоу, с самого утра, когда, проходя мимо деревянного забора форта, мы услышали игру на банджо.

— Ни за что! — запротестовал Эдсон.

Решающий голос оставался за мной, а «Вестернленд» был достаточно далеко от «Космоса» и моего братца, поэтому я сказал:

— Пошли.

— Не повезло, — пробормотал Эдсон.

Мы успели на последний автобус, и я явился домой в несколько минут двенадцатого. В

полночь Тома еще не было, и до меня с кухни доносились голоса родителей, кипевших от злости. Трахает свою шлюху на заднем сиденье, подумал я и со злорадством услышал, что родители мыслят в том же ключе. Здорово же ему достанется, когда он явится домой.

Я был счастлив.

Однако не совсем.

Я вошел в комнату Тома, нашел имя и адрес уродливой шлюхи, вернулся к себе и вырвал листок из тетради в линейку. *Том Хэнфорд*, вывел я, старательно искажая свой почерк, голубой. *Он использует тебя, чтобы отомстить мне за то, что я его бросил. Не попадайся на удочку.* Я поставил подпись Фил, а вместо точки нарисовал что-то вроде цветочка.

Вложив письмо в конверт, я его заклеил и наклеил марку.

Затем я написал президенту Фэмилиленда, что отвратительно провел день в парке и больше туда ни ногой, и вложил в конверт корешок билета.

Через неделю я получил еще два бесплатных билета.

И хотя мы с Томом о его девчонке не говорили, встречаться с ней он перестал.

Чтоб ты провалился, Том, подумал я. И улыбнулся.

2

Стрелки часов в очередной раз перевели на летнее время, а жизнь легче не становилась. Как была плохой, так и оставалась. В первые годы моей учебы в средней школе отец пил регулярно. Однако, разбив в лепешку автомобиль в жуткой аварии по собственной вине, чуть не угробив какую-то женщину и на год лишившись водительских прав, пить он перестал и даже ударился в религию. Не то чтобы он сильно изменился или стал лучше обращаться со мной и Томом. Нет. Он был все таким же злобным и агрессивным и как будто еще более опасным, поскольку прежде из-за алкоголя его внимание рассеивалось, а теперь он мог всецело сосредоточиться на чем-то одном.

Как и я.

Отец никогда не позволял мне забыть, что я для него колоссальное разочарование. В семье он вел себя как полное дерьмо, но на людях вполне справлялся с образом рубахи-парня и, как многие пьяницы, умел поддерживать компанию, даже когда был трезв. Мне же общение давалось с трудом, и, к удивлению отца, я еще ни разу не ходил на свидание, хотя мне исполнилось семнадцать лет. Отец был неплохим спортсменом. Не сейчас, когда разжирел и самое большое, на что он был способен, — это смотреть футбол по телевизору и обзывать тренеров, а в молодости, когда в средней школе он играл в футбольной, баскетбольной и бейсбольной командах. А я радовался, когда получал «удовлетворительно» по физическому воспитанию.

В общем, конфликтов было множество.

К счастью, Роберт устроил меня на работу в «Джемко», магазин уцененных товаров, так что у меня появилась уважительная причина удирать по вечерам из дома. Роберт занимал должность, о которой мечтал я, — работал в музыкальном отделе и продавал пластинки, кассеты и стереосистемы, но я отчаянно нуждался в деньгах и обрадовался, когда освободилось место в отделе игрушек. Роберт порекомендовал меня заместителю заведующего.

После формального интервью меня приняли на двадцать часов в неделю; восемь часов в

один из выходных, а остальные двенадцать распределили по рабочим вечерам. Работа была легкой. Единственная неприятность состояла в том, что бесчисленное число раз за смену приходилось убирать за детьми, которые брали с полок игрушки, играли с ними и бросали прямо в проходах. И все бы ничего, вот только мой начальник Эллис Кейн был самодовольным идиотом. Он царствовал в игрушечном отделе и чувствовал себя оскорбленным, если кто-то не считал, что такую важную работу может выполнять только умнейший и прилежнейший человек. Он возмущался тем, что я, учащийся средней школы и почасовой работник, находил эту работу несложной и скучной.

И свое недовольство он вымещал на мне. Во всех нарушениях виноватым оказывался я. Он постоянно напоминал мне, что моя предшественница работала гораздо лучше, а если какой-нибудь ребенок блевал, или писался, или проливал сок, он добивался того, чтобы я, а не кто-то из уборщиков возился в грязи.

Я возненавидел сукина сына.

Однако еженедельный чек мне нравился. И нравилось чувство независимости, ведь теперь не приходилось вечерами прятаться в своей комнате, прислушиваясь к родительским ссорам. В общем и целом все сложилось не так уж плохо, и, если бы Кейна перевели в другой магазин или хотя бы в другой отдел, в этом мире не осталось бы никаких изъянов.

Мы с Робертом обычно проводили перерывы вместе, сидя на низкой кирпичной стенке за магазином. Это спасало нас от комнаты отдыха в обществе «бессрочниц» — пожилых женщин, работавших здесь с каменного века и слишком серьезно воспринимавших свою работу. Как-то в среду вечером в игрушечном отделе царила тишь да гладь; с шести часов вечера, с начала моей смены, ни одного покупателя, ни одного посетителя, просто рассматривавшего товары. Ну, я и решил устроить себе перерыв пораньше. Я заглянул в музыкальный отдел, где хрупкий старичок в безобразной клетчатой куртке спорил с Робертом:

— Это не то, что я хотел, и вы знаете, что это не то, что я хотел!

Роберт вздохнул, будто повторял свои оправдания в тысячный раз:

— Я *говорил*, что вам это не понравится. Я вас предупредил.

— Это не та музыка, которую я хотел! Я сказал вам, что хочу музыку из «Космоса»!

— Да. И вы сказали, что тема из «Космоса» называется «Рай и ад». А я сказал вам, что у нас есть альбом «Рай и ад» группы «Блэк Саббат», но это, вероятно, вовсе не то, что вы ищете, и я был уверен, что вам не понравится. Вы ее все равно купили, а я сказал, что, если это не та музыка, можете ее вернуть. Вы действительно ее принесли, и я вернул вам деньги. Я не знаю, что еще могу для вас сделать.

— Я хочу музыку из «Космоса».

— Ну, боюсь, что у нас ее нет. Может, посмотрите в магазине грампластинок?

— Я очень недоволен обслуживанием в этом магазине! Очень недоволен!

Роберт промолчал.

— Ваш начальник получит от меня письмо! — пообещал старик. — Можете не сомневаться!

Письмо.

У меня в голове будто вспыхнула лампочка. Я подождал, пока Роберт закончит возиться со стариком, и мы вышли через служебный вход на разгрузочную платформу. Мы говорили о предстоящем концерте группы U-2, на который купили билеты, а меня сверлила потрясающая мысль: я ведь мог написать письмо в «Джемко» с жалобой на Эллиса Кейна. Я

вспомнил о быстрой реакции на жалобу в «Бургеры Бака», обо всех своих посланиях в заведения фастфуда и в парки развлечений.

Розничные предприятия торговли и питания больше всего на свете боятся недовольных клиентов.

В тот же вечер, вернувшись домой, я написал письма директору магазина и президенту компании в штаб-квартиру в Делавэр. Я выступил разгневанным отцом, пытавшимся купить новый набор гоночных машинок «Лего», но некомпетентный Эллис Кейн отделался туманными отговорками.

Из-за переработок на праздник Четвертого июля — я замещал постоянных работников, ушедших в отпуск, — следующая неделя оказалась у меня выходной, а когда я вернулся, Кейна уже не было. Не знаю, что происходило в закулисье; отчитало ли его начальство и он в припадке гнева ушел сам, или он набрал слишком много жалоб и моя стала последней соломинкой, и «Джемко» его уволил. Просто я вдруг обрел нового начальника, а Кейн исчез со сцены.

В тот вечер я шел домой в приподнятом настроении, я чувствовал себя могущественным.

Это чувство испарилось, как только я переступил через порог кухни.

— С чего это ты улыбаешься? — прорычал отец. Он сидел за кухонным столом, и можно было подумать, что он пьян. Лицо багровое и воинственное, как в те времена, когда он напивался до чертиков. Однако на столе не было ни бутылок, ни банок, только открытая Библия.

Я покачал головой, надеясь, что такого ответа будет достаточно, и попытался мирно проскользнуть в свою комнату.

— И куда это ты направляешься?

— Я устал.

— А чему улыбаешься?

— Ничему. Я просто вспоминал одну шутку.

— Какую шутку?

Будь он пьян, я бы уже давно от него избавился. Он был бы просто не в состоянии вести допрос. А так я мог простоять перед ним не один час.

— Где мама? — спросил я, пытаюсь сменить тему.

— А какая разница?

В ту же секунду она вошла в кухню из гостиной и, хотя вопроса моего не слышала, ответ услышала и сделала вывод с почти сверхъестественной семейной логикой, присущей матерям.

— Вон из моей кухни, — без всякого выражения сказала она. Ее слова предназначались отцу, но я воспользовался предоставившимся шансом и бросился по коридору к своей комнате.

Я запер за собой дверь, что практически вошло у меня в привычку, и задумчиво уставился на пишущую машинку. А ведь я могу устроить так, что папашу уволят! Заманчивая идея! Сколько я себя помнил, отец обращался со мной по-свински, и, если бы он не был единственным кормильцем семьи, если бы мы не нуждались в его деньгах, я давно отослал бы письмо в «Автоматик интерфейс» и ублюдка выгнали бы в два счета.

Я только представил, как на него орут за какой-то воображаемый проступок, как начальник унижает его, и мне сразу стало легко и спокойно. Я почувствовал себя

счастливым.

В тот вечер родители отправились куда-то поужинать; чрезвычайно редкое событие. Том поспешил к своим мерзким друзьям и перед уходом, поигрывая косячком с марихуаной, предупредил меня:

— Ябедничать не советую!

— Да плевал я на тебя.

И это была чистая правда. В прошлом году Том закончил школу, но до сих пор жил дома, потому что ничего, кроме почасовой работы в «Билдерз эмпориум», не нашел. Неудачник! Кажется, он закончил первый курс двухгодичного городского колледжа, но никогда всерьез не задумывался ни об учебе, ни о работе, ни о будущем. Был ли он хорошим спортсменом? Не знаю, но и здесь заметных достижений не наблюдалось. Родители еженедельно читали ему нотации: предлагали взяться за ум или выметаться из дому, а уж если он живет под их крышей, то пусть не нарушает установленных ими правил. Я все это слушал с удовольствием.

Поразмыслив, я решил, что все-таки расскажу родителям о Томе и его марихуане.

Целый вечер дом принадлежал мне одному. Я все еще подумывал о том письме и ради забавы открыл блокнот и начал писать жалобу папашинуму начальнику от лица анонимного коллеги, заметившего, как в обеденный перерыв Хэнфорд пил в туалете спиртное, а на стоянке приставал к несовершеннолетней девушке и...

Зазвонил телефон.

Я вскочил, скомкал листок и швырнул его в мусорное ведро. Телефон зазвонил снова. Поскольку, кроме меня, в доме никого не было, я поспешил в гостиную и поднял трубку.

— Алло?

— Добрый вечер, сэр. Вы хозяин дома?

Кто-то что-то пытается продать.

— У меня клевые яйца! — выпалил я и бросил трубку.

И расхохотался. Собственное остроумие привело меня в восторг. Было в том кратком разговоре с телефонным продавцом что-то от анонимной власти моих писем, хотя я не действовал, а просто реагировал. И вдруг мне действительно захотелось накатать жалобу на папашу. Недолго думая, я написал пятистраничное письмо, насыщенное подробностями и обвинениями, какие только я смог придумать, не очень-то представляя себе отцовскую работу. Я уже собирался запечатать конверт, когда увидел на портьере отсветы фар приближающегося автомобиля. До того момента, как родители вошли в дом, я успел порвать все страницы и спустить обрывки в унитаз.

В ту ночь мне приснился сон, будто я написал письмо самому себе, и начиналось оно словами: *Мой отец — член*. А потом я вышел из своей комнаты и заглянул в родительскую спальню. Мой отец сидел на краю кровати.

Его голова представляла собой голый купол со щелью наверху, на цилиндрическом теле не было рук.

Он превратился в пенис.

Он стал членом.

Мамаша снова разбушевалась. Вообще-то она всегда на кого-то злилась, но на этот раз объектом ее гнева был Том, а не я. Мать стояла в коридоре перед запертой дверью комнаты брата и орала как сумасшедшая, а я непривычно коротал вечер в гостиной с отцом. Хотя мы не разговаривали — он читал газету, я смотрел телевизор, — это странно напоминало нормальную семью, и я вдруг с особой остротой осознал, насколько моя семейка далека от идеала.

— Наконец-то город взялся за очищение Ист-Сайда, — сказал отец, складывая газету.

Я знал, что он имеет в виду. Разговоры об этом ходили годами. В восточной части городка жили бедняки, по большей части испанского происхождения, и такие, как мой отец, хотели снести все их домишки и построить дорогие жилые комплексы, то есть избавиться от нынешних обитателей и привлечь в район более богатое и, главное, белое население. Похоже, что городской совет наконец решился. Как только отец отложил газету, я схватил ее и прочитал статью, озаглавленную: «Проект реконструкции одобрен». Далее сообщалось, что участок к северу от Восьмой авеню между Мердок и Гранд будет расчищен и там появится огороженный жилой комплекс под названием «Озера» с двумя искусственными озерами и полем для гольфа на восемнадцать лунок. Дряхлеющее нагромождение лавчонок, многоквартирных, двухквартирных и односемейных домов к югу от Восьмой авеню превратится в торгово-развлекательный район с многозальным кинотеатром, дорогими ресторанами и магазинами и торговым центром с прилегающими паркингами.

Я посмотрел на фотографию нынешнего Ист-Сайда и проект застройки, выполненный художником.

В том районе, прямо за железнодорожными путями около рынка Эль-Нопале, жил мой приятель Фрэнк Хернандес. Почти рядом в крохотной лавчонке на первом этаже продавались мои любимые тако — настоящие горячие маисовые лепешки с начинкой из рубленого мяса, сыра, лука и бобов с острой подливой. Их приходилось заказывать по-испански, потому что хозяева не понимали по-английски.

Многие дети автоматически верят в то, во что верят их родители, и повторяют их мнение. С моими родителями мне в их число попасть не грозило, но лишь недавно я начал всерьез подвергать сомнению их слова. Мой отец был двумя руками за «очищение» восточного района города, однако мне все нравилось так, как сейчас. И право государства на отчуждение частной собственности, которое мы только что изучали по теме «Управление США», казалось мне незаконным и бесконечно недемократичным.

Ну, я и написал об этом письмо в газету.

Не знаю, верил ли я в то, что мое письмо опубликуют, но его опубликовали. «Акация леджер», нечто вроде местного приложения к «Ориндж каунти реджистер» или «Лос-Анджелес таймс», выходила дважды в неделю, и в следующем выпуске главным письмом колонки «Письма редактору» было мое.

Собственное имя, напечатанное типографским шрифтом, привело меня в восторг, а вот папаша словно с цепи сорвался. Явившись домой с работы, он швырнул в меня газетой. Я попытался унюхать запах алкоголя, но ничего не унюхал.

— Как ты посмел так меня унижить? О чем ты думал, черт побери? — взревел он и начал меня лупить.

Я боролся с искушением дать ему сдачи. Он заплыл жиром и давно потерял форму, а я, далеко не атлет, все же был моложе, худее и подвижнее. Конечно, я понимал, что отец все равно мог здорово избить меня, только я успел бы пару раз хорошенько ему вмазать. Будь я

хоть чуточку храбрее, я так бы и сделал, но я просто в меру сил защищался от пощечин, пытаясь объяснить, что всего лишь написал письмо и выразил свое мнение, то есть использовал право, защищенное конституцией США.

Том стоял в дверях кухни и хохотал, и в тот момент я понял, как сильно его ненавижу. Тут вмешалась мамаша: заставила отца прекратить избиение, но, как всегда, встала на его сторону, и они стали орать на меня дуэтом. Я терпел, однако в душе радовался, что написал то письмо, и гордился собой за то, что сумел так вывести их из себя. Мои слова имели власть.

В следующем выпуске газеты на странице редактора напечатали письма, осуждающие меня. Одно было от мэра, другое от управляющего городом, два от возмущенных горожан. Сама газета в редакционной статье поддержала мнение города, назвав мои идеи «подстрекательскими и усугубляющими ситуацию». Я не ожидал, что мое мнение будет воспринято столь серьезно — ведь я всего лишь ученик средней школы! — и понятия не имел, что подниму такую бурю. Конечно, расистам не нравится, когда их называют расистами, и, вероятно, моя прямота ударила по больному месту.

Я знал, как защититься, но, когда сочинял в тот вечер ответ, меня вдруг осенило: эффект был бы куда больше, если бы меня защитили другие люди.

Ручка замерла над бумагой, а мозги заработали с новой энергией.

Я мог бы придумать фальшивое имя и фальшивый адрес, притвориться кем-то другим, притвориться обычным читателем, ознакомившимся с обоими мнениями и решившим, что аргументы Джейсона Хэнфорда гораздо более убедительны.

Или можно выдумать фальшивую организацию.

Еще масштабнее, еще лучше. Я уставился на чистый лист бумаги, заправленный в пишущую машинку. Название должно быть правдоподобным, но ни в коем случае не совпадать с названием существующей группы. Союз борцов за гражданские права испаноязычного населения? Звучит красиво, но вроде я где-то это уже слышал. Ассоциация борцов за права латинос... Охрана прав чикано... Лига защиты прав американцев мексиканского происхождения? Беда была в том, что все названия казались реальными.

А что, если такие организации действительно существовали?

Вот в чем была юридическая проблема. Однако, даже если представитель одной из тех организаций подаст иск о незаконном использовании названия и заявит, что я не точно выразил их взгляды, это случится уже после публикации.

Я начал печатать.

Составление письма заняло много времени. Я работал, пока не начал клевать носом, а закончил письмо уже на следующий день после занятий и успел отпечатать его до прихода отца с работы. В честь Карлоса Сантаны и Артуро Сандовалы, двух музыкантов, чьи пластинки я видел на днях в магазине «Доброй воли», я назвался Карлосом Сандовалем, председателем Союза борцов за гражданские права испаноязычного населения. Я утверждал, что захват городом земельного участка в пользу застройщиков под прикрытием права государства на принудительное отчуждение частной собственности является попыткой вытеснения мексиканского населения. Что муниципалитет проводит политику изменения демографии города за счет увеличения белого населения, что является дискриминацией.

Для подкрепления своей точки зрения я быстренько настроил письмецо якобы от возмущенного жителя города. Я придумал старую даму, родившуюся в Акации и прожившую здесь всю свою жизнь. Мол, она считает отвратительным фанатизм, столь очевидно

влияющий на политику чиновников, избранных горожанами и изгоняющих жителей ее любимого города.

«Леджер» опубликовал оба письма (неужели они публикуют все, что получают?), и спор разгорелся с новой силой. Совсем рядом с моими письмами оказалось неофициальное мнение известного расиста-экстремиста, без чьей поддержки, в чем я был абсолютно уверен, городской совет вполне мог бы обойтись.

В бой ринулась альтернативная пресса: одна из двух подпольных газет округа Ориндж напечатала совершенно лживую историю, будто Карлос Сандоваль посетил собрание местных испаноязычных лидеров, и украла цитату из моего письма; другая опубликовала передовицу (без подписи) с пересказом всех моих мыслей. Я был польщен и взволнован тем, что оказался в центре этого конфликта, но понимал, что темп сбавлять нельзя. Поэтому я написал письмо в «Лос-Анджелес таймс», на этот раз от лица бизнесмена, проживающего в приличной части города и возмущенного тем, что чиновники отнимают бизнес у мелких собственников и передают его своим приятелям.

В редакции потекли письма согласных и несогласных со мной. Я написал еще одно письмо, заявив, что обсуждаемый городской район является исторической достопримечательностью, и пусть мелкие политиканы с неизвестными мотивами не марают его своими грязными лапами. Для всех своих писем я придумывал фальшивые имена и адреса; брал из телефонной книги настоящие и изменял одну цифру или букву. Ни разу мне не отказали. Все мои письма были опубликованы.

Отец постоянно комментировал полемику по Ист-Сайду, ругая противников реконструкции, но, похоже, он совершенно забыл о том, что инициатором все этой шумихи был я, что именно мое письмо заварило эту кашу. Как-то вечером я печатал очередное гневное письмо Карлоса Сандовала, председателя Союза борцов за гражданские права испаноязычного населения, направленное против городского совета, как вдруг вошел отец. Я быстро вытащил письмо и небрежно положил его на стол текстом вниз, а в машинку вставил чистый лист.

— Что с тобой происходит? — спросил явно недовольный и раздраженный папаша. — Вместо того чтобы бегать за девчонками, ты прячешься в своей комнате, печатаешь письма. Я в твоём возрасте укладывал девок направо и налево. Как Том.

— Ну, ну. Звучит не очень-то по-христиански.

Отец угрожающе надвинулся на меня.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Нет, — солгал я.

— Я христианин, но и мужчина, черт побери. Чего о тебе не скажешь. — Он хмуро уставился на меня, и я отвел взгляд. — Почему у тебя нет подружки, Джейсон? Почему ты ни с кем не встречаешься, а?

Я сам этому удивлялся. А сейчас подумал, что, может, это шанс наладить с ним отношения. Может, стоит мне только открыться, и он тоже сделает шаг навстречу, и мы установим хоть что-то похожее на отношения отца с сыном. Лучше поздно, чем никогда? Я глубоко вздохнул и признался:

— Я не знаю, как встречаться с девушками.

Отец изобразил фальшивое недоумение:

— Неужели? Я знаю, что ты должен сделать. — Он наклонился ко мне. — Потрахаться.

Вот вам и родственная связь.

Он расхохотался своей шутке и вышел, а я еще долго сидел смущенный и униженный. Никогда мне не получить от него отцовского совета. Ублюдку совершенно не интересно быть моим отцом. Он любит только себя. Пусть он больше не пьет, но так и остался козлом и эгоистом.

Я запер дверь и закончил письмо редактору, приведя убедительные возражения против всего, что каждый день напыщенно провозглашал отец. Я знал, что он взбесится, прочитав столь точный критический анализ собственных доводов. Мне нравилось атаковать исподтишка; анонимность помогала мне бить в самые уязвимые места.

Получай, подонок. Так тебе, думал я.

На следующий день мы с Робертом, Эдсоном и Фрэнком Хернадесом отправились в ту маленькую забегаловку с моими любимыми тако. Никогда еще я не видел там столько народу. Газетная полемика оживила бизнес, и Фрэнк предложил составить петицию с требованием сохранить жилые дома и весь мелкий бизнес на Восьмой авеню и в ее окрестностях. Мне захотелось рассказать ему о своих действиях, но что-то меня удержало. Я оторвал взгляд от карне асада — тако с мясом, жаренным на углях, — и кивнул:

— Пиши. Я подпишу.

Фрэнк угрюмо уставился в окно.

— Господи, они просто отберут наш дом. Ты это понимаешь? Отберут и заплатят его стоимость, а он ничего не стоит, и мы станем бездомными. А где еще найти такой дешевый дом? И в конце концов мы окажемся в грязной квартирке в Санта-Ане рядом с чертовыми нелегалами.

— Может, у них ничего не получится. Я хочу сказать, что если все объединятся и...

— Кого ты пытаешься обмануть? — перебил меня Фрэнк. — Этот район уже ушел в прошлое. Наслаждайся, пока можешь, приятель.

Роберт и Эдсон жевали молча. Им нравился Фрэнк и нравилась эта забегаловка, но я видел, что им неуютно в Ист-Сайде, и — насколько я знал — они были согласны с моим отцом. И дружба этому не мешала.

Не будучи лично заинтересованным, я поклялся сражаться не на жизнь, а на смерть против реконструкции Ист-Сайда.

Артур Коллингзуэрт
Таунли-Плейс
Акация, Калифорния 92235

Господа!

Как житель Акации в третьем, поколении и успешный местный предприниматель, я возмущен бесчувственным и ксенофобным отношением городского совета к реконструкции. Последние несколько недель я пристально следил за полемикой и глубоко огорчен и разочарован словами представителя городского совета. Я не верю в теории заговоров, но, похоже, Карлос Сандоваль очень точно назвал политику города расистской и непродуманной.

Неужели вы полагаете, что испаноязычные члены нашего сообщества не имеют права вмешиваться в решение собственной судьбы?

К тому же я хотел бы заявить, что выступаю против правительственной узурпации права частной собственности через «право государства на

принудительное отчуждение частной собственности», как руководящего принципа, и нахожу ваши действия особенно гнусными. Можете не сомневаться, мои друзья и коллеги-бизнесмены будут пристально следить за вашими действиями и соответственно голосовать на следующих выборах.

С уважением,
Артур Коллингзуэрт

Городской совет собрался в третий понедельник июля. Не знаю, сколько жителей города обычно посещают эти заседания, но на этот раз зал был забит битком. Весьма забавно: большинство родителей пришли бы в восторг, если бы их дети-подростки выразили интерес к городским проблемам, но мне пришлось солгать своим родителям. Чтобы они не заперли меня дома, я сказал, что иду на концерт.

Никто из моих друзей посетить заседание не захотел. Я отправился один и пристроился в конце зала. Хорошо, что я пришел рано, так как к половине седьмого мест уже не осталось, хотя заседание начиналось только в семь. Насколько я мог судить, я был единственным подростком в зале. Явились в основном взрослые, правда, некоторые прихватили малышей. Публика разделилась примерно поровну: сердитые белые парни и деловые застройщики, ратующие за снос окрестностей Восьмой авеню, и испаноязычные жители района, владельцы мелкого бизнеса и активисты, выступающие за его сохранение. Представители обеих сторон выступали в прениях, как мне показалось, вечно, и, должен признать, сторонники реконструкции были убедительнее. В конце концов отпущенное время истекло, но, поскольку еще многие хотели высказаться и громко протестовали против прекращения дискуссии, совет проголосовал за продолжение прений через две недели на следующем заседании.

Мэр внимательно оглядел собравшихся:

— Позвольте спросить, не присутствует ли здесь Карлос Сандоваль?

Я мгновенно вспотел, покраснелся и уставился в пол, почему-то решив, что меня сейчас выведут на чистую воду. Все стали оглядываться по сторонам. М-да. Одно дело — писать письма и читать их в газете, но совсем другое — собственными глазами наблюдать производимый ими эффект. И очень странно сидеть среди людей, верящих в реальность Карлоса. Половина их, вероятно, проклинала его, а другая половина почитала своим спасителем, и, даже несмотря на смущение, я восхищался тем, что слова, написанные в моей комнате и посланные в мир, получили столь сильный отклик.

После рассмотрения еще нескольких незначительных вопросов заседание перенесли на две недели. У меня создалось впечатление, что совет склоняется к утверждению реконструкции, особенно если учесть, что город выдвинули на получение какого-то федерального гранта.

Пришлось мне снова взяться за работу.

Следующие несколько недель протекли как в тумане. Я не смел печатать при родителях столько писем, сколько считал необходимым отослать не только в газеты, но и в муниципалитет, поэтому я тайком унес свой «Ройял» на работу, чтобы печатать письма во время обеденного и более кратких перерывов. Я копил деньги на текстовый процессор,^[1] но пока еще не мог его себе позволить. Все время, свободное от продажи игрушек и уборки за малолетними проказниками, я посвящал сочинению писем от лица мужчин и женщин самых разных национальностей и образа жизни, бурно протестующих против реконструкции Ист-

Сайда.

С каждым придуманным аргументом я становился все более искусным спорщиком; нападки моих оппонентов в печати ужесточались, пока в конце концов крайние расисты не схлестнулись с испаноязычными радикалами и не замаячил силовой способ решения проблемы.

Я выступил за сдержанность и против маргинализации значительной части нашего общества.

Весь остаток июля и весь август муниципалитет выступал в печати с туманными заявлениями, не желая открыто отстаивать свою точку зрения. Мне очень хотелось бы знать, что же происходит за закрытыми дверями муниципалитета, что говорит мэр комитету по реконструкции и членам горсовета, заварившим эту кашу.

В конце концов на специальном заседании в конце августа, на котором кроме жителей и местных журналистов присутствовали даже две съемочные группы новостных каналов телевидения Лос-Анджелеса (привлеченные личностью Карлоса Сандовалья), городской совет тайным голосованием по плану развития Ист-Сайда Акации принял решение не использовать право государства на принудительное отчуждение частной собственности и не выселять местных обитателей района. На прощание чиновники весьма туманно заявили, что изучение данного вопроса продолжится и обязательно будет найдено устраивающее всех решение по возрождению города.

Я спас Ист-Сайд.

Может, было бы преувеличением заявлять, что я в одиночку боролся с муниципалитетом и добился победы, однако я прекрасно сознавал, какую роль сыграл в этом деле. Если бы я не вступил в полемику и не написал все те письма, городской совет наверняка принял бы свой план еще в июле. Я заставил жителей Акации действовать, вложил слова в уста безгласных, даже сформулировал необходимые для их дела доводы.

Мы с Фрэнком отпраздновали победу любимыми тако.

А я наконец купил на накопленные деньги текстовый процессор.

В сентябре начался новый учебный год.

Последний год в средней школе.

Мне больше не за что было бороться, но я продолжал писать письма на местные радиостанции и телестудии, комментируя текущие программы, критикуя телешоу, и конечно же засыпал жалобами рестораны и парки развлечений, включив в сферу своей деятельности и кинотеатры.

Несмотря на успешную внешкольную деятельность, похвастаться успехами в учебе я не мог. Прежде я никогда не отличался дальновидностью, но теперь задумался о будущем и решил, что хочу поступить в колледж. Однако я был не готов к взрослой жизни и впервые за три года нанес визит школьному консультанту, чтобы обсудить свои возможности.

Пожилая чопорная миссис Зивни абсолютно не интересовалась делами учеников, хотя именно в этом состояла ее работа. Она выслушала меня, устало прошла к картотечным шкафчикам, выстроившимся у противоположной стены, и вытащила мое личное дело. Я объяснил, что денег у меня нет и родители точно не захотят платить за мою учебу, а старший брат не стал поступать в колледж и вообще лоботряс и все считают, что я пойду по его стопам.

— Но я хочу учиться дальше, — убеждал я. — Я хочу чего-то добиться. На какую стипендию, по-вашему, я могу рассчитывать?

Зивни заявила, что рассчитывать мне не на что. У меня недостаточно хорошая успеваемость, и только какие-то особенные успехи могли бы освежить унылый строй моих непримечательных оценок. К тому же я не изучал никаких курсов повышенного уровня.

— Мерзкая злобная старуха, — пробормотал я, выходя из ее кабинета. — Усыпить бы ее, как бешеную дворнягу.

Я зачитывался Хантером Томпсоном и пытался пользоваться его языком, но его слова лучше смотрелись на бумаге, чем воспринимались на слух. Как большинство моих сверстников, я пытался найти себя, примерял разные маски, чтобы проверить, подходят ли они мне. Однако, если многие подростки черпали вдохновение в музыке и кино, я подражал писателям. Ну, не самим писателям, а их словам. Я пытался реализовать то, что описывалось в письмах, дневниках и воспоминаниях, но у меня почти ничего не получалось.

Я достал свой ленч из шкафчика и, стараясь показать Роберту и Эдсону, что не очень-то расстроен, спокойно сказал:

— Она утверждает, что я не имею права ни на одну стипендию.

— Существуют гранты, — сказал Роберт. — И разные способы финансовой помощи.

— Да, — поддержал Эдсон. — У моей сестры учебно-рабочий контракт. Ей предоставили работу в университете в Бри. Это помогает оплачивать обучение.

— Зивни ничего мне об этом не сказала. Ни словом не обмолвилась.

— В общем, надежда есть, — подвел итог Роберт.

Ему легко говорить. Его родители начали откладывать деньги на учебу, как только он родился, и, хотя он учился не лучше меня — даже немного хуже, — он мог поступить в

любой колледж. Эдсон был в таком же положении, как и я, но его это, похоже, не волновало.

Я кивнул, и мы втроем отправились на ленч, но я уже обдумывал идею, которая возместила бы мои далеко не блестящие академические успехи и помогла бы мне стать более достойным претендентом на стипендию.

Роберт с Эдсоном собирались после занятий погулять. Эдсону тогда нравилась Шери Фэм, и парни собирались как бы случайно пройти мимо магазина одежды «Клоузе-стайм», где она работала, и завести с ней разговор. Фрэнк тоже работал неподалеку, в ресторанном дворике, и они могли выпросить у него жареной картошки и кока-колы. Я тоже хотел пойти с ними, но воздержался. У меня было важное дело: сочинять письма.

Как я и надеялся, ни Тома, ни родителей дома не было. Я проскочил в свою комнату, бросил на пол книжки и уселся за письменный стол сочинять фальшивое рекомендательное письмо директору своей школы. Я расхвалил себя за воображаемое бескорыстие, инициативность и предприимчивость; выдумал, что весь последний год в свободное время не гонял бесцельно мяч, а пытался изменить мир, борясь с алкоголизмом. Поскольку мой отец злоупотреблял спиртным, я нашел разные группы поддержки, связал их с частными и государственными реабилитационными центрами и создал сложную сеть финансирования и координации помощи людям, которые в ней нуждаются. А еще я посылал письма крупным бизнесменам и корпорациям, убеждая жертвовать деньги на все эти мероприятия.

Получилось довольно убедительно, но, перечитав письмо, я понял, что этого недостаточно. Письмо предоставляло необходимую мне информацию, но требовалось подтвердить ее достоверность. Я нуждался в новом Карлосе Сандовале и его Союзе борцов за гражданские права испаноязычного населения; в общественной группе, усиленно расхваливающей мои достижения. Я решил создать вымышленную организацию, выдвигающую меня на какую-нибудь премию за выдающиеся заслуги перед обществом. В порыве вдохновения я напечатал на текстовом процессоре шесть писем разными шрифтами, сложил их вместе, прикрепил сопроводительное письмо от вымышленного Института Собрайети, подписанное его директором, Хайрамом Мерритом. Меррит сообщал моему директору, что школа должна гордиться тем, что в ней учится такой амбициозный, альтруистический юноша, как Джейсон Хэнфорд; что я буду первым учеником средней школы имени Хейса и к тому же самым молодым претендентом, номинированным на высшую премию Института Собрайети.

Второй комплект писем я послал районному школьному инспектору. Третий — мэру.

И моя жизнь изменилась в одночасье.

Ну, может, и не в одночасье, а через неделю, когда письма были вручены и адресаты отреагировали. Из незаметного ничтожества я вдруг превратился в выдающегося гуманиста и инициативную, предприимчивую личность, готовую завоевать не последнее место под солнцем. Директор, мистер Пул, прислал мне в класс письменный вызов с просьбой встретиться в его кабинете. Там он пожал мне руку и поздравил с моими достижениями.

Я симулировал полное неведение.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— О, прошу прощения! — Директор хлопнул меня по спине и рассмеялся. — Я получил письмо из Института Собрайети. Мне все рассказали о твоей работе с алкоголиками. Великолепно, юноша. И я понимаю, что тебя вдохновила на это твоя ужасная семейная трагедия. Школа имени Ратерфорда Хейса нуждается именно в таких учениках, и я горжусь тем, что ты учишься в нашей школе. Мы все гордимся. — Он показал мне копии написанных

мною писем, а я притворился удивленным и смущенным.

— Ты еще так молод.

Я кивнул и выдавил страдальческую улыбку:

— Благодарю вас, сэр.

Он нахмурился:

— Что-то не так?

— Просто... — Я покачал головой и умолк, сделал вид, что раздумываю, стоит ли откровенничать. — Нет. Ничего. Спасибо, сэр. Все прекрасно.

— Ну же, Джейсон. Ты можешь сказать мне.

— Я... я горжусь своими достижениями. Думаю, это важная работа. Просто жаль, что мало времени остается на учебу. Миссис Зивни сказала, что я не смогу получить никакой стипендии, поскольку мои оценки хорошие, но не отличные и я не участвую ни в какой внеклассной работе. А так как мой отец... ну, вы знаете... у моих родителей нет денег, чтобы послать меня в колледж.

— Ерунда! — объявил директор и сам повел меня к кабинету миссис Зивни. — Для ученика с вашими данными полно стипендий. Давайте-ка поговорим с вашим консультантом.

Двадцать минут спустя я покидал миссис Зивни с темой сочинения для полной стипендии частного благотворительного фонда, бланками заявлений на две стипендии частных корпораций и письменным заданием на федеральный грант Пелла. Чтобы улучшить мою характеристику и поднять меня в глазах управленцев фондами, директор Пул ввел меня в школьный консультативный совет.

— Полагаю, ты прекрасно дополнишь наш маленький коллектив, и я с нетерпением жду, когда ты применишь свои уникальные способности к решению стоящих перед нашей школой проблем. Твой вклад будет бесценным.

Выходя из его кабинета, я не мог сдержать улыбки. Еще вчера директор меня не узнал бы, даже если бы я укусил его за задницу. Сегодня я стал его закадычным другом. Я вспомнил «Звездный путь II: Ярость Кана». Кобаяси Мару. Когда сомневаешься, жульничай. Если это подходит капитану Кирку, сгодится и для меня.

Как я и рассчитывал, слухи распространились быстро. Вскоре все мои учителя знали, что я тот самый тайный благодетель человечества, и их отношение ко мне изменилось. Они начали находить глубину в моем молчании и интерпретировать мои расплывчатые ответы более положительно. Я не сомневался в том, что мои оценки за этот семестр будут выглядеть значительно лучше.

Звонок мэра, расписавшего мои добродетели и поблагодарившего школу за воспитание такого прекрасного ученика, как Джейсон Хэнфорд, тоже не повредил.

Если мои приятели и заподозрили неладное, никто ничего не сказал. Уж Роберт и Эдсон точно знали, что я не связан ни с какими группами, помогающими в реабилитации алкоголиков. Черт побери, родители держали меня на таком коротком поводке, что между школой и домом у меня вообще ни на что не было времени. Однако почему-то мы об этом не говорили, делали вид, будто и не на меня вдруг обрушилось все это внимание. Лучшие друзья, мы не были честны друг с другом и знали это. Между нами словно стояла стена, и это напомнило мне о том, как в пятом классе мы участвовали в программе «Друг по переписке». Впервые я подумал, что не всегда мы будем друзьями, что наша дружба может даже не пережить выпускной класс школы.

Сандра Фортуна, редактор «Хейс рипорт», нашей школьной газеты, через учителя английского, мистера Стайнхарта, договорилась об интервью со мной после ленча в кафетерии. Последние три года, то есть с тех самых пор, как мы перешли в среднюю школу и на спортивных занятиях оказались в одной группе, я восхищался Сандрой издавела. Я был неуклюжим, непримечательным парнем, отчаянно пытавшимся побороть смущение, а она — самоуверенной красоткой. Однажды, когда Сандра наклонилась за теннисным мячиком, я заметил край ее трусиков и пропал. Когда выяснилось, что она не только красавица и спортсменка, но и учится лучше всех в нашем классе, я понял, что у меня с ней никогда ничего не получится, да мне и не хватило бы смелости даже подойти к ней.

Поэтому я решил выдоить из этого интервью все, что возможно.

Мы встретились за угловым столиком возле мусорных ящиков. Сандра привела фотографа, бестолкового парня из математического класса. Он сделал несколько снимков и ушел, а Сандра достала ручку с блокнотом и засыпала меня вопросами. Почему я начал помогать алкоголикам? Как додумался выпрашивать пожертвования у корпораций? Как вышел на Институт Собрайети? Почему я никому об этом не говорил? К чему такая излишняя скромность? Я лгал виртуозно, старался казаться как можно застенчивее, повторял и приукрашивал свои подвиги, расписанные Хайрамом Мерритом, фиктивным директором Института Собрайети, в письме директору Пулу. Был один скользкий момент: Сандра попросила у меня фамилию и телефон директора или кого-нибудь из сотрудников института, но я убедил ее, что никто не захочет говорить под диктофон, ведь работа с алкоголиками требует анонимности.

После официального интервью Сандра осталась поболтать. Мы оба должны были вернуться в класс, но срок действия наших пропусков не закончился, и мы задержались в кафетерии. Никогда бы не поверил, что мне будет так легко. Я не имел никакого опыта разговоров с девочками и искусством общения точно не владел, однако беседа наша текла непринужденно. У нас оказались схожие вкусы и образ мысли; как будто мы знали друг друга с первого класса.

Новый статус явно укрепил мою уверенность в себе, и, собравшись с духом, я осмелился пригласить Сандру на свидание. Уж не знаю, как это у меня получилось, но я понимал, что никогда мои позиции не будут столь прочными и надо ловить момент.

— Ты бы... ты бы не хотела как-нибудь прогуляться со мной? — спросил я как можно небрежнее.

— В пятницу я свободна.

Она свободна в пятницу? Я готов был поспорить на что угодно: ее свидания расписаны на год вперед. Конечно, поболтав с ней, я обнаружил, что она совсем не такая, как я думал. Она вполне могла стать капитаном болельщиц, но выбрала хлопотную должность редактора газеты — по-моему, это кое о чем говорило.

— В пятницу будет здорово, — выпалил я, пока она не передумала, изо всех сил стараясь казаться довольным, но не возбужденным и тем более — удивленным.

Интервью состоялось во вторник. До конца недели мы ходили на ленч вместе, хотя и не в обнимку, как влюбленная парочка, но как-то более непринужденно, более открыто, более естественно — и мне это очень нравилось.

Мы сидели за столиком, ели, разговаривали, гуляли в школьном дворе, как будто дружили вечно. Обычно я ходил на ленч с Робертом и Эдсоном, иногда с Фрэнком, но друзья просекли ситуацию и не навязывались. Сандра Фортуна. Исключительный шанс.

Наконец наступила пятница.

Я заехал за Сандрой в начале седьмого. Отец одолжил мне свою машину. Думаю, обрадовался, что я наконец-то собрался на свидание. Родители Сандры показались мне довольно приятными, но скучными — самые обычные родители, — правда, знакомство прошло не очень тягостно. А потом мы уехали. Я заранее заказал столик в милом итальянском ресторанчике «У Сальваторе», и опять же, несмотря на волнение и боязнь взяться не за ту вилку или не по этикету утереться салфеткой, все обошлось.

Потом мы пошли в кино. Я обнял ее одной рукой за плечи, но ниже спуститься мне смелости не хватило. И все равно было очень приятно, а где-то посреди сеанса Сандра придвинулась поближе и положила голову на мое плечо. И мы взялись за руки.

А после сеанса, вернувшись в машину, мы разговаривали. Мы разговаривали так долго, что когда я наконец выглянул в окно, то увидел, что стоянка практически пуста. Я снова повернулся к Сандре. Мы сидели очень близко друг к другу, соприкасаясь телами, и я не знал, что делать дальше. Что это? Первое и последнее свидание или начало каких-то более близких отношений?

— Так кто мы? — неуверенно спросил я. — Друзья?

— Больше чем друзья, — в темноте прошептала Сандра, и от ее слов дрожь еле сдерживаемого возбуждения охватила меня.

Особенно одну часть моего тела.

Сандра ничего не видела, но бедром почувствовала давление, протянула руку и ласково погладила натянувшиеся джинсы. Мы поцеловались. По-настоящему, сплетясь языками. Моя рука проскользнула под ее блузку. Лифчика там не оказалось.

Сандра возилась с моим ремнем, расстегивала джинсы. Она оторвалась от моих губ, наклонила голову и вобрала в рот мой пенис. Прежде я никогда даже не целовался с девчонкой, и самое большее, на что я надеялся в тот вечер, пообниматься, но ее лицо уткнулось в мои колени, а губы работали умело и быстро: двигались вверх-вниз по моему напряженному пенису, а потом я взорвался прямо ей в рот, испытав самый мощный оргазм в своей жизни, выбросив бесконечный, как мне казалось, гейзер спермы в ее горло. Сандра удерживала меня до самого конца, а потом медленно отпустила мой обмякший пенис и удовлетворенно простонала: «Мммммм».

Откинув волосы с лица, она выпрямилась и улыбнулась мне. Поддержала трусы, погладила их и застегнула мои джинсы.

— Ты... ты не... хочешь погулять завтра вечером? — спросил я.

— Извини. Не могу. Билл Уэст пригласил меня на прошлой неделе, и я не могу отказать ему перед самым свиданием. Не волнуйся, ничего не случится, — быстро добавила она, прикикая к моей груди.

Билл Уэст? Если бы я знал, что такая девчонка, как Сандра Фортуна, охотно соглашается на свидание с придурком вроде Билла Уэста, я бы пригласил ее давным-давно. Единственный раз мой папаша оказался прав. Если бы я не робел, то не потерял бы без толку столько времени.

Было уже очень поздно. Ее родители ничего не сказали о комендантском часе; мои устроили бы скандал, явись я домой после полуночи. Я отвез Сандру домой, и на прощание она попросила меня позвонить ей завтра, но я солгал, что буду занят. Мы поцеловались и договорились встретиться в школе.

Я решил найти в понедельник Билла Уэста. Мы не дружили, но, посещая с первого

класса одни и те же школы, знали друг друга. В этом семестре у нас не было общих курсов, и я нашел его на перемене. Он с парой дружков сидел на низкой кирпичной стене рядом с помещением, где хранились музыкальные инструменты и форма оркестра. Как бы случайно проходя мимо, я кивнул:

— Привет, Билл.

— Привет, — откликнулся он.

— Слышал, ты встречался с Сандрой Фортуной.

Его дружки расхохотались, а один из них многозначительно изрек:

— Пижон!

Я напрягся: вдруг ясно поняв, куда он клонит, но, как ни противно, я должен был это услышать. Я подошел к ним поближе, напустив на себя сочувственно-заинтересованный вид, как будто все мы крутые мужики и я готов выслушать смачные подробности.

— Она мне отсосала, — гордо заявил Билл. — На первом свидании!

Я задохнулся, будто получил удар в солнечное сплетение. Да, я ждал чего-то подобного, но все равно испытал шок. Сначала мне захотелось придушить Билла, сдавить его тощую шейку и выдавить из него жизнь; колотить его глупую башку о кирпичи, пока она не превратится в кровавую кашу. Но я сдержался. Кивнул с улыбкой и выслушал все смачные подробности. Детали моего собственного свидания, воспроизведенные кем-то другим, превратили мое сердце в камень.

Сандру я увидел во время ленча в противоположном конце кафетерия. Расплывшись в улыбке, она помахала мне как-то по-девчоночьи, растопырив пальцы. Я вспыхнул. Перед моим мысленным взором пронеслась ее голова, подпрыгивающая между ногами Билла Уэста, его пенис в ее губах. Я словно наяву услышал ее удовлетворенный стон «Ммммм».

Мне захотелось ее убить.

Я сел за стол Роберта и Эдсона спиной к Сандре, но она все равно подошла, расточая всем ослепительные улыбки. Я внутренне кипел и молча поглощал свой ленч. Я не желал разговаривать с ней, даже видеть ее не желал, однако, когда она отошла за газировкой, последовал за ней.

Я загнал ее в угол у торговых автоматов.

— Как прошло твое свидание с Биллом Уэстом?

Она шутливо подтолкнула меня, как будто я сказал что-то смешное.

— О чем ты? Ничего не случилось.

— И ты ему не отсосала?

Слова сорвались с моего языка прежде, чем я осознал, что сказал это. Ее лицо потемнело.

— Какое ты имеешь право задавать мне такой вопрос?

— Никакого, — ответил я, отворачиваясь.

Я почувствовал ее ладонь на своем плече.

— Подожди. — Ее голос прозвучал тихо и ласково, как тогда в машине после кино. Меня охватила печаль. — Прости. Я не хотела тебя обижать.

Я молчал и пристально смотрел на нее.

— Ничего не было с Биллом. Я клянусь тебе.

— Ничего?

— Клянусь.

Сука.

Я вышел из кафетерия, оставив на столе недоеденный ленч, и просидел в мужском туалете до самого звонка. В тот вечер я написал письмо ее родителям. Вообще-то я написал два письма. Одно от лица мистера Вега, ее учителя испанского языка. Будто бы он перехватил несколько записок, моих и Сандры, и глубоко разочарован тем, что такая во всех других отношениях незаурядная ученица ведет себя столь бесстыдно. Одну записку от меня Сандре он сохранил в качестве примера. И тут уж я расписал, как трахал ее и спереди и сзади, уверял, что лучше ее у меня никого не было, благодарил за столь изобретательный и экзотический секс, обещал рекомендовать ее своим друзьям и уверял, что они будут счастливы ее оттрахать, если уж она так это дело любит.

— Прощай, Сандра, — сказал я, опуская письма в почтовый ящик.

2

Ведьму я увидел в следующий уик-энд в центре города, когда рыскал по секонд-хендам в поисках пластинок.

Никуда она не исчезла, и меня, как прежде, бросило в дрожь, когда, проходя мимо фотوماгазина Рода, я заметил ее злобный взгляд. Мне сразу вспомнилась та ночь в детстве, когда мы с Робертом и Эдсоном столкнулись с ней на улице, как она указала на нас своей клюкой и с неба упал мертвый голубь. Сейчас деваться мне было некуда. Ведьма прошла мимо, и мне послышалось что-то вроде «Не пиши».

Ее каблук и палка застучали за моей спиной. Я решил, что опасность миновала, и оглянулся. Секунду назад ведьма точно ковыляла в противоположном направлении, а сейчас преследовала меня. И несмотря на то, что я уже не был ребенком, мне стало так же жутко, как тогда. Мурашки побежали по моему позвоночнику. Симулируя храбрость, коей совершенно не чувствовал, я остановился и повернулся к ней.

— Что вам нужно? — Слава богу, мой голос прозвучал очень уверенно.

Она вытянула левую руку ладонью вверх, а правой начала будто что-то царапать по левой ладони. Как будто она... что-то выписывала.

Я оцепенел.

Не пиши. Вот что она говорила, и несомненно то же самое она сказала нам троем в ту давнюю ночь.

Я вспомнил, что тогда она стояла около почтового ящика. А с неба упал именно голубь. Почтовые голуби когда-то переносили послания.

Нет. Это просто сумасшествие. Я вкладываю в эту чертовщину слишком много смысла. И я отвернулся.

— Не пиши! — пронзительно провизжала она. Даже люди, ехавшие в автомобилях, повернули головы и уставились на нее. — Они тебя найдут!

Я понятия не имел, о чем она визжала. И знать не хотел. Она просто чокнутая. Я поспешил прочь. Может, она и не была настоящей ведьмой, но, честно говоря, напугала меня до смерти.

Я решил что-нибудь предпринять.

Вдохновленный успехами в создании своего нового образа, в разрушении репутации Сандры Фортуны и в спасении Ист-Сайда, я написал несколько писем мэру, в муниципалитет и шефу полиции. Я возмущался тем, что душевнобольные люди слоняются

по улицам нашего прекрасного города и пристают к простым гражданам. В особенности, отмечал я, следует обратить внимание на старуху по прозвищу Ведьма Акации. Она бродит по деловому району города и отпугивает покупателей от наших магазинов. Я повторил жалобу во всех письмах, каждый раз формулируя ее несколько иначе. Потом подписал все письма немного помпезными фамилиями, похожими на фамилии самых заметных жителей города, как, например Джеймс Р. Уортингтон и Грэм Освальд. Не забыл я и о своем старом дружке Карлосе Сандовале, председателе Союза борцов за гражданские права испаноязычного населения. Лишняя авторитетная подпись никогда не помешает.

Проблема бездомных стала одной из главных национальных проблем. Все понимали ее важность, но никак не могли договориться, как ее решать. Единственное, в чем, похоже, все сходились, так это то, что сумасшедшие, хлынувшие на улицы в результате сокращения бюджетного финансирования и закрытия лечебниц для душевнобольных, не должны контактировать с детьми. На это я и упирал в своих письмах.

Я рассказал о письмах Роберту и Эдсону. Они поразились моей смелости, поскольку сами до сих пор боялись ведьму.

— Будем надеяться, что она не узнает, кто написал все эти письма, — заметил Роберт.

— А может, она уже знает, — предположил Эдсон.

— Боже милостивый, она же не настоящая ведьма. Ведьм не бывает, — сказал я.

— Помнишь птицу? — не унимался Эдсон.

— Ну, если я свалюсь замертво, или превращусь в жабу, или еще что, вы знаете, кто виноват. Предложите моим родителям подать на нее в суд.

Хотя, по правде говоря, я действительно тревожился. Я, конечно, не верил в ведьм, но старая карга до сих пор вызывала во мне ужас, и я решил, что, если увижу ее снова, постараюсь с ней не сталкиваться.

Так уж получилось, что примерно через неделю я своими глазами увидел, как ее сажают в полицейскую машину. Я посылал письма в течение нескольких дней, чтобы не вызвать подозрений, и поток жалоб в конце концов заставил полицию действовать. На самом деле ведьма не делала ничего плохого, просто ковыляла по тротуару, как обычно, но она шла мимо средней школы по направлению к начальной, и, думаю, именно близость детей дала полиции необходимый предлог. Я как раз доставал из своего шкафчика ленч и убирал учебники по математике и, привлеченный шумом на улице, выглянул в окно. Я увидел, как два дюжих полицейских вылезли из патрульной машины, подошли к старухе, поговорили с ней пару секунд и подвели к задней дверце.

И сразу уехали.

Конечно, полной уверенности у меня не было, но я примерно представлял, что произошло, и побежал искать Роберта с Эдсоном, чтобы рассказать им об увиденном.

— Ее забрали, — похвастался я друзьям. — Наши улицы снова безопасны!

Я размышлял, как поступят с ней полицейские, в чем обвинят и сколько продержат в участке. Я представлял, как ее фотографируют, снимают отпечатки пальцев. А что она чувствует? Напугана? Злится? И все это из-за меня!

После школы времени на размышления у меня уже не было. Том покидал отчий дом. Отец орал в коридоре, мать, как недорезанная, визжала на кухне. Сам Том невозмутимо вышел из своей комнаты и отнес чемодан в дряхлый «додж дарт», затем вернулся, чтобы собрать остальные вещи.

— Ты никогда ничего не умел планировать заранее! — выкрикнул папаша. — Вот в чем

твоя беда!

— Пусть убирается! — завопила мать. — Пусть делает что хочет! Мне плевать!

Мне не хотелось вмешиваться, и я закрылся в своей комнате. В коридоре мы с Томом чуть не столкнулись, но даже не взглянули друг на друга и ни словом не обмолвились. Лично мне было все равно, останется он или уберется. Мы практически не общались. Правда, с его уходом я лишился буфера между собой и родителями. Теперь вся их злоба обрушится на меня.

И, судя по визгам за моей дверью, кошмар начнется, как только Том выйдет из дома.

Я ненавидел свою омерзительную семейку.

Интересно, что делает сейчас мой друг Пол. Я все еще иногда скучал по нему. И по его семье. А если бы он не уехал, дружили бы мы до сих пор?

Следующую неделю я жил в настоящем аду. Родители злились на Тома, но, поскольку его рядом не было, весь свой гнев вымещали на мне. Особенно мать. Она не прощала мне ни малейшего проступка, ни малейшего нарушения ее вечно меняющихся правил. Я старался как можно меньше бывать дома, задерживался в школе или болтался с друзьями. Я даже солгал родителям: придумал, что в «Джемко» заболел один из продавцов и я должен отработать два лишних вечера. На самом деле я те два вечера бесцельно шатался по магазинам, лишь бы не торчать в доме наедине с родителями.

Несколько дней спустя я прочитал в местной газете, что ведьма умерла в тюрьме в присутствии другой заключенной, заявившей, что старуха ее «сглазила». Как оказалось, ведьма носила ничем не примечательное имя Нора Вуд. Полицейские узнали это из спрятанных в ее одежде писем. В статье говорилось, что до выхода на пенсию Нора Вуд работала делопроизводителем в «Томпсон индастриз», а ее муж, инженер-электрик, умер в 1975 году, что и явилось причиной ее прогрессирующей душевной болезни. Репортер не упомянул о том, что последние лет десять Нора Вуд бродила по улицам Акации и множество людей считало ее ведьмой.

А вечером в субботу я получил письмо. К счастью, за почтой вышел я сам, потому что родители точно выбросили бы тот конверт. Адресовано письмо было «Мальчику», но все остальное, вплоть до почтового индекса, соответствовало действительности. На конверте был напечатан обратный адрес: *Полицейский департамент города Акация*, и я сразу понял, от кого это письмо.

От ведьмы.

Вместо положенного по закону одного телефонного звонка она попросила разрешения написать одно письмо.

Я разорвал конверт, но послание меня разочаровало. И смутило. На официальном полицейском бланке было написано только: *«Прекрати сейчас же. Не позволяй им».*

Я понятия не имел, что это значило, но, читая таинственную записку, дрожал от страха. Ведьма за мной следила! Пусть она не знала моего имени, но она знала, где я живу.

Хотя больше мне не о чем беспокоиться. Старая крыса мертва.

Я вернулся в дом и перечитал статью, надеясь найти хоть какой-нибудь намек, который помог бы расшифровать послание, но, кроме ссылки на тайник со старыми письмами, в статье ничего не было.

Я подумал немного, затем разорвал и конверт, и письмо и спустил клочки в унитаз. Там им и место. Вместе с дерьмом. Мне сразу же полегчало, как будто я освободился от проклятия. Потом я снова перечитал статью и вдруг понял: даже если старуху убила

сокамерница, в ее смерти виноват я. Если бы я не спровоцировал ее арест...

Не тиши!

...она была бы жива до сих пор. Как ни странно, я не почувствовал никаких угрызений совести. Наоборот. Меня охватило странное ощущение могущества. Я почувствовал, что обладаю способностью — правом — решать, кому жить, а кому умирать. Наверное, примерно то же чувствуют врачи: ответственность за решение, как использовать особое знание или дар, кому помогать, а кому и нет.

А вот Роберт и Эдсон мучались угрызениями совести. Они чувствовали себя виноватыми, просто зная, как и почему старуху арестовали, и, ради нашей дружбы, я изобразил искреннее раскаяние, притворился, будто раздавлен горем. Но, честно говоря, я гордился собой, и ужасный поворот событий странным образом придал мне сил. Я убил одного из драконов своего детства и был счастлив.

И опять я начал подумывать о письме отцовскому начальству. После отъезда Тома папаша постоянно доставал меня, и я жаждал мести. Заработки в «Джемко» почти полностью покрывали мои расходы. Я прикинул, что, если получу стипендию или какую-нибудь финансовую поддержку, к сентябрю смогу уйти из дома и жить отдельно. И послать ублюдка к чертовой матери.

Сказано — сделано.

Я написал письмо в «Автоматик интерфейс».

В тот день, когда отца уволили, он явился домой пьяным в первый раз за несколько лет, а когда мать принялась обзывать его слабаком, дураком и эгоистом, швырнул в нее стакан. Мать сплюнула, развернулась и гордо выплыла из кухни.

Я при всем этом присутствовал, поскольку перед самым появлением отца вышел на кухню выпить воды и, не удержавшись, повернул нож в свежей ране.

— И что думает об этом Бог?

Отец меня ударил.

Ударил в грудь, хотя, думаю, целился в живот, но я успел отскочить.

— А что Бог думает об *этом*?

— Как ты смеешь? — взревел отец, надвигаясь на меня.

Я отступил в сторону, как тореадор, а папаша был так пьян, что споткнулся и свалился на пол, треснувшись головой об угол плиты. Я легко мог ударить его рукой или ногой — и, поверьте, очень хотел это сделать, — но за последствия пришлось бы отвечать. Я выбрал более корректный метод: наклонился и сказал с глубочайшим презрением:

— Ты жалок.

Я ушел в свою комнату, запер дверь и растянулся на кровати.

И улыбнулся.

Как оказалось, директор Пул искренне надеялся на мое участие в заседаниях школьного консультативного совета. Я обнаружил это как-то в понедельник, получив из канцелярии записку с напоминанием о том, что заседание совета состоится в тот же вечер. Обрадовавшись уважительной причине улизнуть из дома в свободный от работы вечер, я сказал родителям, что должен идти на заседание, и после ужина вернулся в школу. Проходя мимо почтового ящика, рядом с которым в тот далекий вечер ударила клюкой ведьма и свалился с неба голубь, я вздрогнул и поспешил дальше. Нет, вины своей я не чувствовал, но ощущал ответственность, а темнота обострила детские воспоминания, и я испугался не на шутку.

Не тиши!

Члены совета встретились в кабинете биологии. Не знаю, почему директор выбрал именно этот просторный класс. Странно придвигать стулья к подиуму, когда нас всего пятеро и мы вполне могли бы собраться в маленьком конференц-зале при директорском кабинете. Но решение было принято, и я прошел по сумрачным коридорам мимо рядов шкафчиков к освещенному прямоугольнику — открытой двери в кабинет биологии.

В совет входили мистер Пул, я и раздражающе сверхактивная троица, которую я видел на различных принудительных мероприятиях, но знаком с ними не был.

— У нас здесь все очень просто, — сказал директор, и действительно, было очень странно видеть его в джемпере, а не в официальном костюме и рубашке с галстуком.

Присутствующие начали обсуждать, как лучше разрекламировать школьную программу «Посоветуйся со сверстниками». Программа явно нуждалась в рекламе, потому что я, например, никогда о ней даже не слышал. Предложив написать в газету статью о программе, мистер Пул посмотрел на меня, кивнул и улыбнулся, как будто эта светлая мысль принадлежала мне. Одна из активисток — Лейси, хорошенькая блондинка, не успевшая снять форму команды болельщиц, — предложила нарисовать плакаты силами учащихся художественной школы.

— Устроим соревнование на лучший плакат! — высказалась Кей, одна из тех суперорганизованных девчонок, в которых уже просматривалась будущая деловая женщина. — Предложим нарисовать эскизы и назначим приз за лучший проект. И плакаты получим, и шумиху обеспечим!

Мне ужасно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

Поскольку в весенние каникулы собирались перемостить парковку, перешли к обсуждению покрытия. Признаться, я не был знаком с задачами школьного консультативного совета, но мне показалось, что это слишком технический вопрос для подростков. Тем не менее разгорелся жаркий спор. Лейси и Кей агитировали за какое-то покрытие из переработанного пластика, а Тимоти, третий суперактивист, лоббировал что-то более дешевое и традиционное.

— А что думаешь *ты*? — обратился ко мне директор, и великолепная троица уставилась на меня.

Да ничего я не думал. Я стал бормотать, что это, мол, первое мое заседание, и я некомпетентен в данном вопросе, но Кей перебила:

— Ну, уж *какое-то* мнение у тебя должно быть!

Может, и должно, но не было. И просто потому, что Кей меня раздражала, я заявил, что согласен с Тимоти.

Следующие полтора часа происходило примерно то же самое, и меня все время втягивали в дискуссию. Я не знал, что говорить, обсуждаемые проблемы меня не трогали, однако постепенно мне стало казаться, что цель присутствующих — сбить меня с толку и выставить идиотом. Конечно, я хотел улучшить свое резюме, но не такой же ценой! Я уже сомневался, стоила ли игра свеч. Мистер Пул мне совсем не помогал. Он втянул меня в этот идиотизм, но теперь посматривал как-то странно, что мне совсем не нравилось. Я вздохнул с облегчением, когда заседание закончилось, и сразу же смылся, чтобы ни с кем не разговаривать.

Когда я вернулся домой, родители опять воевали. Я вошел через парадную дверь, проскользнул мимо кухни и незамеченным пробрался в свою комнату.

Через два дня меня вызвали в кабинет директора, причем со спортивных занятий, и я сразу понял, что дело серьезное. С других уроков вызывали в администрацию довольно часто, но вызов со спортивных занятий был чрезвычайным событием, наверное, потому, что ученику приходилось переодеваться, а это слишком хлопотно. Однако меня вызвали и не разрешили переодеться, а заставили идти прямо в спортивных трусах, отчего я почувствовал себя глупым и словно выставленным напоказ. А в администрации, среди воспитателей и секретарей, я показался себе совершенно голым.

Мистер Пул ждал меня. И счастливым он не выглядел. Без суеты и разговоров он завел меня в свой кабинет и закрыл дверь, затем подошел к столу и взял в руки папку. Он не сел и мне сесть не предложил.

— Меня поразило твое поведение на вчерашнем заседании комитета, — начал он.

Мой желудок сжался от дурных предчувствий.

— Мне показалось странным, что человек, предположительно привыкший к встречам с различными общественными группами и способный заставить конкурирующие организации делиться деньгами и совместно работать, столь плохо подготовлен и явно неловко себя чувствует в деловой обстановке. Поэтому я провел небольшое расследование. *Нет* никакого Института Собрайети. Никакого! Что касается других перечисленных в полученных нами письмах организаций, в двух реальных о тебе никогда и не слышали. Ты сам написал эти письма!

От его искреннего разочарования я почувствовал себя таким подлым, как никогда еще не чувствовал.

Я ничего не подтверждал, ничего не отрицал. Я просто стоял перед ним, жалкий и растерянный, а желудок мой сжимался все сильнее.

После долгой паузы директор наконец спросил:

— Ты можешь что-нибудь сказать в свое оправдание?

Я встретился с ним взглядом, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, стараясь скрыть свое унижение.

— Возвращайся на урок.

То ли усталость, то ли презрение послышались мне в его голосе. Может быть, и то и другое.

Я медленно вышел из кабинета и бегом бросился в мужскую раздевалку. Я успел туда, как раз когда все уже приняли душ и одевались.

— Зачем тебя вызывали? Что случилось? — спросил Фрэнк, и все присутствующие уставились на меня.

Я подумал о том, как меня выгоняют из школьного совета, как вычеркивают из моего личного дела всю мою общественную деятельность. Прощай, надежда на гранты и стипендии. Я застреваю в родительском доме...

— Ничего особенного, — сказал я.

Вечером я написал письмо.

2

Уважаемые мистер Гутьеррес, мистер Бергман, мистер Макколлум и другие члены Попечительского совета!

Не знаю, как рассказать о том, что случилось со мной. Я совсем недавно учусь в средней школе имени Ратерфорда Б. Хейса. XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX. Директор Пул приставал ко мне в женском туалете. Он заставил меня XXXXXXXX делать плохие вещи, он занимался со мной сексом. Родителям я рассказать не могу. Я не могу рассказать друзьям. Я не могу рассказать никому из администрации. Я хочу покончить с собой. Вы моя последняя надежда. Для меня все кончено, но, может быть, вы сможете остановить его, пока не пострадали другие.

3

Я с трудом подавил искушение расписать омерзительные подробности, вовремя осознав, что это не письмо в «Пентхауз форум», и, хотя подростковые гормоны подстрекали меня вставить яркую порнографическую сцену, мозг требовал сохранять благоразумие. Никакого равнодушия и официальности. Необходимо было выбрать правильный тон: только желание вывести трахальщика на чистую воду.

Вычеркнутые строчки, как подтверждение девичьего смятения, пришли мне в голову в последний момент.

Никакой подписи, чтобы никто не смог найти автора.

Однако, похоже, мой план не сработал. Я щедро предоставил почте три дня на доставку письма, затем добавил еще один день на обсуждение письма попечительским советом. Но прошла неделя, другая, а директор все торчал в школе и сидел за своим столом. Конечно, если за кулисами и бушевали бури, то перед учащимися взрослые выступали единым фронтом. Только мне было необходимо, чтобы Пула изгнали как можно быстрее, пока он не успел полностью разрушить мои финансовые перспективы. Безусловно, он успел поделиться с Зивни и с администрацией школы, но на моей стороне были школьный инспектор и мэр. Несколько продуманных посланий, и я добьюсь цели.

Если только избавлюсь от Пула.

Я сочинил еще одно анонимное послание. На сей раз от секретарши. Это творение я послал в попечительский совет и в полицию. В письме я обсуждал недостойное поведение

директора с учащимися женского пола. Якобы неделю назад автор, находясь в туалете, подслушала разговор двух девочек о том, как директор принуждал их к оральному сексу. Будто бы сначала я не поверила, но сегодня после занятий директор пригласил в свой кабинет девушку, застигнутую за курением марихуаны на территории школы. Вместо неизбежного исключения из школы, ученицу отпустили с предупреждением, даже не подвергнув временному отстранению от занятий. И тогда я поняла смысл звуков, доносившихся из директорского кабинета.

Анонимность секретарша объясняла тем, что не хочет потерять свою работу.

И вот это подействовало.

Понятия не имею, что говорилось за закрытыми дверями, но мистер Пул покинул школу незамедлительно. *Незамедлительно*. Ни уведомления за две недели, ни прощальной речи. Я отправил письма во вторник, а в четверг утром кабинет был пуст, директора в школе не было. Я это точно знаю, потому что под каким-нибудь предлогом заходил в административное здание каждый божий день — проверял.

Я надеялся, что директор не успел никому рассказать о своем расследовании, что теперь его голова занята другими, более важными вопросами, затмившими мои фокусы. Только бы он не связал оба события, только бы не понял, что и мой взлет, и его падение вызваны письмами. Только бы он не начал размышлять.

Придется подумать о его убийстве.

Вот такая мысль пришла мне в голову, а я даже глазом не моргнул. Я до сих пор больше гордился своей ролью в смерти ведьмы, чем стыдился. И я знал, что в случае необходимости и если представится возможность, я не погнушаюсь вновь проверить подобное дельце.

Неделю я ждал, пока уляжется волнение, а затем начал задавать вопросы. Мне сказали, что, поскольку учебный год близится к концу, один из заместителей станет исполнять обязанности директора, а замену мистеру Пулу найдут к сентябрю. Миссис Зивни пойдет на повышение: до конца года поработает заместителем директора.

Я просчитал свои шансы. Из школьного консультативного совета меня выгнали, и Зивни несомненно знает почему. Теперь у меня новый консультант, мистер Тейт, но, вероятно, Зивни продолжает следить за мной, несмотря на свои новые обязанности. Пожалуй, все-таки можно подать заявление на все те займы и гранты, которые я себе наметил.

Кроме того, мне нужна была рекомендация не от учителя, а от человека влиятельного, занимающего более высокое положение. Нынешняя администрация школы исключалась. Привлечение внимания любого из них к моим намерениям могло все испортить.

Мэр!

Ему я тоже посылал первоначальный комплект писем. Вряд ли Пул успел поговорить с мэром обо мне, а даже если успел, его репутация теперь хуже, чем у собачьего дерьма.

Обращение к мэру поможет.

У меня еще есть шанс спасти свою жизнь.

После занятий я сказал Роберту и Эдсону, что не пойду гулять с ними, поскольку у меня дела. Я поехал с Фрэнком. Каждый день он ездил домой мимо здания муниципалитета и высадил меня там. Надо было бы позвонить заранее, но мэр случайно оказался на месте и согласился меня принять. Секретарша провела меня в его кабинет, а я напустил на себя самый смиренный вид.

— Спасибо, что согласились принять меня, господин мэр. Меня зовут Джейсон Хэнфорд, и я учусь в школе имени Ратерфорда Б. Хейса...

Как я и надеялся, он вспомнил мое имя.

— Джейсон, ну конечно! Наш великий филантроп. Как поживаете?

Неужели ему рассказали? Не похоже. Вроде он искренне радовался мне или привычно, как и подобает ловкому политику, играл роль.

— Спасибо, хорошо, — сказал я.

— Что привело вас к нам?

— Ну, вообще-то я пришел попросить об одолжении.

Мэр явно насторожился. Я надеялся на «Я сделаю для вас все, что в моих силах», но вместо желанной фразы услышал:

— Каком именно?

— Мне необходимо рекомендательное письмо. Для заявления на стипендию. У меня есть рекомендация от учителя английского языка, и я рассчитывал на рекомендацию мистера Пула. Но он уволился. Я мог бы попросить кого-нибудь из заместителей, но подумал, что рекомендация более высокопоставленного человека весомее.

Его отрицательная реакция была почти физически ощутима, но голос прозвучал спокойно и даже ласково и с фальшивым сожалением.

— Мне очень жаль, но я не могу заводить любимчиков. Меня неправильно поймут. Я избран всеми жителями города. Если я дам рекомендацию только вам, единственному из всех учащихся вашей и трех других школ Акации, то покажу этим, что вы лучше или квалифицированнее всех остальных.

Да, хотел я сказать ему. В этом-то и дело. Именно для этого и предназначаются рекомендации.

Но я кивнул, как будто понял его затруднения и сочувствую ему.

Должно быть, он почувствовал, что переборщил с мягкостью.

— Кроме того, я сейчас очень занят и вряд ли найду время для справедливой оценки ваших достижений. Думаю, вам лучше связаться с районным школьным инспектором или с кем-нибудь из окружной администрации. Или, еще лучше, с одним из общественных лидеров, с которыми вы работаете. Тогда рекомендация получится более всесторонней.

— Если у вас нет времени, я могу написать ее сам. Не слишком хвалебную и ни слова о том, что я лучше других. Просто там будет указано, что я прилежный учащийся, полезный член общества и так далее. Вам останется только подписать.

— Я не могу, — неискренне опечалился мэр. — Это будет несправедливо.

Я молча кивнул.

Тебе конец, ублюдок.

Текстовый процессор работает тихо, не то что пишущая машинка. Правда, матричный принтер я купил слишком громкий, но удары по клавишам были практически бесшумными. И все равно, когда я писал письма в муниципалитет, отец забарабанил в дверь и завопил, что уже поздняя ночь и я мешаю ему спать, и если я намерен разбудить весь этот чертов дом, то он снесет дверь и разобьет...

— Ты снова пьян, — с отвращением сказал я, не вставая из-за стола. — Оставь меня в покое и иди спать.

— Рик! — тут же завопила мать.

Как ни странно, отец убрался в свою комнату, оставил меня в покое. Он чувствовал вину и стыд за то, что потерял работу и больше не может обеспечивать семью. Это делало его

более уступчивым к стервозным требованиям матери. Вечно пьяный и озлобленный, он не мог ничего изменить, и я радовался его унижениям. Он заслуживал их, как никто другой.

Я снова ударил по клавишам.

Весь день и весь вечер я размышлял о том, как скинуть мэра, и в конце концов придумал. Я извлек из небытия своего старого друга Карлоса Сандовалья, председателя Союза борцов за гражданские права испаноязычного населения. Парень собрал впечатляющие статистические данные, подтверждающие тот факт, что при нынешнем мэре найм и продвижение испаноязычных работников упало до исторического минимума, а усилия мэра, направленные на реконструкцию Ист-Сайда, свидетельствуют о постоянной расовой дискриминации. Более того, хотя власти в результате общественного давления отказались от реконструкции, несколько сотрудников в частной беседе признали, что слышали от мэра расистские высказывания.

Я все это выдумал, но полагал, что если кто-нибудь, следуя старой поговорке «нет дыма без огня», начнет расследование, то несколько фактов дискриминации при найме на работу обязательно обнаружит, и причиной этого сочтут фанатизм.

Копии письма я послал в «Акация леджер», «Ориндж каунти реджистер» и «Лос-Анджелес таймс», а также в муниципалитет, управляющему городом и городскому прокурору. Кто-нибудь обязательно клюнет.

Клюнули все. Резкая обличительная речь Сандовалья появилась и в «Таймс», и в «Реджистер» без каких бы то ни было изменений в один и тот же день, а несколько дней спустя «Леджер» опубликовал возмущенную статью о том, что какой-то Сандоваль посмел критиковать замечательного мэра Акации. «Ядовитое письмо вызвало хаос» — гласил идиотский заголовок на первой странице. Редакторы были приятелями мэра. Кумовство в его самом явном и тошнотворном виде! Преисполнившись праведного гнева, я обрушил на «Леджер» ураган писем от самых разных членов общества с требованием расследовать выдвинутые обвинения вместо того, чтобы заниматься очернением Карлоса Сандовалья. На уроках по основам гражданственности мы как раз закончили изучение роли прессы в свободном обществе, и политика «Леджер» оскорбила меня до глубины души. Я обогатил последующие письма цитатами из Томаса Джефферсона и других героев Первой поправки и, видимо, сумел вложить в них весь свой гнев и страсть, ибо все они были опубликованы.

Это меня удивило. То есть я не удивился тому, что «Таймс» и «Реджистер» напечатали мои письма, но «Леджер» настолько активно проявлял враждебность, что создавалось впечатление, будто они хотели подавить всякое инакомыслие. Правда, они тоже печатали мои письма, как и все настоящие письма от тех, кто был со мной согласен. И это меня поражало и приводило в восторг.

Мне казалось, что я могу изменить мир.

Я поверил в свои способности, когда мэр подал в отставку.

Отставка ничем не примечательного чиновника одного из сотен городков Южной Калифорнии не представляла особого интереса для «Лос-Анджелес таймс», но в «Реджистер» появились и статья, и дополнительная информация. «Леджер» посвятил целый чертов выпуск восхвалению достоинств Питера Грина, лучшего мэра за все время существования Акации, который по неизвестным причинам решил покинуть свой пост в середине срока, чтобы «заняться другими делами» и «больше времени проводить с семьей».

Читая эти статьи, я улыбался. *Поделом тебе, думал я. Будешь знать, как связываться со мной.*

Но я-то лично ни на шаг не продвинулся. Никто пока не собирался писать мне рекомендацию. Ну, я и решил написать себе рекомендацию собственноручно. И почему я не подумал об этом раньше? Почему просил поддержки у равнодушных, едва знавших меня людей, когда мог сочинить блестящую рекомендацию и приписать ее действительно выдающейся личности? Черт побери, да сам президент Соединенных Штатов Америки мог бы написать мне отличную рекомендацию.

Нет. Государственные деятели пишут на фирменных бланках с тиснеными шапками. Я не смогу использовать ни президента, ни губернатора, никого столь высокопоставленного. Мне нужен гражданский чиновник, очень известный чиновник.

Надо еще подумать. Этот вопрос заслуживает серьезного рассмотрения.

В ту ночь мне приснился сон. Очень странный сон. Как будто я шел по пыльной дороге посреди пустыни. Передо мной появился одинокий цирковой шатер, выгоревший на солнце, потертый и изодранный. Из шатра доносился какой-то шум, тихий, едва слышный. Жара и сгустившийся давящий воздух приглушали этот гул, и при моем приближении он не усиливался.

Я вошел в шатер и увидел круг из щербатого некрашеного бетона. Вокруг него в холодном полумраке слонялись дети с седыми волосами и преждевременно сморщенными личиками. Крошечные кошмарные существа кружились, словно статисты в мюзикле. В центре круга восседал скелет обезьяноподобного, явно доисторического человека, сгорбленного, с толстыми костями и плоским грубым ликом с выдающейся нижней челюстью. Раздался резкий звук каллиопы, и дети, собравшись в круг снаружи бетонного сооружения, взялись за руки. Они запели хвалебную песню, веселую мелодию, нечто среднее между детскими стишками и гимном, и я понял, что этот скелет — их бог.

Я попытался, попытался незамеченным выйти из шатра. Я знал, что могу умереть в пустыне, но такая смерть казалась мне бесконечно предпочтительнее компании состарившихся детей и их скелетообразного божества.

Дверь была совсем близко, когда дети вдруг умолкли.

Череп обезьяноподобного существа повернулся в мою сторону.

Я проснулся испуганный и подавленный. Подобного уныния я не испытывал никогда прежде. Как будто я едва не погиб ужасной смертью. Как будто если бы я не проснулся, а заглянул в провалы глазниц того доисторического скелета, то пропал бы навсегда.

Сон сморил меня лишь через несколько часов, и я проснулся утром совершенно разбитый и встревоженный.

На следующий день я получил по почте письмо без обратного адреса со штемпелем *Лос-Анджелес*. Внутри было написанное от руки письмо с точным до мельчайших деталей описанием моего сна. Гениальному автору даже удалось передать *ощущение*, предчувствие страшной беды.

Подписи не было.

Я перечитал письмо. И еще раз перечитал. Легче мне не стало, озноб только усилился.

Аккуратно сложив листок, я вложил его обратно в конверт и спрятал в надежный тайник. *Кто мог это написать? Почему они его послали? Откуда они узнали?* Вопросы без ответов, и чем больше я думал об этом, тем больше трясся от страха.

Я сохранил письмо и стал ждать следующего.

И не дождался.

По крайней мере, тогда.

Билл Тейт
453 Палмира-Драйв
Анахайм, Калифорния 92801

Уважаемый генеральный директор!

Хочу сообщить Вам, что я больше не смотрю новости на канале Кей-эй-би-си. Ваши выпуски последних новостей когда-то были моими любимыми, но меня так раздражает Ваш метеоролог, что я больше не в силах смотреть вашу программу. Тошно слушать пустую болтовню Ваших ведущих, но клоун-метеоролог просто отвратителен.

Отныне я буду смотреть Кей-эн-би-си.
С уважением,
Билл Тейт
P. S. У меня есть устройство Нильсена.

Нет в мире более самодовольного существа, чем уроженец Южной Калифорнии. Как будто эта земля автоматически превращает людей в тупых ура-патриотов. Каждый вечер комики-метеорологи восхваляют регион, торжествуют по поводу мягкого климата, задают телевизионной аудитории риторические вопросы, почему, мол, кому-то хочется жить в других местах; по-идиотски пытаются заставить людей радоваться смогу и перенаселенности; снова и снова повторяют, какие мы счастливые, словно кто-то действительно в это верит. Два дня в год нам удастся лицезреть ближайшие горы, и неизменно «Лос-Анджелес таймс» печатает на титульном листе большую цветную фотографию этого чуда наряду со статьей о том, как нам повезло жить в столь прекрасном регионе. Такое впечатление, будто они и не подозревают о том, что большая часть населения Соединенных Штатов созерцает подобные виды ежедневно, а не только когда ураган рассеивает смог.

Дебилы.

Я был сыт по горло этой безмозглой рекламой. Я написал письма на все три местные вещательные станции с жалобами на метеорологов. Я понимал, что они всего лишь говорящие головы (ну, один действительно был метеорологом), однако раз уж они вылезли на экран, то их можно считать журналистами, не так ли? Разве они не должны сохранять беспристрастность? Должно быть, я отстоял свою точку зрения, ибо — подумать только! — меня прекратили пичкать сообщениями о «приятной», «хорошей» или «прекрасной» погоде и просто снабжали объективными сведениями об атмосферных условиях. Неделю. Две недели, в случае с Эн-би-си. А потом вернулись к прежнему легкомысленному фиглярству, как колесо грузовика возвращается в свою колею на грязной дороге.

Это превратилось в игру. От лица эксперта-лингвиста я информировал ведущего новостей о том, что слово хунта произносится именно «хун-та», а не «джунта», как

произносит он, путая военную хунту с совещательным собранием в Испании и странах Латинской Америки. Забавно было наблюдать, как он спохватывался прямо в эфире и поправлял себя. От лица оскорбленного американца японского происхождения я объяснял белой женщине-репортеру, что Хиросима — именно Хиросима, а не Хихрошима, и хихикал, когда она запинаясь на этом слове.

Новой работы отец не нашел. Я иногда сожалел о содеянном, но отец не менялся, оставался все таким же козлом, болтался целыми днями по дому пьяным и даже не пытался искать работу, так что жалеть его было довольно трудно. О Боге этот жирный, омерзительный ублюдок вроде больше не вспоминал, алкоголь снова стал его опорой. Даже мать не выдержала и нашла почасовую работу, как для того, чтобы избежать общения с ним, так и для того, чтобы принести в дом хоть немного денег.

Меня тоже просили вносить свой вклад, но я упорно отказывался, выдвигая неопровержимый довод, мол, я не просил рожать меня, и давал им понять, что они обязаны обо мне заботиться.

По меньшей мере до того момента, как я смогу убраться отсюда.

Мне казалось, что я начинаю в чем-то походить на своего отца, и эта перспектива меня не радовала. Я стал раздражаться без видимых причин; даже мои друзья заметили, что я разучился веселиться. Заканчивался последний школьный год. Мне следовало прогуливать уроки, болтаться с друзьями, посещать вечеринки, снимать красоток и делать все то, что делают в свой последний семестр выпускники средних школ. Я же мрачно тащился по жизни, находя удовольствие только в коллекционировании пластинок и сочинении писем — в двух отшельнических занятиях, уводивших меня все дальше от основного потока.

Что касается моей рекомендации, то я решил приписать ее Полу Ньюмену. Его знаменитое имя произведет необходимое впечатление. К тому же Ньюмен жил уединенно, и мою ложь проследить будет нелегко. И самое главное, Ньюмен был филантропом; его благотворительная деятельность была всем известна. К его словам прислушаются. В общем, я приступил к созданию рекомендательного письма с одержимостью, коей мне всегда не хватало в учебе. В голове постоянно крутились слова матери: если бы я уделял учебе столько же времени, сколько своей писанине, то, возможно, чего-нибудь и достиг в жизни. Она говорила правду, и я это понимал, но именно в этой области лежали мои интересы. Например, хотя я никому в этом не признался бы, я пристрастился к чтению газетных колонок «Энн Ландерс» и «Дорогая Эбби». Я читал их каждый день. Я с удовольствием узнавал о личных проблемах людей из их писем. Меня это увлекало. Конечно же «Письма редактору» до сих пор были моей любимой частью газеты, и не только потому, что там часто печатались мои сочинения. Получалось, что не репортеры сообщали новости нам, а мы сообщали новости им. На этой арене прояснялись общественные мнения и приоритеты, и, думаю, больше всего мне нравилось то, что людьми так легко манипулировать. Одно-два правильно написанных письма создавали впечатление широкой общественной поддержки какого-либо решения или, наоборот, его неприятия.

Воспользовавшись скидкой для служащих, я купил в секции прикладного искусства «Джемко» набор для изготовления бумаги и, с помощью инструкции, смастерил лист бумаги класса «Королевская» с позолоченным тиснением «Пол Ньюмен» сверху. Я подумывал добавить номер почтового отделения, но не знал даже, в каком штате он живет, а это легко могло меня уличить. В общем, я решил не мудрствовать. Сама бумага выглядела дорого, представительно и очень лично. Белая с желтоватым оттенком, плотная, с крохотными

оливково-зелеными искорками, будто сделанная из цветочных стебельков.

Устроившись на заднем дворе, я создал четыре абсолютно одинаковых листа. В стельку пьяный отец увидел меня за работой и пробормотал под нос что-то вроде «гомосек», но, поскольку я не обращал на него внимания, он быстро отвалил.

Должен признаться, результат получился впечатляющим. Я высушил листы в своей комнате и прогнал через текстовый редактор и заранее купленное устройство, печатающее курсивом. Я создал четыре идентичных рекомендательных письма, завершив их подписью Пола Ньюмена, скопированной с банки «Соус для спагетти Пола Ньюмена». Подпись была самым скользким моментом моей авантюры, слабым звеном, которое могло выдать меня в любой момент, но все остальное выглядело так здорово, что казалось совершенно правдивым.

В мае выяснилось, что я получил главную стипендию фонда Эдгара Т. Дьюбери, присуждаемую каждый год выпускникам средних школ за успешную благотворительную деятельность. Стипендия не покрывала всех расходов, но кардинально меняла мою ситуацию, позволяя и поступить в колледж, и покинуть родительский дом. Я считал, что мне здорово повезло, ведь это был единственный положительный ответ на мои прошения.

В тот же день на мой домашний адрес пришло письмо. Мать вскрыла его до моего прихода и небрежно бросила конверт и скомканный листок мне на кровать. Я отправлял столько писем, что покупал целые рулончики марок, а не скрепленные марочные листочки, но сам почти ничего не получал. Казалось, даже рекламный мусор обходил меня стороной. Как будто меня окружал экран или силовое поле, позволяющее посылать, но не получать. Единственным письмом за последнее время было жуткое послание, описывающее мой сон.

Неудивительно, что меня бросило в дрожь.

Сначала я рассмотрел конверт. Обратного адреса не было. Почтовый штемпель смазан так, что разобрать ничего невозможно. На лицевой стороне мое имя и адрес и ряд странных дешевых марок, но...

В почерке было что-то странное; я не мог понять, что именно. Буквы и цифры написаны решительно и отчетливо, и все же в печатных буквах адреса чувствовались сомнения. А на листке было только мое имя с запятой:

Джейсон,

Как будто автор неожиданно передумал. Я таращился на листок, вертел его в руках. Незаконченное письмо вызывало необъяснимую тревогу и... казалось знакомым. Вспомнилось письмо с описанием моего сна, хотя никакой связи между двумя посланиями не просматривалось. Покопавшись в нижнем ящике письменного стола, я нашел то письмо и сравнил почерки. Никакого сходства я не заметил, но мозг лихорадочно продолжал искать взаимосвязи.

Вот оно!

Письмо ведьмы.

Нет! Я его не сохранил, но забыть так и не смог. Не забыл ни шрифт адреса, ни почерк, ни подпись. Новое послание в точности совпадало с письмом ведьмы.

Мне вдруг стало холодно.

Я не желал признавать, не желал даже думать об этом, но уже некоторое время отдавал себе отчет в том, что в моем увлечении есть что-то... *неестественное*. Может быть,

неестественное — неподходящее слово. Может быть, *опасное*. Или *сверхъестественное*. Или *необычное*. Даже сейчас я не могу точно определить таинственное ощущение обостренной или преувеличенной реальности, которую я ассоциировал со своими письмами. Но странная реальность существовала. Я ее чувствовал. И эти два послания были ее частью. Что все это значило? Я не знал. И не хотел знать. Я даже думать об этом не хотел.

Поэтому и не думал.

2

Приближался официальный школьный бал. У Эдсона с октября по апрель была постоянная подружка, но в пасхальные каникулы, случайно заглянув в ее дневник и обнаружив, что она втрескалась в парня из «Юнайтед парсел сервис», доставляющего по выходным посылки в офис ее отца, Эдсон ее бросил. Теперь он судорожно пытался найти хоть какую-нибудь спутницу. Роберт недавно связался с Джули Блум, которую мы все знали еще с начальной школы. Довольно симпатичная девчонка, только немного приторная. Фрэнк уже три года встречался с нашей ровесницей Лиз Олданой. Я же после Сандры Фортуны несколько раз ходил на свидания, но серьезных отношений ни с кем не завел. Благодаря новообретенной популярности я точно знал, что одиночество мне не грозит, если только я сам того не пожелаю, и я остановил свой выбор на Холли Мок, девочке из моего класса.

Вообще-то Холли была очень милой девушкой, но тут ее деликатность куда-то подевалась. Выяснилось, что — кроме традиционного букетика — ей требуются дорогой ресторан и художественные фотографии, лимузин и шикарное шампанское и еще куча вопиющей роскоши. Она считала, что, раз это единственный в ее жизни выпускной бал, она должна получить от него максимум удовольствий. Я ясно дал ей понять, что выкладываться не собираюсь. Мы достигли консенсуса и отправились к месту проведения бала в универсале моих родителей.

Для официального школьного мероприятия бал прошел совсем не плохо. После бала мы посидели в кафе с Робертом, Эдсоном, их спутницами и парой друзей Холли, поделились впечатлениями, посмеялись. Где-то после полуночи компания распалась. Я повез Холли домой, но припарковался перед каким-то темным зданием, за несколько кварталов до ее дома. В кафетерии мы отпускали шуточки по поводу секса на заднем сиденье, и, поскольку я не планировал встречаться с Холли после сегодняшнего вечера, считал, что мы вполне могли бы доставить друг другу удовольствие.

Холли явно придерживалась того же мнения. Не успел я выключить зажигание, как она набросилась на меня и в одну секунду выскочила из платья. Щелкнула защелка ее лифчика, и наши языки сплелись в жарком поцелуе. Она откинулась, задыхаясь, вполне готовая к продолжению банкета. У меня уже возникла эрекция, но для пущей уверенности я приказал ей пососать. Мне лень было ее трахать, поэтому я, без долгих уговоров, сунул пенис ей в рот. Она попыталась увильнуть при первом же выбросе спермы, да не на того напала: я крепко держал ее голову до самого конца и отпустил, только когда полностью удовлетворился.

И почему-то задумался о том, чем занимается сейчас Сандра Фортуна.

Холли отскочила, как чертик из коробочки, возмущенная и оскорбленная, только мне было без разницы. Я натянул брюки и повез ее домой, а она судорожно пыталась натянуть одежду, пока мы ехали по ее ярко освещенной улице.

Домой я отправился в отличном настроении.

Учебный год, можно сказать, закончился. Последние недели семестра я помню как в тумане. Итоговые экзамены, памятные альбомы, церемонии награждения, репетиции.

Выпускной вечер проводили в Фэмилиленде. Парк закрыли для обычной публики и запустили туда всех выпускников округа Ориндж, разрешив веселиться без присмотра взрослых. Мои дедушки-бабушки не изволили показаться, даже не прислали поздравительных открыток, и, конечно, не объявился Том. Правда, приехавшие родители притворялись перед семьями моих друзей любящими и внимательными — нормальными.

Роберт, Эдсон, Фрэнк и я слонялись по парку с нашими девчонками. Несмотря на праздничное настроение, мы не могли отделаться от легкой грусти, даже какой-то неосознанной тоски. Закончился целый этап нашей общей жизни. Последний раз мы гуляли все вместе. Придет осень, и все мы разъедемся... в разные стороны.

Фэмилиленд работал для нас до рассвета, но к часу ночи я уже клевал носом, а к двум только и думал, как бы найти укромное местечко и поспать. В конце концов я решил свалить и попрощался с друзьями, настойчиво уговаривавшими меня остаться.

— Поспи на аттракционе, и у тебя откроется второе дыхание, — предложил Роберт.

Но я не хотел второго дыхания. Я хотел нормально выспаться в своей постели и заверил их, что позвоню завтра. По дурости я и сюда явился с Холли, но где-то посреди вечера она променяла меня на какого-то придурка из средней школы Лоары. Мне было все равно, а кроме того, ее дезертирство облегчило мне уход.

Дома меня ждал сюрприз. Папаша расстарался.

Ничего подобного я не ожидал и понятия не имел, с чего это он сорвался с катушек. Просто, войдя в свою комнату, я увидел полный разгром. На полу валялись обломки текстового процессора, а отец восседал на скомканной постели и свирепо на меня тарачился. Долго разглядывать разгромленную комнату мне не пришлось. Отец набросился на меня, размахивая кулаками, словно чокнутый. Я изо всех сил старался защититься, но, во-первых, он поймал меня врасплох, а во-вторых, я устал, а он был сосредоточен и свеж как огурчик. Не знаю точно, но, кажется, я вырубился. Вроде только что защищал голову от ударов, а очнувшись, увидел, что за окном светло.

Все тело болело, голова раскалывалась, но я заставил себя сползти с кровати и потащился на кухню. Часы над плитой показывали половину одиннадцатого.

— Что это с тобой? — удивилась мать.

— Он явился домой в таком виде, — солгал отец. Подонок восседал за кухонным столом с кружкой кофе в руке. — Я спросил его, что случилось, но он промолчал. Думаю, драка на выпускном вечере или еще что.

— Ложь! — выкрикнул я и — что случилось всего несколько раз за всю мою жизнь — обратился к матери за сочувствием и поддержкой. — Это сделал он! Набросился на меня, когда я пришел домой, и разгромил мою комнату! Можешь сама посмотреть!

Она мне явно не поверила. Взглянула сурово, в голосе прозвучал укор.

— Что ты несешь, Джейсон?

— Я предъявляю обвинение! Вызови полицию! Пусть возьмут у него отпечатки!

— За всю жизнь я тебя и пальцем не тронул, — невозмутимо заявил отец.

Я склонился почти к самому его лицу:

— Лживый мешок с дерьмом.

Он не проглотил наживку. Отвернулся, отпил кофе. На его губах блуждала странная

улыбка.

Я ударил по чашке, и, к моему восторгу, отец взревел от ярости и боли, когда горячая жидкость выплеснулась на его щеки и подбородок, потекла по шее. Не дожидаясь возмездия, я бросился в свою комнату и запер за собой дверь. Меня трясло, кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Я ждал, что отец вот-вот снесет дверь с петель.

Не дождался.

С кухни доносился тихий шепот, но я не услышал ни звука приближающихся шагов, ни визгливых обвинений. Смолчали и мать и отец.

Я в ярости обвел взглядом свою комнату. Все. Хватит. Это была последняя капля. Забираю свои сбережения, стипендию и выметаюсь из дома навсегда.

Только этого мне было мало.

Я хотел, чтобы отец поплатился за вчерашнее.

Ублюдок должен сдохнуть. И я знал, как этого добиться.

Я стал судорожно разбирать кучу обломков и обрывков на своем столе и нашел чудом уцелевшие чистый лист бумаги и карандаш. В прошлые выходные погибла Розита Агилар. На Седьмой авеню ее насмерть сбил водитель, удравший с места происшествия. Поскольку свидетелей не нашлось, полиция рассчитывала на заявления друзей или родных убийцы. Я знал Розиту. Не очень хорошо, но достаточно, чтобы поболтать, если мы случайно сталкивались вне школы. Ее брат и ее парень были членами уличной банды, и я точно знал, что виновника гибели Розиты они скорее убьют, чем выдадут полиции.

Я написал брату Розиты анонимное письмо. На тот случай, если письмо все же попадет в полицию, я изменил почерк и сделал все необходимое, чтобы не оставить отпечатки пальцев на бумаге. Я написал, что я был свидетелем наезда... только это не был несчастный случай. Какой-то мужчина попытался снять Розиту, а она отказала. Мужчина не смирился с отказом. Когда девушка бросилась прочь, выкрикивая, что заявит в полицию, он завел мотор, намеренно наехал на нее и умчался прочь. Я запомнил номера и проследил за машиной.

Я написал номер отцовской машины, наш адрес и подробное описание папашиной внешности.

Не самая правдоподобная история в мире, но лучшей я не придумал. Зато я вложил в письмо столько чувств, что они вполне могли заменить истину. Вечером, когда родители куда-то ушли, я нашел в телефонной книге адрес Роберто Агилара и отправил письмо.

Дело было сделано.

Не могу определить, что я чувствовал в тот момент. Сожаление? Нет, точно не сожаление. Думаю, удовлетворение. Так должен чувствовать себя человек, успешно завершивший важную работу. Я пошел домой. Родители уже вернулись. Я взглянул на них, проходя мимо гостиной в спальню. Я ничего не чувствовал. Ни жалости, ни печали, ни раскаяния.

Прошло несколько дней. Неделя. Ничего не случилось, но я не сомневался и не тревожился. Брат Розиты отомстит. Я верил. Я верил в Роберто, но больше всего остального я верил в свое письмо. Может, в любых других обстоятельствах я был не очень уверенным в себе человеком, но, садясь за письменный стол, глядя на чистый лист бумаги и заполняя его, я был владыкой мира.

В следующий четверг вечером отец задержался в магазине.

Это случилось.

Не знаю, как я узнал, но я знал. Отец поехал купить выпивку себе и тампоны матери, и

не так уж сильно он задержался. Он мог попасть в пробку, заболтаться с кем-нибудь в очереди, что угодно. Но воздух вокруг меня будто сгустился, наэлектризовался. Я отчетливо ощущал изменения.

Его убили.

Я был совершенно спокоен. Спокоен и немного... доволен. Это может показаться странным, но так было. Я посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Я чувствовал себя крестным отцом мафии: мог приказать убить и не сомневаться в результате — если делал это письменно. Я прекрасно понимал, что могу осуществлять свои желания и вершить перемены только через письма. И если это была власть, то именно мои письма даровали ее мне.

Я сидел в своей комнате, зная, что мой отец мертв, и думал обо всех написанных мною письмах и о том, чего достиг с их помощью. Я в общем-то чувствовал, что столь мистический взгляд на такую прозаическую деятельность, как сочинение писем, смехотворен, но не мог не думать именно в этом ключе. Как поэты-песенники, заявлявшие, что музыка приходит к ним из какой-то высшей сферы. Мне казалось, что мои письма превращаются в таинственную силу, гораздо более великую, чем я сам.

Звонок раздался через час.

Мать уже распалила себя, подготовилась к взбучке, которую намеревалась устроить отцу, как только он войдет в дом, и перестроилась не сразу. А когда перестроилась, выражение ее лица кардинально изменилось. Я внимательно следил за ней, видел, как гнев превращается в жалость, в жалость к себе. Я не знаю, любила ли она когда-нибудь моего отца, но в тот момент, когда она узнала о его смерти, все ее чувства сконцентрировались на ней самой. Я ясно понимал, что она думает о новой ответственности, которую ей придется взвалить на свои плечи, о том, что ей придется больше работать, о дополнительных финансовых трудностях... Меня тошнило от ее эгоизма.

Правда, когда она повесила трубку и заговорила со мной, то впервые в жизни выглядела настоящей матерью. Она подошла ко мне, обняла, заплакала, сказала, что отец умер, стал случайной жертвой уличной перестрелки, спросила, все ли со мной в порядке, и казалась искренне озабоченной моим эмоциональным состоянием. Но за те считанные мгновения, что я попытался обнять ее и уверить, что держусь, она успела снова стать той самой стервой, какую я так хорошо знал.

Мы разомкнули объятия. Нам снова стало неловко друг с другом.

— Надо сообщить Тому, — осторожно предложил я.

— Я даже не знаю, где он. — В ее голосе снова звучал металл. Мать обвела взглядом комнату, будто что-то искала. — Я знаю, у отца была страховка. Я заставила его застраховаться. Дай бог, она полностью оплачена.

Затем мать начала перечислять финансовые неудачи отца, снова распаливая себя, и я убрался в свою комнату подальше от ее гнева, притворившись, будто мне нужно время, чтобы справиться с такой ужасной новостью.

На самом деле мне нужно было время для личных дел.

Время, чтобы спланировать свой побег.

Ибо я ни за что на свете не собирался оставаться в этом доме наедине с мамашей. С ними-то двоими было плохо, но теперь, кроме меня, ей не на кого было бросаться, не на кого изливать свой гнев. Я не мог остаться. Необходимо было найти новое жилье. Я достал калькулятор, прибавил к банковскому счету стипендию, прикинул, сколько смогу

экономить, если, не бросая «Джемко», найду на лето еще что-нибудь на неполный, а может, и на полный рабочий день.

И съехать надо было как можно скорее. Хорошо бы сегодня вечером. До того, как начнутся разговоры о похоронах, до того, как начнут составлять конкретные планы и втянут меня во всю эту тягомотину. Но что взять с собой? Возвращаться нельзя, поэтому придется сразу прихватить все самое важное. И все это должно уместиться в чемодан и пару рюкзаков. Тогда придется бросить коллекцию пластинок. И стереопроектор. Без письменного стола, кровати и другой мебели я проживу, а текстовый процессор все равно разбит вдребезги. Только вот без своей музыки я прожить не мог. Я столько усилий, времени и денег потратил на свою коллекцию. Нет, я не мог просто бросить ее.

Придется отложить до завтра.

Пока мать ездила к коронеру опознавать тело, я позвонил Роберту и Эдсону, но об отце рассказывать не стал, хотя было ясно, что скоро они узнают. Я просто сказал им, что собираюсь жить самостоятельно и мне нужна их помощь. Они оба были потрясены и, думаю, немного шокированы, однако согласились приехать на завтра по моему звонку и помочь мне перевезти барахло.

Утром я прятался в своей комнате за запертой дверью, притворялся, будто сплю без задних ног, и выжидал. Наконец мать отправилась выбирать похоронное бюро и готовиться к похоронам. Как только она уехала, я позвонил друзьям. Полночи я паковал пластинки и одежду, необходимые книги и документы, и когда парни приехали на «джипе-чероки» отца Роберта, я был готов.

Разговора с мамашей я бы не выдержал, поэтому поспешно нацарапал ей записку, в которой сообщил о своем отъезде. Пусть, мол, не волнуется, у меня остались деньги, заработанные в «Джемко», и стипендиальный фонд. У меня все будет в порядке (как будто это ее волновало). Если бы мы были нормальной семьей, я позвонил бы Тому, съехал бы к нему, но я даже не знал, где он живет. В общем, в поисках квартиры Роберт возил нас по Акации и Анахайму, Фуллертону и Бри.

В конце концов мы нашли однокомнатную студию в Ориндже, в добрых десяти милях от дома матери, в районе, куда она никогда не совалась. Я позвонил из телефона-автомата по номеру, указанному в табличке «Сдается», и владелец согласился встретиться со мной в квартире через полчаса.

— Никак не могу поверить, что ты это делаешь, — сказал Эдсон, трясая головой. — Может, надо было немного подумать?

Я решил пойти ва-банк:

— Вчера вечером убили моего отца.

Мое откровение повисло в гробовой тишине. Ребята не знали, что сказать, как отреагировать. Конечно, они знали, что мы с отцом не ладили... но все же он был моим отцом. *А как бы они отреагировали, если бы знали, что его убили из-за моего письма?* Интересно. По их лицам я видел, что они еще в большем замешательстве, чем раньше. Бросить мать в такой скорбный час? Когда я ей нужен? Что же я за сын? Что же я за человек?

Они не представляли, какой была моя жизнь в том доме, сказал я себе, но что-то надо было сказать и заставить их встать на мою сторону.

— Мать выгнала меня, — солгал я. — Мы с отцом давно не ладили, но только он удерживал нашу семью от распада. Теперь же... — Я пожал плечами.

— Дерьмо, — посочувствовал Роберт. Эдсон только покачал головой. — И что же ты собираешься делать?

— Надеюсь как можно больше работать летом, а осенью — в колледж.

Я не знал, кажется ли им мой план наивным или просто нереалистичным, но, судя по их скептическим физиономиям, они явно не считали его выполнимым. Плевать. В данный момент я нуждался в их помощи, но уже думал о них как о части своей старой жизни. Сейчас я начинал новую жизнь.

Студия оказалась отличной и, что самое важное, дешевой. Я снял ее. Я показал владельцу свои права, где было указано, что мне восемнадцать, подписал контракт и заплатил наличными за первый месяц, последний месяц и уборку. В последний момент я решил перевезти свой пружинный матрас и каркас кровати, поскольку все это влезало в «чероки», и теперь очень этому радовался. Нескоро еще я смогу позволить себе хоть какую-то мебель.

Черт побери, а нужна ли мне мебель?

Нет, решил я. Пока у меня есть крыша над головой, место для сна, плита и холодильник, обойдусь. Стереопроигрыватель я тоже захватил, что возместит мне отсутствие телевизора.

Двадцать минут ушло на то, чтобы распаковать вещи, еще пять-десять минут на сборку кровати, и вот уже мы трое неловко стоим посреди комнаты, не зная, что еще делать и о чем говорить.

Роберт откашлялся:

— Пожалуй, нам пора. Я должен вернуть машину.

У каждого из них был родной дом, любящие родители. Я понимал это умом, но не на эмоциональном уровне. И все еще немного ревновал. *И у тебя был бы дом, если бы ты не подстроил смерть своего отца*, — робко проклянул внутренний голос, но я велел ему заткнуться.

Мы распрощались. Я закрыл и запер за друзьями дверь, обвел взглядом свое маленькое жилище. Дом.

Теперь это мой дом.

Я заглянул в кухонный уголок, открыл пустой холодильник, пустил воду в раковине... и понял, что у меня даже стакана нет. И тарелок, и столовых приборов. Я прошел в ванную комнату, открыл аптечный шкафчик и дверцу в крошечную душевую кабинку, обновил унитаз. Продолжая экскурсию, прошел вдоль южной стены, выглянул в окно, проверил железную корзинку, висевшую под щелью для корреспонденции.

И нашел письмо.

Я схватил конверт. Письмо было адресовано мне.

Еще в час дня я понятия не имел, где буду жить, и только в последний момент выбрал эту квартиру.

Однако меня уже ждало письмо с аннулированной датой на штемпеле. Без обратного адреса.

Меня зазнобило. Я хотел выпустить конверт из рук, хотел выбросить его, хотел уехать отсюда и найти другую квартиру... Но я вскрыл конверт.

Загадочное послание и краткое. И безликое: *Сэр, это для вас*. Еще в конверте была фотография. Сначала я увидел заднюю сторону с водяными знаками «Фуджифильм» и почему-то вспомнил Киоко Йосицуми. Какую-то долю секунды я думал, что старая подруга по переписке выследила меня, чтобы возобновить общение, и прислала мне свою

фотографию.

Потом я перевернул фотографию и увидел шатер из моего сна.

Тот самый, с детьми и доисторическим скелетом внутри. Я выронил фотографию и тупо смотрел, как она планирует на пол.

Это для вас.

Я не понимал, что происходит, но, что бы то ни было, мне стало страшно. Я почувствовал связь со смертью отца —

с убийством

— и с письмом, которое я написал брату Розиты. Я ощущал себя персонажем из «Предательского сердца», хотя меня мучило не чувство вины, а страх быть пойманным. Кто-то знал, что мое письмо можно изъять, исследовать и научно доказать, что автор — я, что я виновен в убийстве моего отца.

Этот совершенно нелогичный вывод показался мне верным, и я решил отучиться от привычки писать письма. Не в первый раз у меня возникло твердое убеждение в том, что сочинение писем подвело меня опасно близко к краю какого-то более глубокого пласта реальности, недоступного большинству людей. И эта мысль меня испугала.

Я должен остановиться, сказал я себе. Я должен прекратить.

В ту ночь мне приснился мрачный заводской цех, где вдоль конвейера сидели скелеты и штемпелевали конверты, плывущие мимо них по конвейерной ленте.

Утром в моем почтовом ящике лежал конверт без обратного адреса.

Я разорвал его, не заглянув внутрь, и выбросил клочки в мусорный бак позади дома.

Лето пролетело быстро, а осенью я записался в колледж университета Бри. Если бы мать захотела меня найти, то это ей особого труда не составило бы, но она не предприняла никаких попыток, и я был этому рад. У меня не было никакого желания встречаться с ней.

Я нашел работу для студентов при колледже и, к счастью, получил дешевую комнату в кампусе. На моем этаже жил парень, которому отец подарил новый джип, и я дешево купил его старый «додж дарт».

Эдсон тоже учился в колледже университета Бри, но мы посещали разные курсы и почти не виделись. Роберт поступил в Калифорнийский университет и жил в Уэствуде. Что случилось с Фрэнком, я точно не знал. Как я и ожидал, теперь, когда нас не связывала совместная учеба, мы разошлись, как в море корабли.

Но меня это совсем не волновало.

Я легко встроился в жизнь колледжа. Она мне нравилась.

Каупанк. Андеграунд. Пейсли. Музыкальный мир пестрел невообразимыми комбинациями несовместимых жанров. При переходе с винила на компакт-диски в благотворительных магазинах пылились кучи старых хитов. Я, как очумелый, тратил все свободные деньги на пополнение коллекции пластинок, включая в нее все от «Аббы» до Заппы.

Я недолго встречался с невыносимо претенциозной девушкой. Она была одержима The Cure и Gene Love Jezebel и одевалась в черное, подражая Мортисии Аддамс. Я объяснял ей что «музыка — развлечение, а не образ жизни», но на самом деле я воспринимал музыку гораздо серьезнее, и развела нас в конце концов именно моя неспособность изменить ее музыкальные пристрастия.

В свободное время я писал письма в «Лос-Анджелес таймс» и «Роллинг Стоунз», даже в «Пульс!» и «БАМ», две бесплатные музыкальные газеты, которые я раскопал в магазине грамзаписи «Тауэр рекордз». Я жаловался на качество музыкальных обзоров и ругал критиков за плохой вкус и стадное чувство, высказывал пожелания, какие музыкальные жанры следует освещать и рецензировать. Почти все мои письма достигали цели, даже те, что я писал под вымышленными именами, и, к моему изумлению, мое мнение действительно влияло на содержание публикаций.

Оказалось, что я хотел писать только о музыке. То, что я сделал со своими родителями, оставило во мне отвращение к более серьезным темам.

Ну, еще письмо с фотографией циркового шатра.

Тогда я подошел к краю пропасти, от которой хотел держаться как можно дальше, заигрался во что-то, чего никогда, вероятно, не смог бы понять. Я признавал свой талант, свой дар с помощью писем менять действительность, получать желаемые результаты. Однако это

лишь то, что лежало на поверхности.

Я хотел писать письма, мне *необходимо* было писать письма, но я принял сознательное решение отныне придерживаться лишь пустяковых тем.

Поэтому я писал только о музыке.

Это были 1980-е, десятилетие Рейгана, и почти все студенты выбрали специальность «управление бизнесом». Я себе профессию не выбрал, потому что понятия не имел, чем хочу заниматься в жизни. Я склонялся к английскому языку, потому что писательство, похоже, было единственным моим талантом, но, в общем, был открыт и другим сферам. Мне очень нравились история искусства и культурная антропология, все, кроме математики и точных наук.

На первом курсе, на лекциях по современной литературе, я узнал, что в 1960-х английский драматург Джо Ортон придумал двух персонажей, увлеченных письмами: читателя, обожавшего его произведения, и читателя, ненавидевшего их. Ортон вел в прессе вымышленный диалог с самим собой, то ругая, то восхваляя себя, тем самым разжигая полемику. В результате его имя не сходило с газетных страниц.

Человек в моем вкусе.

Человек, пишущий письма.

По какой-то причине меня это ободрило и придало сил.

Иногда, сам не зная зачем, я проезжал мимо своего старого дома. Может, одолевала ностальгия. Или подсознательное желание переписать свое недавнее прошлое. Мать теперь жила одна, и если бы мою жизнь экранизировали, то, вероятно, мне приписали бы угрызения совести, или тоску, или еще черт знает что, но, по правде говоря, я ничего не чувствовал. Я хорошо знал свою мать. Она была твердой как скала и совершенно не сентиментальной. И пусть отец умер, а мы с Томом удрали из дома, я точно знал, что с ней все в порядке, что она живет своей жизнью, как будто ничего не случилось.

Однажды, остановившись на красный свет, я случайно увидел на автозаправке «Мобил» растолстевшего Тома. Он меня не заметил, а я смотрел, как брат выходит из офиса и приближается к своему автомобилю, еще более дряхлому, чем мой. Потертые джинсы и футболка, непривычно короткая стрижка. Один беглый взгляд мало что может рассказать о человеке, но я понадеялся, что Том беден, одинок и несчастлив.

Поделом придурку.

Я много времени проводил в университетской библиотеке: выискивал и жадно читал все пьесы Джо Ортона, какие только мог найти. Я узнал, что было время, когда Уолт Уитмен фальсифицировал обзоры своих произведений и рассылал их в крупные газеты и периодические журналы.

Я и Уитмена читал.

И я опять принялся за настоящие письма.

Все из-за курса политологии. Профессор Эмерик был похож на карикатурного марксиста с безумным взглядом из плохого кинофильма, на типа, внушающего страх всем, кто никогда не учился в колледже. Необыкновенно серьезный и глубоко интеллигентный, высокий и костлявый, с огромной седой бородой, осмеиваемый втихаря большинством собственных студентов, он великолепно читал лекции, и я ими просто наслаждался. В качестве составляющей промежуточного зачета он дал нам задание написать письмо какому-нибудь чиновнику, занимающему выборную должность, или руководителю крупной корпорации и устроить ему взбучку за деяние, совершенно нас не устраивающее. Я не мог

устоять перед искушением. Слишком уж оно было велико. Кроме того, убеждал я себя, не выполнив это задание, я не получу оценку по предмету. Я должен это сделать.

Итак, в тот вечер я уселся перед своей электрической пишущей машинкой «Ай-би-эм селектрик» (на том этапе позволить себе новый текстовый процессор или персональный компьютер я не мог) и быстренько раскритиковал недавнее решение губернатора об увеличении платы за учебу в Калифорнийском университете. Я выразил свое мнение, но, что более важно, и мнение доктора Эмерика. Слова ложились на бумагу гладко, письмо как будто возникало само собой. Вынимая из машинки лист бумаги и подписывая свое имя, я испытывал необыкновенный прилив энергии; с самого начала семестра я не чувствовал себя столь живым. Я хотел написать еще что-нибудь. Мой товарищ по комнате ушел на весь вечер. Он часто где-нибудь веселился и возвращался около полуночи. Я успел накатать чуть ли не дюжину писем, адресованных различным выборным чиновникам, газетам и журналам. Я и одним письмом обеспечил себе оценку по политологии, но не в этом дело. Самое важное — я снова писал письма. Плотину прорвало, и поток слов хлынул неудержимо. Покончив с животрепещущими вопросами, я не избавился от жгучего желания писать, и еще долго после того, как сосед вырубился на своей кровати под тихое жужжание моей машинки, я строчил письма с жалобами во все рестораны и магазины, которые постоянно посещал с начала семестра. Я опять манипулировал бизнесменами, страшившимися общественного мнения.

В течение месяца ответы шли непрерывным потоком.

Я вернулся в привычную колею, на проторенную дорожку. Семена, брошенные на страницы писем редактору, пробивались без моего участия, а если я вмешивался, разрастались в полномасштабную полемику. Я давно перерос «Макдоналдс» и «Бургер Кинг»; теперь бесплатные талоны мне присылали Международный дом блинов, «Дон Хосе» и «Блэк Ангус». По мере притока халявы мы с Доном, моим соседом по комнате, становились все дружнее, а вскоре у меня уже был целый круг новых друзей, с которыми я посещал концерты и клубы, бары и стриптиз, и все благодаря моим письменным жалобам.

Несколько тщательно подобранных хвалебных слов обо мне в студенческий магазин, где я работал; несколько негативных замечаний о моих коллегах, и я продвинулся по служебной лестнице от складского служащего до дежурного администратора.

Я, как наркоман, не мог остановиться. Несмотря на то, что я сделал с отцом, несмотря на то, что предыдущие мои действия привлекли внимание... *чего-то*... я упорно продолжал писать письма. Так я был создан, в этом было мое предназначение, и если раньше мне *нравилась* студенческая жизнь, то теперь я ее *обожаю*. Я обрел популярность, мои оценки стали выше, а душа была умиротворена интеллектуальным и эмоциональным наслаждением от сочинения писем.

Все было правильно в этом мире.

Однако я пристально следил за своим почтовым ящиком.

Просто так. На всякий случай.

Музыка вызывает в моей душе определенный отклик. Когда я слушаю музыку, она уносит меня в прошлое. Не в то время, когда она была написана, а в то, когда она вошла в

мою жизнь. Мелодия «Шесть жен Генриха VIII» Рика Уэйкмана вызывает во мне мысли не с 1972 года, когда она увидела свет, а с 1984-м, когда я нашел этот альбом на домашней распродаже в Гарден-Гроув.

В том году я вышел на государственный уровень.

В письме в «Ньюсуик» я сделал выговор президенту за то, что считал несовместимым с его внешней политикой. Таковым было мое личное мнение, но еще я знал, что оно произведет впечатление на доктора Эмерика, чей следующий курс я тогда посещал. Мое письмо напечатали на самом видном месте с заголовком, и, хотя два письма пониже были на ту же тему, именно мое вызвало на следующей неделе ядовитые отклики, включая один из Госдепартамента, официально проясняющее мои, по его мнению, ошибки и неверные оценки.

Не на того напали. Я отстрелялся двумя письмами: одним под своим именем и другим под псевдонимом, выставив всех несогласных со мной читателей идиотами, а чиновника госдепартамента — фашиствующим ничтожеством.

Два дня спустя в моей корреспонденции оказалось срочно доставленное письмо.

От президента США.

Не формальный ответ на официальном бланке, а личное, написанное от руки послание на листе из блокнота с подписью самого Рональда Рейгана:

Уважаемый Джейсон!

Я прочитал в «Ньюсуик» Ваше письмо с критикой моей внешней политики. Конечно, я совершенно не согласен с Вашей точкой зрения, однако Ваши аргументы и тон Вашего письма, такой естественный и изящный, произвели на меня сильное впечатление. Вы прекрасный корреспондент, и я восхищаюсь Вашим эпистолярным талантом. Письмо под псевдонимом в защиту Вашего первого письма столь же вдохновенно и остроумно. Я здорово над ним посмеялся...

У меня сердце упало. Я был смущен и потрясен до глубины души, словно меня застали за мастурбацией.

Он распознал мое фальшивое письмо?

Не знаю, как ему это удалось, но распознал. Рейган каким-то образом почувствовал подлог и уличил меня. По всем признакам, парень был не из самых смысленых и все же ухватил то, что не заметил ни один из церберов «Ньюсуик».

Да и его собственное письмо было вполне приличным. Я стал читать дальше:

...Приглашаю Вас в Белый дом. Думаю, нам есть о чем поговорить. Я, конечно, не могу Вам предложить полетать на президентском самолете (ха-ха), но, если Вы приедете в Вашингтон, с удовольствием предоставлю Вам на пару ночей спальню Линкольна. Предполагаю, мы с Вами поладим.

И подпись: *Ронни*.

Я перечитал письмо. А потом еще раз. И еще. Я не знал, что и думать, не знал, что делать дальше. Я обдумал предложение президента, взвесил все за и против, обсудил с Доном и доктором Эмериком и несколькими новыми друзьями. Письмо президента потрясло всех. Надвигались весенние каникулы, а у меня были купоны на бесплатные

номера в разных сетевых отелях. Только я не был уверен в том, что хочу ехать. Проблема (хотя я никому не собирался в этом признаться) заключалась в том, что я не умел говорить так же хорошо, как писать письма. В письмах я мог дискутировать с лучшими, но в личной беседе с чиновниками из Вашингтона боялся показаться умничающим дураком, каким и был на самом деле.

Доктор Эмерик все же убедил меня ехать. Мы разговаривали в его кабинете на верхнем этаже здания гуманитарных наук. Он подошел ко мне, оперся обеими руками о подлокотники моего кресла и сквозь спутанные волосы, покрывавшие его лицо, посмотрел мне прямо в глаза.

— Это твой шанс сказать правду власти. Не упускай его. Ты *можешь* что-то изменить.

Не отводя глаз, я кивнул:

— Хорошо.

Однако я не поехал.

Дон пытался увязаться со мной, но я предпочел путешествовать в одиночку. Я сложил вещи в «додж дарт» и отправился на восток, не планируя маршрута, намереваясь просто вести машину, пока не устану и не захочу остановиться.

Мне показалось странным, что президент воспринял мои слова так серьезно. Черт побери, его ежедневно атаковали в прессе по всей стране. Его популярность резко падала, и множество людей, как и я, считало его политику губительной. Почему он выделил меня?

Думаю, я уже знал ответ на этот вопрос. По той же причине, по какой в ответ на свои жалобы я получал бесплатные купоны и билеты, тогда как других просто официально благодарили за высказанное мнение; по той же причине, по какой мои письма печатали в газетах, а другие — нет; по той же причине...

был убит мой отец

и я победил в борьбе с муниципалитетом. Потому что у меня был талант сочинять письма. Я доехал до самого Лас-Вегаса, а потом решил повернуть обратно.

В университет я вернуться не мог. Пока еще не мог. Дон и доктор Эмерик и все остальные ждали, что я смело и, возможно, по-донкихотски изложу свое мнение — наше мнение — президенту, поэтому, чтобы поддержать иллюзию, я должен был отсутствовать по меньшей мере неделю. Вернувшись в Калифорнию, я направился на север. Как и вначале, никакого плана у меня не было. В сумерках я добрался до Санта-Барбары и решил переночевать там.

Наутро, когда я выписывался из гостиницы, портье сказал, что для меня есть письмо. Это было невозможно. Я выбрал эту гостиницу наобум. Никто не знал, что я здесь. Однако клерк сунул руку под стойку и, можете не сомневаться, достал конверт с моим именем и номером комнаты.

— Кто вам это оставил? — спросил я, вертя в руках конверт. Ни марки, ни почтового штемпеля я не увидел, письмо явно принес курьер.

— Когда я утром пришел на работу, оно уже лежало. Могу спросить Дейна. Он работал в ночную смену.

— Спросите, пожалуйста.

Портье — Отис, судя по именной карточке — подвинул к себе телефон и набрал номер. Примерно после двадцатого гудка на другом конце подняли трубку, и Отис спросил Дейна, кто доставил конверт. Дейн доложил, что никогда прежде того человека не видел и ни его

внешности, ни манеры разговора не запомнил. Я поблагодарил портье, заплатил за номер корпоративной карточкой, позволявшей мне еще три раза переночевать в любом из отелей «Рамада Инн», и, только подойдя к своей машине, открыл конверт.

И прочитал письмо. Оно начиналось обычным *Уважаемый Джейсон*, но далее следовало описание эксцентричного секса с красоткой. В настоящем времени. (*Она готова, она широко раскидывает ноги, притягивает к себе Вашу голову, Вы целуете ее туда...*) Что это, черт побери? Я ни секунды не сомневался: письмо связано с предыдущими, с теми, где описывались мои сны. Однако на этот раз отправитель промахнулся. Ничего даже отдаленно похожего мне не снилось, и никаких воспоминаний это письмо во мне не пробудило.

Может, это нечто другое; может, это не подтверждение прошлого сновидения, а предсказание будущего. Конечно, после прочтения этого письма такое вполне может присниться. Так что ничего это не доказывает.

Может, это предсказание реального будущего.

Да нет. Чепуха. Непонятно только, как автор письма нашел меня... Я разорвал конверт и письмо, выбросил клочки в окно автомобиля и отправился дальше.

Вот только...

Это случилось.

Именно так, как было написано.

Женщину я встретил в Сан-Франциско. Она работала официанткой в кафе отеля, и что-то в ней напомнило мне Сандру Фортуну. Мысли о Сандре навели меня на мысли о сексе, и, глядя на официантку, я представлял, как занимаюсь сексом с ней. Уже некоторое время я ни с кем не встречался, и, должен признать, воздержание стало мне надоедать. Почему-то показалось, что здесь мне обломится. Обручального кольца официантка не носила и порхала вокруг меня больше, чем вокруг других клиентов, поэтому я не спешил с ужином, ел медленно, цедил охлажденный чай. Потом заказал на десерт кусок пирога, хотя наелся да и пироги не очень любил. В конце концов я оплатил счет и, набравшись храбрости, спросил, когда она заканчивает работу.

— В девять, — улыбнулась официантка, а я взял у нее шариковую ручку и на полях чека написал номер своей комнаты.

В 9.08 в мою дверь постучали.

Да, она вся пылала, и да, она притянула мою голову, чтобы я поцеловал ее. Я неуверенно поцеловал. А потом она сосала мой пенис так отчаянно, будто от этого зависела ее жизнь. Это тоже было предсказано в письме, но в тот момент мне было все равно, и, только кончив, я начал размышлять о загадочной синхронности событий, о том, что темные силы, похоже, покинули бумажные листы и вошли в мою жизнь.

Действительно, на следующий же день я увидел, как грузовик сбил бродягу. Движение было довольно интенсивным. Водитель остановился. Вокруг собралось много народу. Когда я проезжал мимо, бродяга повернул голову и взглянул на меня. У него изо рта текла кровь, но он улыбнулся. Такой дьявольской улыбки я никогда прежде не видел. Она преследовала меня весь день, и когда я миновал поле с коровьими скелетами, и когда рядом со мной с неба упал голубь прямо на столик перед «Макдоналдсом».

Ведьма.

Я не мог не связать все это с письмами и расслабился, только остановившись в «Трэвеллодж» поздно вечером. Я предупредил портье, чтобы он немедленно выбрасывал любые адресованные мне записки и письма и ничего мне о них не сообщал.

Как же я радовался возвращению домой! Всех знакомых я пичкал тщательно разработанной ложью о поездке в Вашингтон: о том, как на черном лимузине с шофером меня отвезли из отеля прямо к Белому дому, провели в Овальный кабинет.

Нэнси мне не понравилась, рассказывал я. От ее искусственной улыбки у меня мурашки бегали по коже. А президент встретил меня с искренним радушием, и мы сразу же нашли общий язык. И хотя он на добрых полвека старше меня, мы разговаривали непринужденно, и я не чувствовал неловкости, иногда одолевавшей меня при общении со старшими. Мы всегда считали Рейгана хорошим, но глуповатым парнем. Он был бы милым соседом, которому вы, уезжая в отпуск, доверили бы поливать цветы и кормить собаку, но не совсем тем человеком, которого вы хотели бы видеть во главе государства. Мои впечатления не противоречили давно сложившемуся мнению. Рейган выслушал мои аргументы, не потрудился их прокомментировать и вроде бы не отреагировал. Просто гостеприимно предложил мне осмотреть Белый дом.

— Совершенно в его духе, — пробормотал доктор Эмерик.

В мою историю поверили, ни на миг не усомнившись, и какое-то время я был местной университетской знаменитостью.

Как ни странно, но мы с Рейганом действительно завели переписку.

Все началось с моего письма, в котором я извинялся за то, что не смог его навестить. Рейган отшутился, мол, теперь он не сможет изменить мои политические взгляды силой своего обаяния и голливудской улыбки. Я ответил, что теперь не смогу изменить его политику, и добавил, что самое первое письмо было курсовым заданием, а последующие — вроде как забавы ради. Я написал ему, что задаюсь вопросом, почему он пригласил меня в Белый дом, и косвенно извинился, мол, если мои письма расстроили его так сильно, что он счел себя обязанным пригласить меня в Вашингтон, то, может, он воспринимает мои слова слишком серьезно.

Я не расстроен, написал в ответ Рейган.

Однако мы все письма воспринимаем серьезно. Каждое письмо, которое пишет один человек, представляет пять тысяч людей, которые не пишут, или десять тысяч. Точные цифры я подзабыл и ленюсь освежить свою память, но я уверен: если один человек нашел время пожаловаться на мои слова или дела, есть еще множество людей, которые испытывают те же чувства, но просто не пытаются их выразить.

Я подумал о Джо Ортоне, который писал письма о самом себе. Должно быть, многие из нас пишут фальшивые письма. Интересно, на сколько мировых событий, представленных нам через политиков и средства массовой информации, повлияли писатели писем. Может, мы говорили за других, может, нет (думаю все же, что нет), но, как бы то ни было, мы держали в своих руках непропорционально большую часть власти.

Вдруг я осознал, что начал думать о себе как о Писателе Писем — именно так, с прописных букв. Множество людей, вероятно, написали множество писем, но многие сделали это, чтобы повеселиться, или по работе, или ради общения. А сколько из них писали потому, что чувствовали необходимость? Потому что не могли удержаться? Я точно! А сколько еще на свете таких, как я? Мужчин и женщин, обуреваемых этой манией, этим

непреодолимым влечением, этой необходимостью?

Я как-то спросил Рейгана, поддерживает ли он регулярную переписку с кем-нибудь еще, но он не ответил, и, хотя время от времени я возвращался к этому вопросу, ответа на него так и не получил. Чувствовал ли он на подсознательном уровне, догадывался ли, что мои письма отличаются от других? Понимал ли, что им манипулируют, что его вовлекли в переписку со мной, что вовсе не моя личность, и не мои мысли, и не какие-то мои личные качества заставляют его отвечать мне, а что сами письма окутывают его колдовством?

Со временем я перестал писать президенту, потому что стал чувствовать себя мошенником. Я расходился с Рейганом почти по всем политическим вопросам, и, хотя иногда мы затрагивали политику, старались по возможности ее не касаться и обсуждали разные пустяки. Ни один из нас ничего полезного из этой переписки не извлекал, поэтому я счел неправильным попусту растрачивать его время и потихоньку свел общение на нет.

Правда, я скучал по Рейгану.

По-настоящему скучал.

Писатель Писем.

Что это такое? Что, черт побери, это значит? До самого конца второго курса я пытался понять, кто же я такой, и учился ровно столько, чтобы не выгнали из колледжа.

Я даже прекратил писать письма, хотя это было самым трудным из всего, что я когда-либо делал.

Летом я работал в двух местах, и такая занятость меня спасала. Слишком уж я углубился в самоанализ. Любыми способами я должен был прекратить непрерывно думать о себе и своих проблемах, освободиться и жить так, как все остальные.

Однако я слишком много вложил в свои письма, чтобы вот так запросто от них отказаться. Письма освободили меня от родительского дома, победили моих врагов, обеспечили меня деньгами и пропитанием. В общем, еще не начался осенний семестр, а я уже сидел за пишущей машинкой всецело во власти своего наваждения. Я даже почувствовал себя Сирано, помогая Дону переписываться с далекой подружкой и держать ее в счастливом неведении: она ни в коем случае не должна была заподозрить, что Дон путается с проститутками из местных баров. Однако я получил еще одно из тех таинственных писем. На конверте, как и раньше, не было ни марок, ни штемпелей. Это случилось наутро после кошмара, в котором моя мать нанимала Тома выследить и убить меня. Я, не вскрывая, порвал конверт и спустил его в унитаз, но поклялся сочинять поменьше, чтобы не привлечь внимание того, кто...

того, что...

чего бы то ни было...

следившего за мной.

Два письма в неделю, решил я. Не больше. *Умеренность во всем.* Хорошее правило, и должно сработать. Моя жизнь вошла в размеренную колею. Я потворствовал своему желанию, утолял свою жажду письмотворчества, но не позволял увлечению завладеть остальной частью своей жизни.

Последние два года учебы в колледже были счастливыми и небогатыми на события. Такими, как мне нравилось. Такими, как я хотел.

С Викки Рид я познакомился в первый день последнего учебного года. Я заработал степень бакалавра по английскому языку и литературе, но собирался получить еще степень магистра политологии, поскольку хотел преподавать в средней школе. Чтобы удовлетворять предъявляемым к учителям требованиям, я должен был, кроме нескольких текущих курсов политологии, сдать экзамены за пару курсов предыдущего года. Викки, как и я, подала заявление на курс лингвистики, и всю вводную лекцию мы с ней простояли в коридоре, а ушлый преподаватель — в группе которого явно было полно свободных мест — притворился,

что не замечает нас.

Пока профессор уточнял список и выполнял все необходимые для первого дня обязанности, мы с Викки разговаривали. Из помещения напротив, кабинета одного из профессоров гуманитарных наук, доносилась музыка. Я приоткрыл дверь и увидел коренастого мужчину с густыми, как у моржа, усами и завязанными в хвостик седеющими волосами.

— «Террапин Стейшн». «Грейтфул Дед», — сказал я, опознавая музыку.

Викки застонала:

— О нет. Надеюсь, ты не один из тех.

— Из кого?

— Из тех фанатиков, что знают название каждой песни из каждого альбома каждой рок-группы.

— Именно из тех, — гордо заявил я. — Или, по меньшей мере, это моя цель.

— Почему?

Вопрос поставил меня в тупик, и, прежде чем я нашелся с ответом, она сказала:

— Я думаю, что у музыки не должно быть названия. Ее нужно просто слушать.

— Но... но тогда как ты узнаешь, что покупать? Если ты услышала песню по радио и она тебе понравилась, ты должна объяснить продавцу, что тебе нужно.

— Наверное, ты прав, — согласилась она. — Правда, у меня почти сотня классических альбомов, подаренных папой. Я люблю их все. Я не знаю ни одного названия, но люблю.

— Ты должна знать, — недоверчиво сказал я.

— Зачем? Когда хочется, я ставлю какую-нибудь пластинку и слушаю. И я не люблю ее меньше из-за того, что не знаю, как она называется. И потом, мне всегда казалось, что люди заучивают названия, только чтобы произвести впечатление на других. Кому нужно название музыкального произведения?

— Очень даже нужно. Если ты хочешь услышать определенное произведение, ты должна уметь его выбрать. Музыка вся разная. Иногда тебе хочется послушать что-то быстрое или медленное, или, может, какая-то песня подходит твоему настроению. Нельзя же хватать пластинки наобум и заводить все подряд.

— Я так всегда поступаю.

Несносная девчонка.

Несносная, но забавная.

И очень хорошенькая.

Я пригласил ее на свидание.

В конце концов нас обоих пустили в аудиторию, а после лекции официально внесли в список. Мы отпраздновали победу в студенческом центре чашечкой кофе. Что-то вроде прелюдии к свиданию. Мы непринужденно болтали без всяких неловких пауз и расстались, предвкушая продолжение. В тот вечер мы собирались сходить в кинотеатр студенческого центра — посмотреть старый фильм «Серпико». После сеанса должен был выступить сам Франк Серпико. Однако наш ужин затянулся, и мы еще полчаса проболтали на стоянке и сели в машину, когда уже прошла половина фильма. Вместо кинотеатра мы поехали в ближайший парк, гуляли по дорожкам, а потом устроились на скамейке под фонарным столбом. Мимо брели в обнимку влюбленные, мелькали бегуны, луна поднималась из-за соседних жилых комплексов.

Была ли это любовь с первого взгляда? Не совсем. Но чертовски близко. За четыре года

в колледже я встречался со множеством девушек и занимался сексом с приличным количеством тех, чьи имена не знал или успевал забыть к концу вечера, но никогда и ни с кем я не чувствовал такой близости. Пусть это звучит банально, но мне действительно казалось, что мы знаем друг друга всю жизнь — так комфортно нам было друг с другом. Почему-то это меня немного печалило, навевало мысли о Роберте, Эдсоне и Фрэнке, друзьях моего детства, которых я просто отпустил из своей жизни. С тех пор я ни с кем так не сблизился и рядом с Викки понимал, сколько я потерял, как сильно хотел душевной близости с кем-нибудь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

После первого же вечера я не сомневался: именно она должна стать самым близким мне человеком.

На третьем свидании Викки сказала, что любит меня. Я тоже сказал, что люблю ее.

Семестр пролетел быстро. Я постоянно думал о Викки. Мы встречались так часто, как только могли, но, как ни странно, наши оценки от этого не страдали. Мы прекрасно подходили друг другу — мы вместе занимались, а мы действительно *занимались* — и в лингвистической группе легко продвигались к высшим баллам.

Понравятся ли ей любовные письма? — иногда размышлял я. Конечно. Всем девчонкам они очень нравятся. Я отчаянно хотел написать ей, зная, что на бумаге смогу выразить свои чувства гораздо лучше, чем устно. Но невозможно было написать ей так, чтобы это не показалось искусственным и нелепым. Если бы один из нас уехал в путешествие, если бы мы расстались хотя бы на одни выходные, мое письмо было бы оправдано. Но мы никуда не уезжали, все свободное время проводили вместе, и никаких разумных причин для письма у меня не было.

Ради интереса я предложил записаться на расширенный курс: «Музыкальная теория для неспециалистов», более глубокую версию курса музыкальной критики, необходимого для претендентов на степень магистра в этой области. Именно там я узнал о Филиппе Гласе и Джоне Адамсе, Стиве Райхе и Мередите Монке. Однако настоящим открытием был Дэниел Ленц. Музыка Ленца, композитора с Западного побережья, преподававшего в Университете Южной Калифорнии и колледже университета в Санта-Барбаре, настолько зацепила меня, вызвала такие глубокие мысли и чувства, что оставалось только изумляться. Я не знаю, почему так получилось, но, слушая одно из его произведений, я испытал давно забытое волнение. Песня называлась «Трещина в колоколе», а текст взят из стихотворения Э.Э. Каммингса «Next to of course god». В песне присутствовали все признаки минимализма — повторы синтезатора, чистый оперный женский голос, — сочетавшиеся таким образом, что, даже сидя за неудобным столом в битком набитой классной комнате, я волновался так, как будто открыл нечто новое и совершенно оригинальное и, может быть, впервые в жизни понял, что значит влюбиться в искусство. Я хотел, чтобы все на свете услышали эту музыку и испытали те же чувства, что и я.

Викки потянулась к моей руке. Она тоже поняла! Я сжал ее пальцы, встретил ее взгляд и улыбнулся. После занятий я спросил преподавателя, не может ли он одолжить мне альбом Ленца. Он отказал, но пообещал переписать на магнитофонную кассету и не забыл: принес на следующее занятие.

И я, и Викки стали фанатами Ленца. Это сцементировало наши отношения. Мы поняли что созданы друг для друга.

Точно как, купив машину, вы начинаете обращать внимание на такие же, теперь, узнав,

кто такой Дэниел Ленц, я начал находить его альбомы во время набегов на магазины старых пластинок. В лавке в Анахайме я нашел компакт-диск с «Трещиной в колоколе», а на музыкальном развале в Коста-Меса — «*Missa Umbarum*» и «*On the Leopard Altar*». Хотя Викки отказывалась заучивать названия композиций Ленца, я торжествовал, когда она запомнила названия его альбомов. Я считал, что она приблизилась к моему образу мышления.

Мы пытались проигрывать пластинки Ленца друзьям, но большинство из наших знакомых даже с самыми авантюрными музыкальными вкусами его музыку не поняли. Мы же восхищались ею, и исключительность нашей страсти сблизила нас еще больше.

Между семестрами Викки поехала домой в Финикс. Две рождественские недели она провела со своими родителями, а я, как обычно, остался в кампусе, сделав вид, что каникулы не имеют для меня никакого значения. Мать и Том обитали где-то в округе Ориндж, вероятно, до сих пор в Акации, но я не предпринимал никаких попыток связаться с ними, как и они не пытались связаться со мной. Вряд ли они хотя бы словом перемолвились после того, как Том покинул дом. Почти все мои друзья и знакомые разъехались по домам, а общество тех, кто остался, я не мог выносить подолгу.

Представился наконец шанс написать Викки, и я им воспользовался. В кинофильме «Роксанна» Стив Мартин признается Дэрил Ханне, что, пока она путешествовала, он писал ей по письму каждый час. Фантастика. Эта реплика должна была просто рассмешить публику, но мне сама идея показалась божественной, и именно ее я бы хотел воплотить с Викки.

Я выбрал умеренность. Посылал Викки по письму каждое утро и каждый вечер. И не вкладывал в них все свои способности: мои письма были милыми, душевными, искренними, но без колдовства, с помощью которого я манипулировал другими людьми. Завоевать Викки я хотел честно, без обмана, не хотел пятнать наши отношения. Ибо я чувствовал какое-то пятно. Мое увлечение письмами не было безвредным времяпрепровождением, не было счастливым даром. Нельзя назвать его и проклятием, хотя последнее было ближе всего к истине. Короче говоря, я не хотел, чтобы тайна моего письмотворчества отравляла нашу совместную жизнь.

Когда Викки вернулась в Бри, мы решили жить вместе. Мы и до ее отъезда поговаривали об этом, но недолгая разлука и, в немалой степени, мои письма помогли нам понять, как сильно мы нуждаемся друг в друге. В студенческом общежитии мы остаться не смогли бы, а живя вне кампуса, я потерял бы скидку, предоставляемую мне по учебно-трудовому договору. Однако нам повезло: подруга Викки, настоящий риелтор, нашла нам очень дешевую квартирку совсем рядом с кампусом.

Все было прекрасно в этом мире.

Почти.

За неделю до начала весеннего семестра Викки получила по почте извещение о скором лишении стипендии, поскольку, несмотря на высокую среднюю оценку, один из посещаемых ею в предыдущем семестре курсов не соответствовал критериям стипендиального комитета. На мой взгляд, стипендия, предоставляемая аэрокосмической компанией, где работал отец Викки, была смехотворно мала, но без нее Викки не смогла бы закончить колледж. Интернаттура открывала Викки прямую дорогу к отличной работе, но потеря стипендии вынудила бы ее пропустить по меньшей мере этот семестр, и она потеряла бы и интернатуру, и перспективную работу.

Викки отчаянно рыдала, уткнувшись в мое плечо: она понятия не имела о том, что не все курсы годятся для получения стипендии, и не представляла, что теперь делать. Она просто решила, что раз стипендию дают хорошо успевающим студентам, то, что бы она ни изучала, будет получать деньги все время обучения. Да, в конце каждого семестра она предоставляла комитету информацию о своей учебе, но считала это пустой формальностью.

— Что же теперь будет? — прерывающимся голосом спросила Викки. — Все пропало.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

— Как? Как все может быть хорошо? — спросила она сквозь слезы.

— Я позабочусь. Предоставь это мне.

В глазах Викки появилась надежда.

— Правда? Ты думаешь, что можешь что-то сделать?

— У меня есть идея.

Эдуард Лебовиц, доктор философии

Господа!

Я узнал, что вы собираетесь лишить стипендии Викки Рид, одну из самых многообещающих студенток колледжа за последние шесть лет. Не потрудившись ознакомиться с моим курсом или хотя бы поговорить со мной о его академической ценности и практическом применении в будущей профессии мисс Рид, вы сочли возможным решить, что мисс Рид не заслуживает стипендии, поскольку мой курс не соответствует вашим критериям. Могу я поинтересоваться, что это за критерии и кто определяет, соответствует ли им мой курс?

Викки Рид не сможет продолжать обучение в университете без вашей стипендии, обещанной ей и заслуженной ею. Университет не собирается без борьбы терять столь достойную студентку, и смею вас заверить, что, если вы все же решите лишить эту выдающуюся студентку финансовой поддержки, борьба вам предстоит дорогостоящая, длительная и широко освещенная в прессе. Лично я глубоко оскорблен вашим пренебрежением к моему курсу и моей работе. Я много лет преподаю в этом университете и никогда не сталкивался со столь вопиющим неуважением к моим личностным и профессиональным качествам. Настоятельно советую пересмотреть ваше решение, прежде чем я введу в бой ректора университета, комиссию по рассмотрению заявлений и бесчисленных юристов.

С уважением,

Эдуард Лебовиц

Я ничего не рассказывал Викки об эпистолярной стороне своей жизни. Викки же была со мной абсолютно честна, по собственной воле рассказывала о всех своих прошлых ошибках и мелких хитростях, она хотела, чтобы я знал о ней все-все: хорошее, плохое и безобразное. А я скрывал от нее самое важное о себе, притворялся нормальным парнем, который собирается стать учителем.

Викки сама была заядлой писательницей писем (хотя и не Писательницей Писем):

активисткой политического движения за ядерное разоружение или того, что так называли в провинциальном округе Ориндж. Она всегда подписывала петиции и сочиняла письма конгрессменам. Я мог бы помочь ей. Я мог бы оказать ей квалифицированную помощь, какой она не получила бы ни от кого другого, но я ей не помогал. Я отвоевал ее стипендию и для нее лично, если бы у нее возникли неприятности, готов был сделать что угодно, однако сочинение писем напоминало мне игру с динамитом — он эффективен при расчистке завалов или прокладке тоннелей в горах, но может взорваться неожиданно, погубив множество людей. Я чувствовал, что могу пользоваться своим даром только в случае крайней необходимости.

Правда, иногда я доставал нам бесплатные билеты в театры Лос-Анджелеса и приглашения в хорошие рестораны на побережье.

Старые привычки слишком живучи.

Я отчаянно хотел жить вместе с Викки, и в то же время меня одолевало беспокойство. Встречаться — одно дело; находиться рядом все двадцать четыре часа в сутки — нечто другое. Хорошо, не двадцать четыре часа, но чертовски к этому близко. Мы учились в одном и том же университете; один курс у нас был общим, а остальные занятия и рабочие часы мы скоординировали так, чтобы как можно больше времени проводить вместе. Невозможно было представить, что мы станем раздражать друг друга.

Мы и не раздражали. Это было чудесно, это было изумительно. Границы моей жизни словно раздвинулись, принимая Викки, и то же самое произошло с ней. Чем больше времени мы проводили вместе, тем счастливее были.

Я начал вести дневник. Это было сродни письмотворчеству. Я использовал традиционное «Дорогой дневник», пытаюсь утолить жгучее желание, потворствуя старой привычке. Мне это нравилось, но явно было недостаточно, и вскоре в свободные минуты я снова сочинял жалобы преподавателям и администраторам, забрасывал письмами университетскую газету. Я пытался сузить круг адресатов, сосредоточиться на местных темах, но это не всегда удавалось.

«Любовь — это все, что тебе нужно», — пели «Битлз», но в моем случае это не соответствовало действительности. Я хотел, чтобы это было правдой. Я очень хотел бы сказать, что, когда Викки рядом, мне ничего больше в жизни не нужно и я не думаю о письмах, но факт оставался фактом: моя девушка и моя корреспонденция удовлетворяли два разных желания, затрагивали две противоположные сферы моей жизни. Я нуждался и в том и в другом.

Как-то в четверг я вернулся домой с работы и застал такую картину: Викки сидела на полу посреди нашей крохотной гостиной в окружении десятков писем и газетных вырезок. Она нашла мой архив, мои письма — оригиналы, ксероксы и публикации — все сопоставила и поняла, что я сделал, чего достиг.

Когда я вошел в комнату, Викки подняла на меня глаза и с упреком сказала:

— Ты никогда мне об этом не рассказывал. Я даже не подозревала о твоей политической активности. — Викки взяла в руки письмо Карлоса Сандовалья. — Ты боролся с городским советом и победил. — Она бросила письмо и поднялась с пола, засыпанного бумагами.

Викки вторглась в мое личное пространство. Гнев вспыхнул, тут же смешавшись с чувством вины и стыда, ведь эту сторону своей жизни я от нее скрывал. В общем, я во всем признался и даже испытал облегчение, а потом ответил на ее вопросы, уточнил порядок

событий, рассказал, как выступал от лица других людей и вымышленных организаций. И все же...

Я рассказал не обо всем. И солгал.

К счастью, я сохранял не все письма, и свидетельств моих подлых деяний не осталось. В основном я хранил только те письма, что становились достоянием общественности, те, что я и предназначал для публикации в газетах. Однако, хотя мой архив производил сильное впечатление, он не шел ни в какое сравнение с недостающими письмами.

Директор Пул.

Ведьма.

Мой отец.

Викки узнала, что я писатель писем, но не узнала, что я Писатель Писем, и меня это устраивало. Слишком дотошное разбирательство не привело бы ни к чему хорошему. Черт побери, я сам не знал, кто я на самом деле и сколько еще в мире таких, как я.

Мы долго сидели бок о бок, окруженные моими бумагами. Небо за окном темнело, комната погружалась в сумрак. Ни Викки, ни я не пошевелились, чтобы зажечь свет, как будто мы оба боялись, что любое движение, любая попытка разрушить чары разобьют наше хрупкое счастье и нам останется лишь собирать осколки. Мы переживали самый уязвимый период наших отношений. С того момента они могли развиваться в любом направлении, поэтому мы сидели и разговаривали. Разговаривали до тех пор, пока Викки снова не уверилась в том, что хорошо меня знает, а я убедился в том, что она ничего существенного не обнаружила.

Потом мы занимались любовью, но сначала Викки убрала мои письма, сложив их обратно в папки. Тогда я и понял, как мне с ней повезло. Не зная всего, она интуитивно поняла, как эти письма важны мне. За это я полюбил ее еще больше.

Теперь, когда Викки знала о моем эпистолярном творчестве, отпала необходимость таиться. Я отбросил сентиментальную сдержанность, перестал делить свою жизнь на две половины и начал писать письма по просьбе Викки.

Я добивался результатов.

В конгрессе демократы снова взяли верх и начали реально решать вопросы, связанные с защитой окружающей среды. Рейган и Горбачев вступили в переговоры по ядерному разоружению.

Сознавал ли Рейган, что делает? Ощущал ли он, вступая в дебаты, мое влияние? Не мои ли письма свели две противоборствующих стороны? Не знаю. Мы давно потеряли связь. Он больше не писал мне, а я обращался к нему тайно, используя различные псевдонимы и группы активистов. Мне казалось, что если бы он знал, то ему это не понравилось бы.

Викки купила мне персональный компьютер.

Разгорелся скандал «Иран-контрас».

Поразительно, сколь многого можно достичь с помощью фирменного печатного бланка. Изложенные на листе бумаги с как бы отпечатанной в типографии шапкой, даже самые бредовые идеи и планы приобретают вполне приличный вид. Как узнать, кто на самом деле является членом бесчисленных организаций, размножающихся как грибы и вступающих в бурную полемику? Я не верил в общественное движение со времен моей войны с городским советом Акации —

и моим отцом

— за Ист-Сайд, но большинство людей видит название активно действующей

организации и представляет себе неформалов, преданных определенному делу, регулярно проводящих собрания, назначающих своих представителей, консультирующихся с адвокатами и ведущих переговоры с выборными чиновниками.

Я же представлял себе парня в комнате с персональным компьютером и принтером.

Такого, как я.

Я набрался опыта и был теперь гораздо искушеннее, чем в дни Карлоса Сандовалья и Союза борцов за гражданские права испаноязычного населения. Простак Сандоваль сделал свое дело и многого добился, как и мой старый дружище Пол Ньюмен, обеспечивший мне поступление в колледж. В колледж, где я встретил Викки.

Только теперь я охотился за более крупной рыбой. Меня больше не интересовали мелкие обманы ради бесплатного ленча или стипендии или даже ради победы над муниципалитетом. Нет, мои интересы стали общенациональными, и под руководством Викки я нанес тяжелый удар администрации Рейгана. Мы подписывали петиции, рассылали письма, организовывали телефонные звонки. А в поддержку всего этого я вводил в бой тяжелую артиллерию. Без ведома Викки я подкреплял наши позиции словами уймы фиктивных массовых организаций и даже экспертов в сфере экологии, ядерной физики и законодательства по охране окружающей среды. Их письма в газеты и журналы публично вторили тому, что мы излагали в нашей личной переписке с политиками, создавали впечатление подспудно зреющей поддержки наших взглядов.

Каждое письмо, которое пишет один человек, представляет пять тысяч людей, которые не пишут, сообщил мне Рейган. Или десять тысяч.

А потом...

Потом у нас взяли интервью.

Понятия не имею, кто и откуда были те люди. Викки и некоторые из ее друзей, более других страдавшие манией преследования, особенно те, кто сожалел о том, что не застал шестидесятые, и опасался репрессий за политически некорректные взгляды, увидели в них агентов министра юстиции Эда Миза, призванных запугать нас и заставить замолчать. Однако я даже тогда подозревал нечто большее. Несмотря на заявленную цель, их мало интересовало как содержание писем, так и сами письма. Мне казалось, что визитеры пытались нащупать источник и определить, понимает ли человек или люди, написавшие те письма, насколько они особенны и результативны.

Их было четверо, одетых в одинаковые черные костюмы, вполне подходящие и федеральным агентам, и служащим крупных корпораций. Явились они в десятом часу вечера в воскресенье, и, думаю, именно время их визита обескуражило нас более всего остального. С каменными лицами застыли они на потертом коврикe в прихожей, и главарь вкрадчиво спросил, нельзя ли поговорить с Джейсоном Хэнфордом и Викки Рид.

Мы впустили их — побоялись не впустить, — и они немедленно растеклись по нашей крохотной гостиной; двое уселись, двое остались стоять, оставив нам лишь немного места на диване.

— Присаживайтесь, — предложил главарь, доставая из плоского портфельчика ручку и пюпитр в виде дощечки с зажимом.

Остальные, продолжая хранить молчание, тоже вооружились ручками и дощечками.

Деваться было некуда. Мы послушно сели.

Гости оказались ловкими и напористыми; вопросы задавали по очереди, не перебивая друг друга, но и не давая нам передохнуть. Не успевали мы ответить на один вопрос, как

сразу следовал другой.

— Сколько писем, по вашей оценке, вы пишете в год? В месяц?

— Вы пишете письма каждый день?

— Вы отсылаете все письма, которые пишете?

— Большую часть вашей корреспонденции составляют личные, деловые или политические письма?

— Требуется ли вам более одного черновика для каждого письма?

— Вы когда-нибудь посылали одно и то же письмо в разные организации или учреждения?

Поток вопросов казался бесконечным, и все они были в одном и том же ключе. Я внимательно взгляделся в визитеров и подумал: они знают. Меня пробрал озноб, но я ничем не выдал своих подозрений. Я просто отвечал на один вопрос за другим и притворялся, что не вижу ничего странного в воскресном допросе.

— Могу я спросить, в чем, собственно, дело? — попыталась вклиниться Викки в поток вопросов.

— Нет, — лаконично ответили ей.

Они допрашивали нас не меньше получаса, так и не дав нам разъяснений, кто они и почему задают все те вопросы. Уже в дверях тот, что заговорил первым и, по моему мнению, был главным, обернулся.

— Никому не говорите о нашем визите, — приказал он. — Или мы вернемся.

Я видел, как они уселись в черный автомобиль без номерных знаков и уехали. Конечно, я был напуган, но и разгневан тоже. Я судорожно соображал: если эти парни из какой-то частной компании, я напишу властям, а если это правительственные агенты — то в соответствующий вышестоящий комитет. Мои письма уничтожат всю эту самодовольную четверку и их начальство. Я буду отомщен.

Только никуда я не мог написать, ведь я не знал, кто эти люди и откуда они.

Пока я закрывал и запирали дверь, Викки совсем расклеилась. Она сидела на диване, обхватив живот, содрогаясь от рыданий и раскачиваясь взад-вперед.

— Мы... — Она вскочила с дивана. — Мы никому не можем рассказать об этом! Нам придется все бросить и...

— Минуточку. Не надо так остро реагировать.

— Они знают, где мы живем!

Мы не спали всю ночь, обсуждая визит и его возможные последствия. Я старался успокоить Викки. В конце концов мы решили, что необходимо покончить с письмами и жить тихо, не высываясь. На следующий же день мы все рассказали друзьям. Они пришли в ярость. Они были оскорблены. Они клялись принять меры, но странные интервьюеры не явились ни к одному из них, и, хотя все нам сочувствовали, вряд ли они понимали, каково нам.

Мы оба были потрясены, но, если моя тревога была временной, Викки так и не оправилась. Она боялась выражать любую точку зрения публично, даже на занятиях, где полемика была обязательной, и в результате ее оценки стали хуже. Она перестала встречаться со своими друзьями и все силы отдавала интернатуре.

У меня появилось время все обдумать и посмотреть на себя со стороны. В моем письмотворчестве опять наступил перерыв. В результате добровольных ограничений или внешних обстоятельств в моих писаниях наблюдались приливы и отливы, цикличность,

возможно, не естественная, но достаточно регулярная и, следовательно, предсказуемая. И опять у меня появилось ощущение невидимых сил, усердно работающих за пределами повседневной реальности.

Постепенно паранойя развеялась. И во многих отношениях наша совместная жизнь стала еще лучше прежней. Визит интервьюеров сблизил нас, и, отойдя от активной политической деятельности, мы сосредоточились друг на друге и на наших отношениях. Не было счастья, несчастье помогло, шутил я. Викки снова стала прекрасно учиться. Как она планировала, как надеялась, ей предложили очень хорошую работу, и в день торжественной церемонии окончания университета в присутствии ее родителей я сделал ей предложение.

Викки согласилась со счастливым смехом. Чувства переполняли ее.

Мы договорились о коротком сроке помолвки, решив пожениться в июле, в Финиксе в кругу ее семьи. На медовый месяц у нас оставалась неделя, а потом Викки должна была выйти на работу. Я заранее разослал резюме и посетил несколько многообещающих собеседований, но не ждал определенных ответов до середины августа. До тех пор я мог не бросать почасовую работу и достаточно свободно распоряжался своим временем.

Викки хотела пригласить на свадьбу мою мать. Я объяснял, что даже в самые лучшие дни, когда я был маленьким, мать не была мне настоящей матерью, что мы никогда не были близки. Викки продолжала настаивать, и я решил пойти в открытую:

— Моя мать — стерва. Я ненавижу ее.

И все же Викки попыталась связаться с ней. Моя мать жила в нашем старом доме, такая же равнодушная, как всегда. Я не удивился, когда разочарованная Викки сообщила, что мамаша не только не приедет на свадьбу, но не пришлет ни подарка, ни поздравительной открытки.

Если честно, я обрадовался.

Мы оба не хотели пышной свадьбы, но пригласили нескольких друзей из колледжа и были тронуты, когда все они ответили, что приедут. С помощью родителей Викки, ее тети и кузины мы нашли место для свадебной церемонии: старую часовню в реставрированном городе-призраке в пустыне, неподалеку от Финикса. Мы оба не были религиозны и нашли священника-унитария, согласившегося провести свадебный обряд.

Мы поклялись друг другу в верности на закате. Последние лучи заходящего солнца струились сквозь прекрасные витражи, окрашивая часовню первых поселенцев во все цвета радуги. Прием состоялся в старом ночном клубе в центре Скотсдейла, переоборудованном специально для свадебных торжеств. Все отлично провели время и уверяли нас, что церемония была прекрасной.

Мы рано удрали с собственного торжества и вернулись в отель, опьяненные шампанским и счастьем. В нашем номере мы раздели друг друга и отправились в ванную комнату, где Викки наполнила ванну. Это был почти ежевечерний наш ритуал, и, когда Викки — моя жена — посмотрела на меня, я увидел на ее лице то ли легкую печаль, то ли намек на разочарование.

— Что? — спросил я.

— Что — что?

— Что-то не так?

— Ничего.

— Я же вижу.

Викки колебалась.

— Выкладывай.

Она перевела взгляд на мой едва восставший пенис.

— Мы все перепробовали. Надо было что-нибудь оставить на брачную ночь, что-нибудь особенное.

Викки была права. Эта ночь должна была как-то отличаться от других.

— Не все перепробовали, — напомнил я.

— Ты имеешь в виду?..

Я кивнул.

— Да.

— Я не уверена.

— Это наша *брачная ночь*.

Она подумала немного и поцеловала меня.

— Ладно. Давай попробуем. И мы попробовали.

Шли годы.

Как, полагаю, большинство людей, я привык к своей жизни. *На самом деле* я никогда не собирался быть учителем. Это был запасной вариант, хотя я ни разу не потрудился задуматься, чем бы действительно хотел заниматься. Поэтому мне не оставалось ничего, кроме как согласиться на должность учителя основ гражданственности в младшей средней школе в Уэст-Ковине. Я ненавидел все: работу, детей, коллег, ежедневные поездки в школу и обратно. Правда, через год, по счастливому стечению обстоятельств, я получил — на общих основаниях с учредителями — акции начинающей компании, создающей по индивидуальным заказам программное обеспечение для секретарей. Я должен был тестировать программы по составлению деловых писем, оценивать их качество с точки зрения пользователя и создавать инструкции, понятные обычному выпускнику средней школы. Письма! Я мог работать дома в удобном для себя ритме, а главное, не был связан ни с детьми, ни с администраторами.

Эта работа должна была показаться мне идеальной, ведь именно в письмах я видел смысл своей жизни. Я должен был считать себя везунчиком, а я находил работу скучной и не любил ее, даже несмотря на относительную свободу. Меня раздражали бесконечные однообразные программы и механический труд.

Но Викки была со мной, и я был счастлив. Мы дешево купили старый дом в Бри, в только начинающем обновляться районе. Мы подружились с соседями, ходили друг к другу на барбекю, развешивали жуткие украшения на Хеллоуин и на Рождество. Когда родился наш сын Эрик, я решил, что жизнь удалась.

Конечно, я снова начал писать письма.

Я не забыл о том устрашающем визите, но чувство опасности притупилось. Кроме того, используя свои способности на благо собственной семьи, я никогда не испытывал угрызений совести. Я обеспечил Викки желанное повышение, а Эрику — самое лучшее в нашем районе образование.

Отис Маккинли
643 Тиздейл
Анахайм, Калифорния 92801
17 октября 1990 г.

Господа!

Как давний клиент, я привык к качественной продукции вашей компании. Ваши служащие квалифицированы и отлично обслуживают клиентов, что столь редко встречается в наши дни.

Однако недавно я испытал настоящее потрясение.

Я не привык расточать незаслуженные похвалы. Если я не удовлетворен, то жалуюсь без колебаний. Качественный сервис я считаю само собой разумеющимся

и не думаю, что следует хвалить людей просто за то, что они компетентно выполняют свои обязанности.

Однако, познакомившись недавно с вашим торговым агентом Викки Хэнфорд, я был потрясен ее деловыми качествами. Она не только прекрасно информирована о вашей новой линии продуктов, но и охотно изменила свое рабочее расписание, чтобы скоординировать его с моим. Викки Хэнфорд также прекрасно разбирается в тонкостях коммерческого финансирования.

Ваша компания должна гордиться столь выдающейся служащей.

С уважением,
Отис Маккинли

Джейсон Хэнфорд
762 Элм-стрит Бри, Калифорния 92821
1 августа 1995 г.

Мистер Рауш!

Позвольте прояснить ситуацию. Мой сын закончил лучшее в городе Бри частное дошкольное учреждение и был принят в престижную Академию музыки имени Эмерсона, однако Вы вынуждаете его посещать начальную школу имени Улисса С. Гранта с самым низким в регионе рейтингом, а не лучшую начальную школу Мейпл-Драйв. И все потому, что мы живем на одну улицу дальше разграничительной линии?

Я призывал Вас проявить гибкость и понимание, но Вы высокомерно мне отказали и даже не желаете подтвердить наличие шести исключений из правил ради одаренных учащихся. Поэтому я делаю вывод, что никакие мои слова и поступки не заставят Вас справедливо отнестись к моему сыну.

Мистер Рауш, Вы абсолютно некомпетентный человек, позорящий нашу общину и свою профессию. На следующих выборах я буду энергично агитировать против Вас и сделаю все возможное, чтобы Ваша недальновидная политика и неспособность должным образом выполнять свои обязанности не оказывали неблагоприятного влияния на юное поколение города Бри. Вы — самый отвратительный школьный инспектор за всю историю района, и я надеюсь, что Вы найдете работу по своим способностям — например, будете жарить картошку в «Бургер Шеф».

С уважением,
Джейсон Хэнфорд

Я снова писал письма и прекрасно себя чувствовал. Никакого стыда, никаких угрызений совести, которые я часто испытывал прежде, уступая своему наваждению. Теперь я гордился собой, своим благородством. Я использовал свой дар, чтобы помогать своим близким, а по моему, нет на свете ничего благороднее и достойнее.

Однако...

Однако меня влекла политика, и втайне от Викки, подписываясь именами героев старых кинофильмов, я снова стал писать в газетные колонки писем редактору и выборным общественным деятелям. Именно в политике я добился первого успеха и жаждал снова

испытать тот кураж, тот вкус победы, то неопытное чувство, которое я испытывал, когда мои слова, положенные на бумагу, носились по коридорам власти и заставляли вершителей наших судеб менять точку зрения.

Клифтон Пауэрс
221 Сайенага
Ла-Хабра, Калифорния 92854
12 октября 1992 г.

Господин редактор!

Позор Вам. Вы скатились до уровня таблоидного журнализма. Как Ваш давний подписчик, я всегда рассчитывал узнавать из «Таймс» самые последние, самые важные, беспристрастно изложенные новости. Однако Ваша сосредоточенность на личной жизни Билла Клинтона и Ваше нежелание или неспособность всесторонне исследовать бесчисленные политические ошибки Джорджа Буша заставили меня изменить мнение о Вашем издании. Если недостатки и ошибки власть имущих, влияющие на жизнь каждого избирателя и налогоплательщика этой страны, занимают в журнале меньше места, чем мнимая любовная связь, значит, смещены приоритеты и искажен угол зрения.

Надеюсь, что в следующий раз Вы оставите освещение личной жизни кандидатов «Пиплу», а сами будете придерживаться политических вопросов, чего, кроме меня, ждет от Вас большинство Ваших читателей.

С уважением,
Клифтон Пауэрс

Эдвин Солдана
439 Бродвей
Санта-Ана, Калифорния 92654
8 ноября 1994 г.

Уважаемый президент Клинтон!

Интересно, каково это — потерять конгресс? Я — старый республиканец и должен сказать, что наслаждаюсь всеми Вашими неудачами — от тактических ошибок до неожиданных неприятных последствий Вашей политики. Как один из Ваших предшественников Картер, Вы будете президентом на один срок и покинете свой пост под насмешливое улюлюканье. И долгие годы вдали от политической жизни Вы будете размышлять о том, что Ваше президентство было похоронным звоном по либерализму.

Вы — лучшее, что случилось с Республиканской партией после Рональда Рейгана.

Благодарю Вас.
С уважением,
Эд Солдана

Как прежде от родителей, теперь я скрывал свое письмотворчество от Викки. Работая

дома, именно я доставал каждый день корреспонденцию, и мне легко было прятать ответы на мои предложения и жалобы. Обычно я пользовался вымышленными именами и адресами, но некоторые жалобы я посылал от своего имени и не хотел, чтобы Викки увидела ответы и узнала, что я снова пишу.

Я хранил все улики в пространстве под нижним ящиком картотечного шкафа в свободной спальне, которую использовал как кабинет.

Письма я посылал обычной почтой, поскольку электронная, похоже, не приносила результатов. Конечно, у меня была электронная почта, я пользовался ею постоянно, в основном по работе и для связи с друзьями и знакомыми из прошлого. Однако в чернильных строчках на бумаге, во вкладывании письма в конверт и отправке его через почтовое отделение я чувствовал магию и могущество, которые ничто не могло заменить. Пару раз я даже пытался воспользоваться программным обеспечением своей компании, но микрочип не мог создать настоящее, правдивое письмо; результат получался невыразительным, шаблонным. Нет, создание письма — искусство, в моем случае порочное, но все же искусство. И поэзия, которую никакие технологические новшества не могли уловить.

Я не преследовал никаких определенных целей. Я не добивался чего-то конкретного. Я спонтанно реагировал на происходящие события, на то, что читал, о чем слышал, о чем мне рассказывали. Я постарался, чтобы Джорджа Буша не переизбрали. Викки это понравилось бы. Я не смог удержаться и разгромил программу здравоохранения Клинтона, провел в конгресс Ньюта Джингрича и его подручных. Ну, не провел, однако использовал свои возможности, чтобы повлиять на общественное мнение. Похоже, меня сжигала страсть манипулировать высокопоставленными фигурами. Я уверен, что любой психиатр объяснил бы эту страсть неразрешенным конфликтом между мной и моими родителями, и я тоже так думал. Только мне было все равно. Когда я погружался в очередное письмо, меня словно уносил мощный поток. Мною руководила интуиция, а не разум, и, если нутро срывало меня с катушек, так тому и быть. Противоречил ли я самому себе? Ну и пусть! Отлично! Если это подходило Уитмену, сойдет и для меня.

Я раздул пожар «Уайтуотера», чтобы Клинтонам жизнь медом не казалась.

Вроде все в моей жизни шло отлично. Наши доходы росли, мы были счастливой семьей, словно сошедшей с рекламы страховой компании. Моя эпистолярная деятельность была чрезвычайно успешной. Однако я не сомневался в том, что в конце концов обе эти дороги пересекутся. Мои письма, запускаемые в мир, вовсе не были безобидными. Скорее похожими на бомбы или гранаты. Или на бумеранг, который, вернувшись, вполне мог разнести мою задницу.

И на это мне было наплевать.

Я собирался получать удовольствие столько, сколько смогу.

Вечерами мы втроем гуляли по округе. Улыбались и махали нашим соседям, отдохавшим на верандах; останавливались поболтать с теми, кого встречали по дороге, кто прогуливался с детьми или собаками. Как-то вечером мы забрели дальше обычного, за пределы нашего благополучного района, на улицу, где на домах давно облупилась краска, дворы, окруженные заборами из металлической сетки, заросли сорняками, бритоголовые подростки в футболках толпились вокруг машин со спущенными колесами, а стены были сплошь покрыты стилизованными надписями, нанесенными с помощью баллончиков с краской. Среди множества эмблем местных банд я увидел на одной из стен портрет Барта Симпсона. Я несколько утешился тем, что члены банды смотрят те же телешоу, что и я, и

понял, как призрачны мои связи с реальным миром. Только Викки и Эрик соединяли меня с обществом.

Предоставленный самому себе, я бы, вероятно, целыми днями сидел в своей комнате, печатал письма и рассылал их, связываясь с миром исключительно через корреспонденцию.

Я осознал, как мне повезло с моей семьей. И самым острым из всех моих чувств была благодарность за жизнь, которой я не заслуживал.

Мы вернулись домой. Поиграв с Эриком и переодев его в пижамку, Викки сказала, что хочет понежиться в ванной после длинного дня, и попросила меня уложить сына в постель. Она чмокнула меня, пообещала вознаградить попозже и отправилась в спальню за чистыми трусиками и огромной футболкой, заменявшей ей ночную сорочку.

Я взлохматил шевелюру Эрика.

— Пойдем, приятель. Сначала в ванную. Почистим зубки. И все остальное.

— Хорошо, папа, — со всей серьезностью согласился сын.

Чувства, охватившие меня на прогулке, еще не улеглись, и я выдавил улыбку:

— Я люблю тебя.

— И я тебя! — крикнул Эрик из коридора.

Потом я почитал ему книжку, погладил по головке, поцеловал и подоткнул одеяло.

Удостоверившись, что Викки еще принимает ванну, я прошел в свой кабинет и, как обычно, раз в неделю, стал писать анонимное письмо матери.

Дорогая миссис Хэнфорд! Мерзкая сука...

2

Ее первое письмо я получил 6 июня 1996 года.

И сразу понял, от кого оно. Я узнал бумагу, узнал марку, узнал почерк. Когда я вскрывал конверт, мои руки дрожали. Как это могло случиться? Как она могла меня выследить, если я не фигурировал ни в одной телефонной книге, ни в одном справочнике? Уж об этом-то я позаботился. Я развернул письмо, проверил адрес наверху, подпись внизу.

Да, от нее.

От Киоко.

С бешено бьющимся сердцем я прочитал письмо. Я не понимал почему, но распахнулся жутко. Меня пронзило острое чувство вины, опять же без особой причины. Письмо начиналось обычным небрежным «Привет, как дела? Чем занимаешься?». Просто попытка одного старого друга по переписке узнать, как сложилась жизнь другого. Английский Киоко с годами улучшила, хотя кое-какие слова еще писала неправильно, и некоторые грамматические обороты вызвали у меня улыбку. Однако я почувствовал, что Киоко написала неспроста; ею явно руководили какие-то скрытые мотивы.

Конечно же следующее письмо я получил ровно через неделю.

И стало ясно, что Киоко отсылает письма так, чтобы они приходили в субботу — точно как я инструктировал ее в детстве.

К счастью, я всегда проверял почту раньше Викки. Я отнес конверт в свой кабинет и, слава богу, сообразил запереть дверь.

Дорогой Джейсон!

Привет! Я не говорю тебе в прошлый раз, потому что очень смущена, но все эти годы я никогда не перестаю думать о тебе. Ты помнишь мою фотографию, где я голая? Я помню! Если хочешь, я пришлю тебе еще одну. Не мог бы и ты прислать мне такую же? Я все время думаю об этом. Я до сих пор не замужем. Я храню себя для тебя. Скучаешь ли ты по мне? Любишь ли еще меня? Хочешь ли меня? Ответь мне, пожалуйста. Я хочу знать.

С любовью,

Твоя навсегда, Киоко

Я не ответил ей на первое письмо, не ответил и на этот раз. Однако через неделю пришло очередное послание, еще более откровенное. Киоко описывала, как — в ее фантазиях — я связываю и насилую ее. Жестоко. В задницу. Она также сообщила, что работает в транснациональной компании и планирует переехать в США, и не могли бы мы встретиться?

На этот раз я ответил. Я прямо написал, что женат, что у меня есть сын, что я люблю свою жену и не собираюсь ей изменять. Хотя мы переписывались в детстве, сейчас мы совершенно не знаем друг друга, у каждого из нас собственная жизнь и мы не должны переписываться. Пусть наша переписка останется милым детским воспоминанием.

Отсылая на следующий день письмо, я чувствовал себя сильным и благородным.

Правда, письма Киоко я сохранил.

И те, что пришли позже.

Сам не знаю почему.

Тем летом Эрик неделю гостил у родителей Викки в Финиксе. Из-за напряженного рабочего графика мы не могли навещать их так часто, как хотелось бы Викки, и она старалась, чтобы каждое лето Эрик хоть немного времени проводил с бабушкой и дедушкой. Мы воспользовались шансом вдохнуть новую жизнь в наши отношения, занимались сексом спонтанно, как прежде, до рождения сына.

И секс был великолепным.

Правда, я скучал по Эрику. Ведь это я работал дома, это я заботился о нем целыми днями, присматривал за ним, когда Викки уезжала в свой офис, и я все время ловил себя на том, что без сына чувствую себя неуютно. Я давно дал себе клятву, что буду лучшим мужем и отцом, чем мой папаша, и я сдержал свое слово. Я не просто проводил с Эриком больше времени, чем мой отец со мной, мне очень *нравилось* быть с ним.

Правда, иногда я писал письма от руки, когда Эрик бегал вокруг, или печатал письма на компьютере, когда он спал. Большую часть своей работы я выполнял по ночам, а дни посвящал Эрику: читал ему, играл с ним, водил его гулять. Нас часто видели в магазинах старых пластинок и в благотворительных лавках округа Ориндж. Эрик рос не на передачах Диснея или «Улица Сезам», а на «Битлз» и «Погз», Майлзе Дэвисе и Мередит Монк и конечно же Дэниеле Ленце. Мы вместе слушали Хэнка Уильямса Джуниора. Да, Хэнк Джуниора. Я с большим опозданием подхватил увлечение Роберта музыкой кантри и быстро заполнял пробелы в своей коллекции, разыскивая в магазинах Армии спасения и Доброй

воли альбомы Чарли Дэниэлза, Долли Партон и Мое and Joe.

Я часто задавался вопросом, что случилось с Робертом, и с Эдсоном, и с Фрэнком. И с Полом. Я подумывал разыскать их в Интернете и послать им сообщения по электронной почте, но что-то меня удерживало. Мое прошлое осталось в прошлом, и как-то легче было жить настоящим.

По-моему, у каждого человека наступает такой период, когда жизнь начинает казаться тоскливой, когда цепляешься за одну из «живи настоящим» философий, потому что оглядываться назад на все упущенные возможности слишком болезненно, а менять что-то нет ни сил, ни времени. Я еще не дошел до этой точки, но скучал по тем временам, когда был двадцатилетним, скучал по свободе и открывавшимся перспективам. Я любил свою семью и был счастлив, но ясно видел свою дорогу, а мне это не нравилось. Я был счастлив, когда не знал, что готовит мне будущее. Вероятно, именно поэтому я продолжал читать письма Киоко.

А потом...

А потом я попался.

И моя жизнь взорвалась.

Вот как это случилось.

Мы с Викки собирались вместе пообедать в кубинском ресторанчике в старом районе Оринджа, поскольку у нее случайно освободилась вторая половина дня. Викки хотела побродить по антикварным лавкам, а я — покопаться в грудях старых пластинок в благотворительных магазинах.

По роду работы мне изредка приходилось консультироваться с программистом, и вот накануне мне сообщили об очередной встрече. Это внесло изменения в наши планы. Я предложил Викки ехать без меня, а я, если получится, подхвачу ее и отвезу домой.

Итак, я отправился в офис компании в Лос-Анджелес и целый день потратил на расшифровку профессионального жаргона, используемого в новых программах. Проклятая встреча закончилась лишь в начале четвертого, когда все дороги округа Ориндж уже забиты транспортом. Поэтому я подъехал к нашему дому только около шести часов вечера.

И сразу почувствовал что-то неладное, хотя ничто как будто не предвещало беды. Почему-то я вспомнил тот день, когда Викки обнаружила мои старые письма в нашей крохотной квартирке рядом с колледжем. Я бросился в дом.

Как и тогда, Викки сидела на полу в ворохе моих писем и читала. Я не мог понять, нашла ли она мой тайник и достала письма оттуда или распечатала мою сокровенную дискету. Только в этот раз на ее лице было написано глубокое отвращение. Может, ей не понравилось содержание — по меньшей мере в некоторых случаях, — однако я почувствовал, что теперь мне это с рук не сойдет. Нет, Викки возмутило не только содержание, но и сам факт существования этих писем. Я почувствовал себя разоблаченным Дорианом Греем, чьи грязные секреты вылезли на всеобщее обозрение.

Викки подняла глаза, увидела меня, и выражение ее лица стало меняться: от невольного отвращения до праведного гнева.

— Что это? — спросила она, тряся пачкой листов. — Что это такое?

— Письма, — бойко ответил я, стараясь превратить все в шутку.

— Что за ультраправая чушь? Все эти обличительные антиклинтоновские речи? Все эти оправдания Джингрича?

— Это не политика.

— Не политика? — завопила Викки. — Это полная противоположность всего, что ты когда-либо говорил, всего, за что мы боролись! — Она швырнула в меня листами. — Я даже не знаю, кто ты такой!

Конечно, Викки меня не знала, хотя неизвестно, по чьей вине. Я должен был защищаться, я отчаянно хотел, чтобы Викки поняла меня, но как я мог объяснить ей, что меня интересует не политика, как таковая. Черт побери, я вовсе не думал о политике, когда сочинял свои письма. Меня пьянила власть, сознание того, что я могу влиять на сильных мира сего, заставляя их плясать под мою дудку. Меня манил сам процесс создания писем.

— Я все тот же, каким был всегда.

— И какой же это? — резко спросила Викки.

— Помнишь мои письма о ядерном разоружении? Об охране окружающей среды?

— Тогда при чем здесь это? — Она указала на разбросанные бумаги.

Кого я, черт побери, обманывал? У меня никогда не было твердых политических убеждений. Я был предан только своим письмам, только своему искусству. Я ступил на эту дорожку, желая спасти от уничтожения Ист-Сайд Акации, но тогда в первый и единственный раз мои мотивы не были эгоистичными. Сочинение писем было моим наркотиком, и после первой дозы я уже не мог без него обходиться и готов был доставать его любыми способами.

— Ты лжец. Ты говорил мне, что никогда больше не будешь писать письма, — упрекнула Викки. — Ты солгал мне.

— А как, по-твоему, ты получила все свои повышения? — тихо спросил я.

Викки вытаращила глаза.

Я отвел взгляд, немедленно пожалев о вырвавшихся словах.

— Не может быть, — прошептала она.

Я бы все отрицал, но понимал, что ничего не исправить, и покрепче сжал губы, чтобы не ляпнуть еще что-то и не сделать еще хуже.

Только хуже было некуда.

Викки выбежала из комнаты, протопав по моим письмам, смяв одни бумаги и отшвырнув другие. Мои бедные детеныши! Мне захотелось оттолкнуть Викки и сгрести письма, спасти их. Но я сдержался, пытаюсь придумать какое-нибудь оправдание или мольбу, которые заставили бы ее остаться и простить меня.

Я услышал, как захлопнулась дверь нашей спальни.

Собирая бумаги, я мучительно размышлял. Я использовал свой талант ради добра и зла. Я виноват в том, что директор Пул потерял работу, я виноват в смерти отца и ведьмы Акации. Но я помог жене и сыну, создал для них лучшую жизнь. Разве это не возместил причиненный мной вред?

Нет. Потому что я не только не имел твердых политических убеждений, у меня не было никаких нравственных ориентиров. Меня заботили только мои письма. Мне был безразличен результат моих слов, лишь бы был хоть какой-то результат. Я жил ради захватывающего ощущения победы, бурного восторга, который я испытывал, когда одно из моих писем появлялось в прессе или вызывало защитную реакцию или лихорадочное изменение мнения моей жертвы.

Было ли это для меня важнее, чем Викки?

Чем наш брак?

Чем наш сын?

Конечно нет. И у меня не было никаких причин задавать себе такие вопросы. Невозможно выбрать что-то одно. Пусть Викки сейчас расстроена, но к утру она успокоится, мы поговорим и все уладим. Как всегда.

В дальнем конце коридора захлопали двери комнат и дверцы шкафов. Викки бесилась и хотела, чтобы я знал, как она взбешена... но не только. Мне показалось, что она шарит в своем комодe и шкафу, собирает вещи.

Ее слишком бурная реакция явно не соответствовала содержанию писем. Не политика так встревожила ее. И даже не моя ложь и скрытность... Что-то другое. Неужели сами письма? Или интуитивно она поняла их истинное значение? Почувствовала темные силы, скрывающиеся за ними? Или...

Я взглянул на письмо в своих руках. Письмо от Киоко.

Я думаю о том, как ты охватываешь меня сзади. Мне больно, когда ты вонзаешься в меня, но мне нравится эта боль. Ты обхватываешь ладонями мои груди и щиплешь соски. Я вскрикиваю, и ты...

На это у меня ответа не было. С этим я бороться не мог. Когда Викки с чемоданом вихрем вылетела из спальни и выкрикнула, что едет к родителям, я не знал, что сказать. Я заикался и мямлил и пытался найти уважительную причину, которая заставила бы ее остаться, но путался в словах.

— Я не вернусь! — объявила Викки, распахивая дверцу машины и швыряя чемодан на заднее сиденье.

— Викки...

— Я не вернусь! — Она свирепо смотрела на меня. На ее лице я видел только ярость, и боль, и ненависть.

И страх.

И не только из-за Киоко.

— П-прости!

— Я тебя совсем не знаю! Я не хочу быть рядом с тобой, и не смей приближаться к моему сыну!

— Он и мой сын! — выкрикнул я, когда она уже села за руль и захлопнула дверцу. — Это я сижу с ним целыми днями! Это я забочусь о нем.

Автомобиль выкатился на улицу, развернулся и умчался, а я все кричал и кричал.

Мне опять приснился тот шатер, цирковой шатер в пустыне. Опять я брел к нему в одиночестве по пыльной дороге. В неподвижном горячем воздухе не было и намека на ветерок, но при моем приближении порыв ветра, словно разумное существо, откинул край грязного брезента в красно-белую полосу. За треугольной прорехой зияла тьма.

Я без колебаний вошел внутрь.

Ни седых детей, ни доисторического скелета. В центре круга возвышалось распятие, истлевшее зловонное тело на кресте, засохшая кровь и задубившаяся кожа. Откуда-то доносилась тихая старинная музыка. На деревянных лавках сидели два старика и царапали что-то на листах, прикрепленных зажимами к дощечкам.

Я проснулся. Один в нашей постели. Я перекатился и уткнулся лицом в подушку Викки, еще сохранившую ее запах: ее духи, ее шампунь, ее лосьон, ее мыло.

— Викки, — простонал я и разрыдался. И рыдал, пока не заснул.

На следующий день я обнаружил в почтовом ящике письмо без обратного адреса. На всякий случай я разорвал конверт.

Джейсон!

Ты идешь по пустынной пыльной дороге к красно-белому полосатому цирковому шатру. Жарко. Ты потеешь, но тебе зябко...

Я разорвал письмо и конверт и выбросил клочки.

Наш развод осуществлялся через потоки писем. От моего адвоката ее адвокату. От ее адвоката мне. От моего адвоката ей. Я пытался связаться с Викки без посредников, изливал ей душу, умолял вернуться, вкладывая в письма весь свой талант. Она возвращала все письма нераспечатанными. Или Викки знала, что я задумал, или чувствовала на каком-то подсознательном уровне.

Я тебя совсем не знаю.

Каждые несколько дней Эрик звонил мне и разговаривал вежливо, но холодно. Я чувствовал его печаль и удивлялся, что же Викки сказала ему обо мне. Его я спрашивать не хотел, а ее — *не мог*, потому что она со мной не общалась. От ее адвоката я знал, что она требует полной опеки и даже хочет лишиться меня права посещения. Однако мой адвокат сказал, что ей это вряд ли удастся. Опеку она, возможно, и получит, но такому преданному отцу, как я, скорее всего, присудят свободный график посещения.

Правда, если они останутся в Аризоне, мне это не поможет.

Если только я сам не перееду в Аризону.

Что лучше для Эрика? — размышлял я. Не такой уж я был эгоист, чтобы решать свои эмоциональные проблемы за его счет, но мне с трудом верилось, что без отца ему будет лучше.

Я вспомнил, что, когда я был маленьким, мои друзья не любили приходить ко мне, а я не любил приглашать их в дом с часто пьяным отцом и вечно кипящей злобой матерью. Моя мать была такой злой, что мои друзья боялись ее и предпочитали встречаться со мной где-нибудь в городе.

Мы с Викки были хорошими родителями — по крайней мере, до того момента — и должны были и дальше на первое место ставить интересы Эрика. Только наш развод не был обычным. Мы старались представлять его обычным, и так могло показаться со стороны — спасибо письмам Киоко, но правда была в том, что Викки меня боялась. Я понял это в тот вечер и чувствовал даже сейчас. Конечно, она ничего не могла доказать. Если бы причиной развода она назвала мой эпистолярный талант, то ее просто сочли бы сумасшедшей. Однако мы знали правду, и я понимал ее точку зрения. Черт побери, мои письма и меня пугали до смерти. Я прекрасно понимал, почему она хочет держать Эрика подальше от меня.

Хотя она разрешала ему звонить мне. Спасибо и за это. Может быть, еще не все потеряно.

Сначала я надеялся на встречу в суде: Викки со своими адвокатами и я со своим. Моим надеждам не суждено было сбыться. Уточнение деталей продолжалось с помощью факсов и телефонных звонков, электронной почты и курьеров и заказной корреспонденции. Я все еще любил Викки и интуитивно чувствовал, что, несмотря на страхи подозрения и надуманную измену, она тоже еще любит меня. Однако все это... весь процесс... отдаляли нас друг от друга, отталкивали все дальше и дальше, пока мы не превратились в винтики в бракоразводной машине. Письма, которые я писал ее адвокатам, были шедеврами. Никогда еще я не достигал таких высот, такой убедительности. Я вкладывал весь свой талант в отчаянную попытку вернуть моих жену и сына. Пиши я с таким же пылом о Рейгане, Буше или Клинтоне, события в мире развивались бы иначе; наше общество было бы другим. Только и эти письма возвращались нераспечатанными. Мне было дозволено общаться с юридической командой Викки только через моих собственных представителей.

Эти нераспечатанные письма я сразу же рвал. Не знаю, виновато ли мое воображение, или, разрывая бумагу, на которой они были напечатаны, я на самом деле кончиками пальцев чувствовал их могущество. Глупости и предрассудки, но, чтобы оградиться от возможных последствий, я часть обрывков выкидывал в мусорную корзину в кабинете, часть — в мусорное ведро под кухонной раковиной, а остальное спускал в унитаз. Станный и, вероятно, бесполезный ритуал, но он приносил мне облегчение.

Медленно тянулось жаркое и одинокое лето. Я продолжал при встрече здороваться с соседями, но это случалось все реже. Я больше прятался в своем кабинете, не работал и не писал письма, просто думал о ситуации, в которой оказался, и читал колонки с советами, письма в редакции и эпистолярные романы. Письма настоящие и вымышленные. Впервые после нашего переезда в этот район я не пошел на вечеринку Четвертого июля, не хотел встречаться с соседями один, без своей семьи, не хотел отвечать на вопросы.

Вскоре я понял, что большинство «наших» друзей на самом деле были друзьями Викки, а я их не очень хорошо знал, да и не хотел знать. Мои собственные друзья остались в прошлом. Я отдалился от университетских приятелей точно так же, как раньше отдалился от Роберта, Эдсона и Фрэнка.

Куда все катится? Что со мной будет?

Я понятия не имел.

А лето все тянулось и тянулось.

В водовороте банкротства мелких компаний, связанных с информационными технологиями, исчезли моя работа и мои акции, мой пенсионный план и сама моя фирма. Других доходов у меня не было, как практически и никаких сбережений. Казалось, я должен был встревожиться, хотя бы немного, но, честно говоря, я думал только о разводе и битве за опеку и даже радовался неожиданной свободе. Все равно работу свою я ненавидел, она камнем висела на моей шее.

Как ни странно, новую работу мне предложили почти сразу же.

И очень необычным образом.

25 августа, в понедельник, в моей почте оказалось письмо, детально описывающее страшный сон, который мне привиделся накануне. В том сновидении Эрик на школьной перемене съел кусок забора из металлической сетки, окружавшего игровую площадку, а потом взялся за железный лист с детской горки. Учительница потащила его в кабинет директора, а директор вызвал нас. Мы явились. Учительница и директор тряслись от страха, а Эрик скромно сидел в углу. Эрика исключили из школы на неделю, и мы забрали его домой и отправили в его комнату.

— Сначала ногти, теперь это! Кто он такой? — спросила Викки.

— Замолчи. Он тебя услышит.

— Кем бы он ни был, виноват ты. В нашей семье ничего подобного никогда не случалось.

— Ничего подобного никогда не случалось ни в чьей семье.

— Это в твоих генах, — не унималась Викки. — Это твоя вина.

Я вскочил, неожиданно разъярившись.

— Хочешь сделать ДНК-тест? Хочешь выяснить раз и навсегда, кто виноват? — Я схватил Викки за плечи и затряс. В тот момент я ее ненавидел. — Так ты думаешь о нашем сыне? Как будто в нем «виноват» кто-то из нас?

Викки разрыдалась.

— Прости меня!

Мы обнялись, помирились и пошли в комнату сына поговорить с ним. С отверткой в руке он стоял в одних трусиках перед зеркальной дверью своего шкафа. Сначала мы не поняли, на что он смотрит и что собирается делать, а потом я заметил, как его кожа начинает меняться.

Сначала едва заметно. Легкое обесцвечивание вокруг лодыжек. На наших глазах пятна расширились. Викки задохнулась от ужаса, когда тонкий серый усик поднялся по ноге сына и образовал на бедре пятно размером, формой и цветом с монету в 25 центов.

— К утру я весь стану металлическим, — с улыбкой сообщил Эрик, а потом поднес к губам отвертку и откусил кончик. — Вечером я съем машину.

В письме диалог был процитирован дословно и все описано точно так, как я запомнил. Как и прежде, холодок пробежал по моему позвоночнику.

Однако на этот раз в конверте оказался еще один листок.

Бланк заявления о приеме на работу.

Я прочитал его. Раз. Другой. Третий. Самое простое и самое странное из всех заявлений, какие я когда-либо видел. На верхних строчках уже были проставлены мое имя, адрес, дата рождения и номер карточки социального обеспечения. Ниже всего два вопроса, на которые я очевидно должен был ответить: *Что подтверждает Вату квалификацию профессионального Писателя Писем? Если мы возьмем вас на работу, сколько писем в среднем Вы смогли бы написать за восемь часов?* Ниже была строчка для моей подписи.

Сверху — адрес фирмы.

Никакого имени. Что странно. Но, по крайней мере, я знал теперь, откуда приходили те таинственные письма. Видимо, существует фирма, специализирующаяся на сочинении писем.

И теперь они хотят, чтобы я на них работал.

Хотя, может быть, это ловушка.

Нет. Человек или люди, которые не только знают, где я живу, но и ковыряются в моих мозгах и знают мои сновидения, могли бы схватить меня в любой момент. Им нужно что-то другое. Вероятно, это не более чем обычное предложение работы. Вероятно, фирма расширяется. Или ей необходимы дополнительные работники для какого-то особого проекта, какой-то масштабной эпистолярной кампании, цель которой, например, свержение правительства США или нечто столь же амбициозное. Или...

Или что?

Я не знал.

Сообщив свой адрес, фирма скрыла фамилию начальника. Я должен ответить письменно или явиться лично? Меня эта перспектива не соблазняла. Их письма преследовали меня годами, выводили из себя, тревожили, заставляли сомневаться в себе. Теперь же появилась возможность хоть немного отомстить. Пусть неведомый самодовольный придурок сам расхлебывает кашу, которую он же и заварил, пусть понапрасну ждет меня. Представляя эту картину, я от души злорадствовал.

Но и отвергнуть этот шанс я был не в силах. Кроме писем, кроме сновидений, что-то еще связывало меня с теми, другими Писателями Писем. Я чувствовал эту связь; она была почти осязаемой, навевала мысли о парапсихологической близости, приписываемой близнецам. Кроме того, я понимал, что фирма может исчезнуть, передислоцироваться в другое здание или в другой город, а следующее письмо может прийти и без обратного адреса. Так что, вполне вероятно, это мой единственный шанс.

Хотел ли я ехать к ним? Ну, не совсем. Если честно, я побаивался, но чувствовал, что деваться некуда, и, заперев дом, поехал в ближайший офис Американской автомобильной ассоциации, где попросил схему улиц Лос-Анджелеса.

Я припарковался на противоположной стороне улицы и несколько минут сидел в машине, разглядывая свою цель.

Не многоэтажное офисное здание в центре города, не современный корпоративный центр на обновленной окраине. Просто невзрачный жилой комплекс в ветшающем районе города, прямоугольное оштукатуренное двухэтажное сооружение, построенное на заре космического века, а ныне покрытое граффити. Над заржавевшими железными воротами, ведущими к бывшему бассейну, стилизованным шрифтом написано название комплекса:

Шангри-Ла. Внутренний двор с давно не обновлявшимся цементным покрытием украшали две пальмы в кадках, несколько ободранных шезлонгов и сломанные детские игрушки.

Такой вот вид открывался из бокового окна моего автомобиля. Двери в офис, вернее, в квартиру номер 3 я не заметил.

Я надеялся уловить хоть какое-нибудь движение, но никто не входил в комплекс, никто не выходил. К сожалению, у меня не было бинокля, и я не мог рассмотреть здание более детально. Я боялся выйти из машины, боялся подъехать ближе. Меня пригласили сюда, но от одной мысли о том, что где-то внутри этого старого здания сидят Писатели Писем, способные проникать в мои сны и следившие за мной более десяти лет, меня парализовал страх. Я все надеялся, что, может, кто-нибудь появится. Например, другие претенденты. Да кто угодно.

Даже когда стало совершенно ясно, что, кроме меня, здесь никого нет и вряд ли будет, я еще немного посидел, потом неохотно покинул автомобиль. В квартале от меня группа подростков гоняла по тротуару на велосипедах. Чуть ближе растрепанный оборванец толкал тележку из супермаркета, набитую пустыми бутылками и консервными банками.

Только комплекс не подавал никаких признаков жизни.

Я стал себя уговаривать, мол, я слишком остро реагирую, делаю поспешные выводы. Ничего особенного. Разгар дня. Большинство людей на работе. Есть куча причин, почему в запущенном доме в половине третьего в понедельник жизнь не бьет ключом. Сочинение писем — мечта человека, ненавидящего ежедневные поездки на работу. Этим можно заниматься дома, и, в теории, почему бы офису фирмы не занимать обычную квартиру?

И все же...

Я запер машину и перешел улицу. На обочине перед комплексом стоял помятый почтовый ящик с отдельными ячейками без фамилий, только с номерами квартир. Поперек ящика кто-то набрызгал из баллончика с краской: *Коротышка. Малявка. Призрак.* Линия, похожая на стрелу, вела от слова *Призрак* к щели ячейки с номером 3. Я счел это зловещим предзнаменованием.

Шангри-Ла.

Все сегодня казалось неправильным, и разум с логикой подсказывали, что надо поскорее убираться отсюда; плюнуть на все и бежать со всех ног. Ничего хорошего из этого не выйдет. Но что-то толкало меня вперед. Я вошел через ворота в трущобный двор, огляделся и увидел квартиру номер 3. Наружная дверь, затянутая сеткой, криво болталась на сломанных петлях. Деревянной двери за нею не было, и, хотя вся квартира просматривалась, внутри было слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

И тишина. *Мертвая* тишина. Даже уличные шумы не добирались сюда. Я взглянул на другие квартиры, на задернутые шторы, запертые двери. Мне показалось, что никто здесь не живет, что все эти квартиры пусты, покинуты.

За разломанной сеткой черный дверной проем квартиры номер 3 зиял, как раскрытая пасть чудовища.

Я собрал все свое мужество и решительно шагнул вперед. Остановившись перед дверью, я постучал по деревянному косяку и попытался заглянуть внутрь. Я не увидел ничего: ни очертаний мебели, ни признаков присутствия людей.

— Эй, есть кто-нибудь? — крикнул я.

Тишина.

Сделав глубокий вдох, я распахнул покосившуюся дверь и шагнул через порог.

Во мрак.

Проснулся я в пустом помещении на жесткой кушетке. Вернее, очнулся. Я понятия не имел, что со мной произошло. Последнее, что я помнил, как шагнул через порог в темную квартиру, но, похоже, меня чем-то накачали и каким-то образом, бесчувственного, перенесли сюда.

Где бы ни было это «сюда».

Я сел, огляделся. Комната без окон. Белые стены, лампы дневного света, кафельный пол, такой блестящий, что в нем отражался потолок. Безукоризненной чистотой помещение напоминало то ли больничную палату, то ли камеру в образцовом полицейском участке.

Поднявшись, я подошел к закрытой двери в противоположном конце комнаты, и дверь вдруг распахнулась. Я чуть не выпрыгнул из кожи. Двое мужчин шагнули внутрь и встали по обе стороны от меня. Молодые, крепкие, подтянутые, в неприметной одежде — нечто среднее между деловым костюмом и униформой. Они не хватали меня за руки, но так грозно двинулись вперед, что мне оставалось лишь выйти в коридор вместе с ними.

Что-то знакомое было в этой парочке, но мой затуманенный мозг не мог определить, где я их видел.

И вдруг я понял.

Они напомнили мне людей, которые допрашивали нас в колледже насчет наших писем.

Я вдруг понял, что оставил заявление в машине, хотя вряд ли это что-то меняло. Не похоже, что меня вели на интервью. Я чувствовал себя арестантом, которого переводят в новую камеру. Странное ощущение. Наверное, я мог бы развеять его простым вопросом, но говорить мне не хотелось.

Нет, неправда.

Я боялся заговорить.

Наши каблуки стучали по сверкающим плиткам, словно отмеряли последние секунды перед казнью. Мы шли мимо закрытых дверей. На стене рядом с каждой дверью были прикреплены металлические рамки. Пустые. Либо хозяева кабинетов покинули здание, либо никто здесь никогда не работал.

Мы добрались до лифта. Левый конвоир шагнул вперед и заблокировал мне дорогу, вынуждая остановиться. Кнопки вызова не было, но, словно почувствовав наше присутствие, двери лифта плавно разъехались, и мы вошли. Внутри лифт был обшит полированными стальными листами. Ни кнопок, ни указателя этажей я не заметил. Судя по ощущениям, мы поднимались.

Через минуту или две двери снова разъехались и мы вышли в коридор, почти такой же, как и первый. *Почти*, потому что здесь в рамочках были таблички, но выгравированы на них были только буквы А, Б или В. Меня подвели к одной из Б-дверей, и правый конвоир открыл ее.

Я вошел.

Парни остались в коридоре.

Дверь за мной закрылась.

Щелкнул замок.

Комната, в которой я оказался, напоминала кабинет. На полу — серый ковролин. В центре — складной стол и два деревянных стула по обе стороны от него. Вот и вся мебель. Голые стены. Ни одного окна.

Они наверняка ждали, что я — хоть и слышал щелканье замка — подергаю ручку и проверю, заперто ли. Не дождутся.

Интересно, установлена ли здесь видеокамера. Вполне возможно. Я стал прохаживаться по комнате, как будто тот, кто назначил мне встречу, опаздывает, а я спокойно его жду. Будь там какие-нибудь безделушки, я взял бы их в руки и притворился, что разглядываю. Не знаю, сколько прошло времени. Час? Два? У меня заболели ноги, и я сел, как бы невзначай, но ни на секунду не забывая о возможной слежке.

Я скрестил ноги, усаживаясь поудобнее. Руки девать было некуда. Я положил их на стол и понял, что долго так не просижу.

А если я захочу в туалет? Жажда уже мучила меня, и в конце концов я проголодаюсь. Они надеются, что я стану колотить в дверь и требовать, чтобы меня выпустили? Или умолять, чтобы дали стакан воды?

Такого удовольствия я им не доставлю. Присланное заявление было приманкой, а теперь они проверяли, достоин ли я работать на них.

Достойн ли?

Да. В этом все дело. Зарабатывать на жизнь сочинением писем было бы для меня честью и привилегией, сбывшейся мечтой, и, несомненно, они это уже знали. Я не представлял, что таилось за всем этим: чья-то личная инициатива или секретное ведомство в рамках министерства обороны или ЦРУ, но я верил — нет, я знал, — кто бы они ни были, они нашли способ узаконить и поставить себе на службу могущество талантливо написанных писем.

Тогда зачем они преследовали тебя, вторгались в твои сновидения? — спросил рациональный внутренний голос.

Я приказал ему заткнуться.

Время шло.

Если, как подсказывали мои биологические часы, я вошел сюда во второй половине дня, то сейчас уже был вечер. Часов восемь-девять. Я проголодался, во рту пересохло так, что, сглатывая слюну, я начинал задыхаться. И отчаянно хотелось в туалет.

В самый критический момент дверь распахнулась, и один из моих, как я мысленно называл их, конвоиров заявил: «Можете пройти в туалет». Я последовал за ним по коридору к двери без ручки. Хотя я мог бы заговорить с конвоиром, я гордо промолчал, решив, что буду вести себя как военнопленный.

Конвоир остался в коридоре. В маленьком санузле, чуть больше встроенного шкафа, оказались настенный писсуар и унитаз, но раковины не было. Я-то рассчитывал напиться из крана и теперь просто умирал от жажды. Используя писсуар по назначению, я неохотно вышел из туалета. Конвоир отвел меня обратно в камеру, где я нашел на столе кувшин с водой и стакан.

Конвоир вышел, закрыл и снова запер дверь, и только тогда я небрежно наполнил стакан. Мне хотелось выпить воду залпом, но я сделал маленький глоток, и прохладная успокаивающая жидкость легко заскользила в мое обезвоженное горло. Я не желал, чтобы они поняли, как отчаянно я нуждался в воде, и спокойно сделал еще один маленький глоток,

покаявшись, что выпью только один стакан.

Кто знает, на сколько придется растянуть их подачку.

Пока тишину нарушали лишь те звуки, что издавал я сам, но вдруг из соседней комнаты донеслись крики, такие жуткие вопли, словно находящегося там мужчину —

пытали

— допрашивали.

Представление явно предназначалось мне, но я понятия не имел, зачем им это было нужно. Крики были приглушенными — моя дверь заперта, его дверь заперта, и между нами была стена, но человек точно кричал от невыносимой боли, и те, кто мучил его, хотели, чтобы я это знал.

Часов ни у меня, ни в комнате не было. И окон тоже. Поэтому я никак не мог оценить, сколько продолжались крики, но мне казалось, что чуть ли не час. В конце концов дверь открылась и вошел пожилой мужчина в обычном костюме чиновника или менеджера средней руки. Он сел за стол напротив меня, открыл черную папку, перелистал страницы и только тогда поднял на меня глаза и равнодушно спросил:

— Как вы себя чувствуете, мистер Хэнфорд?

— Отлично, — солгал я.

Похоже, он даже не прислушался к моему ответу и все так же безразлично пробормотал:

— Хорошо, хорошо. — Он еще полистал страницы и встал. — Не хотите что-нибудь добавить?

Из соседней комнаты снова донесся пронзительный вопль и тут же оборвался. Воцарилась зловещая тишина.

— Нет, — сказал я.

— Ну, если захотите, дайте нам знать. Договорились?

Не дожидаясь ответа, он подошел к двери, трижды постучал, затем открыл ее и вышел в коридор.

Я снова остался один в полной тишине.

Через некоторое время я налил себе еще стакан воды и выпил. И не заметил, как заснул.

Проснулся я потому, что от неудобной позы затекла и заболела шея. Видимо, я спал довольно долго. И за это время мне принесли еду. Два огромных черничных кекса и высокий стакан с апельсиновым соком. Кексы еще не успели остыть, значит, их принесли недавно. Не забывая о том, что за мной, вероятно, следят, я стал есть медленно, аккуратно, как будто это обычный день и мой обычный завтрак. Я съел оба кекса и выпил весь сок.

Время тянулось невыносимо медленно. Я вполне мог бы поразмышлять о происходящем, погадать о будущем, но я заставлял себя не думать. Я не хотел втягиваться в этот мысленный водоворот и намеренно занимал свой мозг воспоминаниями о музыке, о пластинках, которые недавно купил, которые хотел найти, которые еще в школе или в колледже одолжил друзьям и так и не получил назад. Вспомнив о старых друзьях, я решил, что мог бы написать им письма, а это, в свою очередь, навеяло мысли о других письмах и в конце концов о том, почему я оказался здесь.

Мне чертовски нравится подпольно записанный альбом группы. «Джетро Талл» «Игра страстей». Я купил его на прошлой неделе. Как жаль, что не смог найти их альбом «Менестрель на галерее».

И снова о письмах. И снова о музыке...

Через некоторое время мне снова понадобилось в туалет, и довольно скоро в дверях с

тем же приглашением «Можете пройти в туалет» появился второй охранник. На этот раз, вернувшись, я обнаружил на столе, рядом с кувшином воды и чистым стаканом, ручку и чистый лист бумаги. Я решил посмотреть, не написано ли что-нибудь на обратной стороне листа, и увидел под ним конверт с маркой.

Они хотят, чтобы я написал письмо.

Но какое письмо и кому?

До сих пор я им не поддавался: не разговаривал с охранниками, не задавал вопросов невзрачному «чиновнику». Удержусь от соблазна и сейчас. Никаких писем. Буду просто выжидать и тарашиться в пространство.

Время тянулось медленно. Не знаю, сколько часов прошло, но моя решимость потихоньку слабела. В голове метались самые разные мысли, которые я хотел выразить, жалобы, которые хотел составить, вопросы, которые хотел задать.

И все же я держался. Это было испытание. И я должен был его пройти.

Мне хотелось схватить ту ручку, но я этого не делал. Я ждал.

Как и прежде (вчера?), явился чиновник со своей черной папкой. Опять он уселся напротив меня и просмотрел свои бумаги.

— Как вы себя чувствуете, мистер Хэнфорд?

Я не ответил.

Посетитель поднял на меня глаза:

— Вы убили своего отца, не так ли?

Я заерзал на стуле, не представляя, как следует отвечать.

— Да или нет?

Я кивнул.

Он улыбнулся:

— Очень хорошо, очень хорошо. И, разорвав всякие отношения с матерью, вы продолжали беспокоить ее письмами?

Я снова кивнул.

— Отлично!

Он закрыл папку и встал.

— Как всегда, было очень приятно с вами общаться, мистер Хэнфорд.

Чиновник постучал в дверь, та открылась, и он ушел.

В тишине и одиночестве мне оставалось лишь думать, думать, кто же я на самом деле. Я заглянул внутрь себя, и мне не понравилось то, что я увидел. Я преступник. Не безнравственный человек, каким всегда считал себя и чем даже гордился. Нет, я глубоко порочный, дурной человек. Несмотря на то, во что я заставлял верить Викки, несмотря на то, что говорил сам себе, я не был хорошим парнем, совершавшим сомнительные поступки в смягчающих вину обстоятельствах. Я был расчетливым, хладнокровным убийцей, готовым на все ради того, чтобы сделать свою жизнь более легкой и комфортной.

Но я вполне мог с этим жить.

Вопрос в другом: если бы представилась возможность, поступил бы я иначе? Подстроил бы убийство отца только потому, что он был придурком?

Да.

И я убил бы ведьму и, вероятно, мать в придачу. И Тома. И директора Пула. И тех интервьюеров.

Как ни ужасно признавать, но если уж быть честным с самим собой, то придется

посмотреть правде в глаза, как она ни ужасна. А правда в том, что, хоть я и не желал быть таким, я таким был. Интересно, всегда ли? Родился ли я таким? Или виновата жизнь с моими родителями? Или, как я подозревал, таким меня сделали письма? Не изложенные ли на бумаге лживые измышления затянули меня в водоворот зла и развратили? Я не знал ответа и, вероятно, никогда не узнаю. Однако в тот момент я увидел себя так ясно, как никогда прежде.

Текли минуты. Часы.

Я дремал.

Я спал, скорчившись на стуле.

И опять проснулся весь затекший. Все тело ныло. В затуманенном мозгу мелькали обрывки кошмара, в котором я сидел за детским столиком в старой школе и сочинял письмо, а у классной доски затаилось нечто темное и неясное, выжидая, когда я закончу, чтобы убить меня. И я мог удерживать это нечто на расстоянии, только продолжая водить ручкой по бумаге.

Краем глаза я заметил какое-то движение под дверью. Неловко повернувшись всем телом, я увидел, как из-под двери в комнату скользнул конверт, и отвернулся. Я и так знал, что в нем было.

Подробное описание моего сна.

В животе урчало, но я проигнорировал и три батончика гранолы,^[2] и стакан виноградного сока, появившиеся на столе. Сделал вид, что не замечаю ручку и бумагу. Я сменил позу, скрестил ноги, напряг ягодицы. Мне уже точно надо было сходить побольшему. Я выждал несколько минут, надеясь, что один из моих охранников, как и раньше, отведет меня в туалет, но никто не появился, и, не в силах больше терпеть, я встал, подошел к двери и дернул ручку.

Как я и думал, дверь была заперта.

Поняв, что они меня переиграли, я колотил в дверь и требовал выпустить меня. Конечно же никто не отозвался.

Вспомнив, как чиновник стучал три раза, я решил воспользоваться его кодом, но ничего не изменилось. Я повернулся спиной и стал бить по двери ногами. Сволочи! Я испражнюсь прямо здесь, и пусть эти придурки за мной убирают. Я начал расстегивать штаны.

Какая-то система наблюдения в комнате точно была, потому что дверь тут же распахнулась, и на этот раз я увидел обоих конвоиров. «Можете пройти в туалет», — хором сказали они, а тот, что справа, как мне показалось, ухмыльнулся.

Я поспешил в туалет, мысленно проклиная обоих. И воду за собой я не спустил.

И на этот раз ухмылялся я. А вернувшись в свою комнату, я тут же сел за стол и придвинул к себе лист бумаги.

Всем, к кому это может иметь отношение.

Я крайне недоволен вашими служащими. Они грубы, эгоистичны и, смею сказать, неквалифицированы. Я никогда прежде не сталкивался с такой шокирующей беспомощностью. Не знаю, чем вы тут занимаетесь, но должен признать, что вы произвели на меня неблагоприятное впечатление. Подобным индивидуумам нельзя поручать столь важную проблему. Эта административная ошибка является следствием плохого руководства. Топ-менеджеры обязаны обеспечивать бесперебойный рабочий процесс. Вы либо не умеете, либо не

желаете работать. Я не испытываю уважения ни к вам, ни к вашему начальству и не собираюсь далее сотрудничать с вашими чрезвычайно некомпетентными подчиненными.

Я подписал письмо, сложил его и сунул в конверт, потом подумал с минуту, встал и подсунул конверт под дверь. И крикнул:

— Передайте это вашему боссу!

Следующие минут тридцать я ходил взад-вперед по комнате, размышляя, попадет ли мое письмо в намеченную цель, и о возможной реакции на него. У меня было достаточно времени, чтобы подумать обо всем, и о самом времени в том числе. Сколько меня здесь держат? По моим ощущениям, три дня, но без часов и без малейших изменений света, без какой-либо информации из внешнего мира мои внутренние часы вполне могли давно сбиться. Я мог спать по часу каждые шесть часов или по двенадцать часов через двенадцать. Определить было невозможно.

Вскоре вопли возобновились. Сначала я подумал, что это может быть магнитофонная запись, психологический метод воздействия на заключенного. Однако, несмотря на толстые стены, на этот раз я отчетливо различал два приглушенных голоса: один низкий и ровный, вроде как читающий нотацию, а другой высокий, страдальческий, срывающийся от страшной физической боли.

Я забарабанил кулаком по стене и завопил:

— Заткнитесь, черт вас побери!

К моему изумлению, они заткнулись. Возможно, простое совпадение, возможно, именно в тот момент закончился очередной этап пыток, и все же я не сомневался в том, что весь спектакль поставлен исключительно ради меня.

Я съел батончики гранолы и выпил согретый виноградный сок. Как только я сделал последний глоток, дверь открылась. Снова вошел тот же чиновник.

— Примите мои поздравления! — бодро сказал он, протягивая мне руку. — Вы успешно прошли курс обучения и теперь готовы работать на нас и писать письма на высшем уровне.

Я неловко пожал его руку.

— К чему именно я готов?

— Идемте. Мы устроили вечеринку в вашу честь. Все хотят познакомиться с вами, поприветствовать. — Он вывел меня из комнаты и быстро зашагал по коридору. — Вам непременно здесь понравится.

— Где здесь?

Мой провожатый остановился перед дверью С и трижды постучал костяшками пальцев. Дверь медленно открылась.

— Вам сюда, а у меня еще дела. Скоро я к вам присоединюсь. Развлекайтесь! — Он энергично пожал мне руку. — Еще раз от души поздравляю!

Я оказался не просто в комнате, а скорее в гостиной дома, обставленной в стиле то ли 1920-х годов, то ли 1960-х. Я был совершенно сбит с толку и на какой-то краткий момент даже решил, что переместился в прошлое, как вдруг из соседней комнаты раздался крик:

«Электронная почта!», сопровождаемый дружным веселым смехом.

Я повернулся, попробовал открыть дверь, но она оказалась запертой.

Мне казалось, что я грежу наяву, и в то же время окружающая обстановка была очень реальной. Невозможно было представить, что тот стерильный коридор и эта приятная, старомодная комната находятся в одном и том же здании, хотя я это прекрасно знал.

И кстати, а где находится это здание? Уж точно не в том жилом комплексе

Шангри-Ла

— в который я так опрометчиво вошел. Несмотря на поздравления и глупое самодовольство — а как же! Я выдержал испытание! — факт оставался фактом: меня одурманили или вырубил каким-то другим способом и перетащили в это место.

Где бы оно ни было.

Впервые за то время, что казалось мне несколькими днями, я увидел окно и быстро подошел к нему. Бесспорно был день, но окрестности тонули в тумане, сквозь который едва проникал слабый солнечный свет. Любопытно. Я осторожно, чтобы не привлечь внимание тех, кто веселился в соседней комнате, потянул вверх оконную створку, высунул голову и сделал глубокий вдох. Я не удивился бы, если бы ощутил гнилостный запах могилы или безошибочный привкус кондиционированного воздуха. Ничего подобного.

Прищурившись, я пытался разглядеть хоть что-нибудь в густом, непроницаемом тумане. Я ничего не увидел, однако появилось ощущение, что это здание — фальсификация. Мне расхотелось увидеть то, что скрывал туман, я даже испытал к нему благодарность.

Я закрыл окно, задернул шторы.

Что же здесь происходит, черт побери? Может, меня подвергли психологической обработке, как Пэтти Херст или военнопленных? Тогда эта фирма связана с министерством обороны, или с ЦРУ, или с каким-то другим ведомством, обеспечивающим национальную безопасность.

Из соседней комнаты донесся новый взрыв смеха, теперь показавшийся мне сердечным, гостеприимным. Собравшись с духом, я открыл дверь и шагнул в помещение, похожее на холл небольшого дома. Здесь разговор звучал громче, я различил отдельные голоса. Мужские и женские. И говорили собеседники — ну, о чем же еще? — о письмах.

Я вошел в следующее помещение.

И попал на вечеринку в духе романов Джона Чивера. Эта большая гостиная могла бы находиться в доме представителей высшего слоя среднего класса. Рядом с камином привалился к стене бородатый мужчина с бочкообразным торсом. В руке он держал бокал, еще несколько бокалов выстроились на каминной полке. С другой стороны камина лицом к нему стояла пожилая, профессорского вида женщина в длинном платье под старину. На диване неловко теснились две хорошо одетые пары, непонятно, знакомые друг с другом или нет. Еще семь-восемь человек самого разного возраста — от двадцати лет до шестидесяти с хвостиком — бродили по комнате. Неопрятный, причудливо одетый толстяк в одиночестве стоял у дальней стены и разглядывал собственные туфли.

Это была очень разнородная группа, объединенная, по-видимому, лишь общим занятием. Я предположил, что они не просто писатели, а Писатели Писем с большой буквы.

Первой заметила меня женщина в длинном платье. Она стояла лицом к лестнице, и, должно быть, движение привлекло ее взгляд.

— Он здесь, — объявила она.

Разговор оборвался, и все присутствующие повернулись в мою сторону. Я смутился и не

знал, что сказать, но женщина подошла ко мне и взяла за руку.

— Если позволите, я вас со всеми познакомлю. — Она подтолкнула меня локтем. —

Между прочим, как вас зовут?

— Джейсон. Джейсон Хэнфорд.

— А меня Вирджиния.

Она вывела меня в центр комнаты и объявила:

— Это Джейсон Хэнфорд. Наш новый Писатель Писем. — Затем она стала представлять меня каждому из гостей в отдельности: — Познакомьтесь с Лео... Билл... Это Джеймс... Джон... Эрнест...

Меня обнимали, мне кивали, мне подмигивали. Мне жали руку. Мы обошли всю комнату и вышли на кухню, где двое пожилых мужчин поедали закуску с серебряного блюда, стоявшего на маленьком столике.

— ...Александр... Томас... — В одной из спален полный цветущий мужчина заигрывал со стройной, строго одетой молодой женщиной. — Чарльз и Джейн.

Мы все вернулись в гостиную. Я огляделся, откашлялся и застенчиво произнес:

— Предполагаю, что все вы Писатели Писем. Как я.

— Не предполагайте, — сказала Вирджиния. — Звучит, как будто мы...

— ...придурки, — устало закончил Лео. — Понимаю. Мы все видели «Странную пару».

Странно было слышать, как этот бородатый аскет говорит о старом телевизионном шоу, но почему-то я немного успокоился.

— Так вы *не* все Писатели Писем? — спросил я.

— Все. Все, — ответила Вирджиния. — Я просто хотела уточнить.

Эрнест, тот, что так и не отлепился от камина, засмеялся.

— Я пишу письма в газеты, — вступил в разговор Чарльз. — Письма редактору.

— Я пишу актерам, писателям и музыкантам от имени фанатов, — признался Джон.

Все начали придвигаться к нам.

— Я пишу рекомендательные письма. — Александр.

— А я пишу политикам. — Томас.

Охваченными оказались все возможные сферы применения писем.

Билл писал письма в «Пентхаус форум» и «Плейбой эдвайзор».

— Я призываю перейти от анального секса к фетишизму, — похвастался он и бросил плотоядный взгляд на Вирджинию. — Хотя, насколько мне известно, вы все еще склоняетесь к первому.

— Вы отвратительны, — отрезала она.

Билл покатился со смеху. Александр покачал головой:

— Вы позорите себя и всех, с кем общаетесь.

— Заткнитесь, черт побери, старый уродливый карлик, — набросился на него Билл.

— Это *вы* заткнитесь! — взревел Эрнест.

Джейн рассмеялась и коснулась моей руки:

— Здорово вы их расшевелили. — Она кивнула на Чарльза. — Некоторые из его писем не попадали в газеты и журналы, потому что вместо них печатали ваши. Если хотите знать, это вызывало ожесточенные споры.

— Правда, правда, — подхватил Чарльз. — Наша работа состоит в том, чтобы писать письма. Это мы должны хвалить, жаловаться, изменять мнения. Ваше вторжение на нашу территорию не могло пройти незамеченным.

Эрнест громко захохотал, наконец отошел от камина и, покачиваясь, вышел в центр комнаты со стаканом виски в руке.

— Не прошло незамеченным? Самый ханжеский эвфемизм, какой я когда-либо слышал. — Эрнест взмахнул рукой, расплескав виски. — *Вы были здесь врагом номер один. Они из кожи вон лезли, пытаясь перецеголять вас. Посылали груды писем, чтобы перебить вашу корреспонденцию.*

— *Только ничего не могли поделать,* — шепнула мне Вирджиния с явным удовольствием.

Джеймс кивнул и серьезно сказал:

— Вы очень могущественны.

Все закивали, зашептали, соглашаясь с его утверждением. Я понял, что эти Писатели Писем знали, кто я такой. Они знали мою работу. Они уважали меня. Черт, некоторые из них, возможно, следили за мной годами. Я обвел взглядом их лица. У меня было так много вопросов, что я не знал, с чего начать.

— На кого вы работаете? — наконец спросил я.

— На фирму, — откликнулся Эрнест.

— Какую фирму? Как она называется?

— Вряд ли у нее есть название, — сказал Джеймс.

— Что конкретно вы здесь делаете?

Вирджиния рассмеялась:

— Пишем письма.

— Мы вроде как... омбудсмены в некоторой степени, — объяснил Джон. — Главным образом мы помогаем людям, дарим голос тем, кто им не обладает, пишем письма от их имени.

— Они не знают, что мы это делаем, — добавил Александр. — Они не сознают, что мы им помогаем. Мы работаем тайно, как ангелы-хранители.

— Куча дерьма, и вы это знаете, — возразил Билл. — Мы пишем письма. Вот и все. Точка. Мы пишем их потому, что умеем и любим это делать, потому что такими мы уродились. И мы понятия не имеем, что за этим стоит. Мы понятия не имеем, куда уходят письма и как их используют.

Билл и несколько других мужчин вяло заспорили.

— Видите ли, — сказала Вирджиния, — нас наняли делать то, что мы любим делать. Разве можно требовать от работы большего?

Я ей поверил. Вроде как поверил.

Однако...

Однако что-то тут было не так. Я снова обвел взглядом присутствующих. Что-то фальшивое, что-то чуть-чуть отчаянное привиделось мне в некоторых улыбках. Я вдруг почувствовал, что это спектакль, предназначенный только для меня, что они вовсе не одна большая счастливая семья и что за напускным весельем таится что-то темное, что-то, чего я не должен видеть.

В дверь постучали. Трижды. И толпа сразу же рассыпалась. Кое-кто вышел на кухню. Вирджиния, как вежливая хозяйка, открыла дверь ипустила чиновника с его папочкой. Эрнест, Билли и Джон обогнули его и выскользнули из комнаты. Я заметил, что за окном стемнело. Может, туман и рассеялся, но в темноте сказать наверняка было невозможно.

Когда сгустился сумрак?

И где мы находимся? На нижнем этаже какого-то офисного здания? В настоящем доме? Не угадаешь. Я совсем растерялся.

— Хорошо проводите время, мистер Хэнфорд? — спросил чиновник.

В первый раз я обратил внимание на то, что мы с ним одного роста. И одного телосложения. Если бы я был актером, он вполне мог бы дублировать меня в трюках. Почему-то он не показался мне таким же милым и дружелюбным, каким был, когда провожал меня на вечеринку.

Джейн повернулась ко мне, одними губами произнесла: «До свидания» — и ушла через парадную дверь.

Через минуту, самое большее две, мы остались одни в комнате, вероятно, во всем доме.

В доме ли?

— Добро пожаловать, мистер Хэнфорд. — Чиновник широко улыбнулся. — Не сомневайтесь, мы ценим ваш талант и хотим не просто использовать его, но и развивать и лелеять его.

— Кто — мы? — спросил я.

Он проигнорировал мой вопрос.

— Вопрос о зарплате можно обсудить, но не волнуйтесь, вы будете щедро вознаграждены. Поскольку поездки из округа Ориндж, мягко говоря, непрактичны, фирма охотно предоставит вам бесплатное жилье и оплатит транспортные расходы. Дом и автомобиль — это основное. Как вы уже обнаружили, у нас здесь богатая светская жизнь.

— Здесь?

И опять он пропустил мой вопрос мимо ушей.

— Думаю, вы будете у нас очень счастливы.

Что-то угрожающее было в этом человеке. Не в нем лично, а в том, что он представлял, а представлял он нечто более грандиозное, и именно поэтому все Писатели Писем разбежались при его появлении.

Мужчина спокойно смотрел на меня, ожидая ответа.

Я промолчал.

— Это принесет гораздо больше удовлетворения, чем компьютерные инструкции.

Я опять не проронил ни слова.

— Не возражаете, если я провожу вас в ваш новый дом?

— Какой новый дом? — не выдержал я.

— Дом, который мы вам предоставляем, — пояснил он, и я обрадовался отсутствию раздражения в его голосе.

— Я останусь в своем доме.

— Но ежедневные поездки...

— Я справлюсь. Если не сложится, если будут перебои с работой, если меня уволят, или фирма обанкротится, или я не выдержу испытательный срок, — полагаю, у вас есть испытательный срок — я не хочу сжигать мосты, — сказал я, подумав, что если смогу вернуть Эрика, то он должен жить в своем собственном доме. А если я верну Викки...

Я придавил разыгравшееся воображение.

— Очень хорошо, — весьма холодно сказал он. — Однако я уверен, вы знаете, что сочинение писем не просто профессия, это призвание, это образ жизни, это...

— В данный момент это новая работа, — оборвал я его лекцию.

Он кивнул, и я решил его больше не провоцировать. Если честно, он начинал

действовать мне на нервы. Я вспомнил вопли в соседней комнате во время его визита и заткнулся.

Я еще раньше почувствовал, что он устроил вечеринку ради меня, но не для того, чтобы ввести в местное общество, а чтобы завербовать меня, завоевать, обратить в свою веру.

Мы вышли на улицу. Туман слегка рассеялся, но было темно, наступила ночь. Галогенные уличные фонари освещали почти пустую автостоянку. За спиной действительно остался не жилой дом, а одна из тех стандартных офисных высоток из стекла и бетона, которую могли возвести как в 1950 году, так и вчера. И возвышалось это здание в шикарном районе, во всех отношениях чрезвычайно далеко от трущоб, где я припарковал машину и вошел в —

Шангри-Ла

— жилой комплекс, однако моя «тойота» стояла на противоположной стороне улицы. Видимо, кто-то пригнал ее сюда.

Мой провожатый сунул мне в руку визитную карточку.

— Явитесь на работу завтра утром. Это ваш первый день, так что не обязательно приходить вовремя. У нас здесь весьма свободный режим. Просто хорошенько выспитесь, позавтракайте и приезжайте в офис. Вам помогут устроиться. — Он протянул мне руку. — Я свое дело сделал. Приятно было познакомиться с вами.

Я пожал ему руку, как будто подписал соглашение.

Он хихикнул:

— Наслаждайтесь.

Жаль, что он не уточнил чем. В общем, я в данный момент знал не больше, чем до его появления. Я проследил, как он вошел в здание, затем развернулся и потащился через стоянку к машине.

Усталый, я въехал на свою подъездную дорожку и, выключив фары, с минуту смотрел на темный пустой дом, в котором еще недавно жил с Викки и Эриком. Печаль охватила меня. Я с тоской думал о том, что потерял и к чему пришел.

Где мое место в жизни? С семьей?

Или там, где я оказался? С другими Писателями Писем? Там, где я буду делать единственное, что умею, отлично умею; единственное, что мне небезразлично?

Я вылез из машины, вошел в дом. Бросил ключи на журнальный столик и, не включая свет, побрел в спальню. Мне хотелось сбежать от всего и ни о чем не думать. Я сбросил туфли, снял брюки и рубашку, залез в постель.

В слишком большую без Викки постель в слишком тихой комнате.

Я должен написать Викки и Эрику.

Я закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся я на рассвете и, таращась в потолок, попытался сообразить, приснились ли мне события последних дней, или все произошло наяву. Нащупав на тумбочке пульт, я включил телевизор. Шоу «Сегодня» привело меня в чувство.

Я сбросил простыни и вскочил с кровати. Как бы там ни было, таким счастливым и энергичным я не чувствовал себя ни разу за весь прошедший год; прямо как Скрудж в рождественское утро. Я натянул халат и в просвет между шторами взглянул на свою машину.

Свою машину.

Моя машина должна быть белой. На подъездной дорожке стояла черная. Не веря своим глазам, я рывком раздвинул шторы. На конце антенны болталась головка попрыгунчика, в углу ветрового стекла виднелась маленькая круглая трещина — след от камешка, слетевшего с грузовика в прошлом году, на номерном знаке — помятая рамка с надписью «Тойота, Ориндж».

И все это на черной машине.

Невероятно! Немыслимо! Я отпрянул от окна и бросился на кухню, стал распахивать дверцы шкафчиков. Хлопья, кофе, сальса, банки с фасолью — мои обычные съестные припасы. Коробки с сухой смесью для кексов и стопки коробок с батончиками гранолы.

Кексы и гранола?

Значит, то был не сон.

Зазвонил телефон. Я дернулся от неожиданности и чуть не растянулся на полу. Телефон висел на стене рядом со шкафчиком для швабры, но я побоялся поднять трубку. Кто —

что

— ждет меня на другом конце провода?

Телефон умолк через три звонка. Я заставил себя пересечь кухню. В холодильнике оказалось три новых пакета апельсинового сока, а я умирал от жажды. Слава богу. Я достал один из пакетов, нашел стакан и налил себе сока. Вынул из шкафчика коробку батончиков гранолы, сел за кухонный стол и стал впихивать в себя еду. В центре стола лежала визитная карточка, маленький белый прямоугольник. Я не помнил, как оставил ее там, и холодок пробежал по моему позвоночнику.

От дурных предчувствий сердце бешено забилося.

Несмотря на все странности, несмотря на охватившую меня тревогу, я хотел писать письма. Я пытался найти разумное объяснение своему желанию, пытался убедить себя в том, что передо мной открывается прекрасная перспектива карьерного роста, но, честно говоря, я просто очень хотел писать письма. Я жаждал писать письма. И новая работа предоставляла мне этот шанс, придавала моей тайной деятельности законность и целенаправленность, освобождала от чувства вины.

Я взял в руки визитку и впервые прочитал то, что было на ней написано. Адрес. Совсем рядом. В Бри.

Но каким образом? У фирмы есть филиал в округе Ориндж? Вчера, предлагая мне служебное жилье, чиновник напирал на то, что мои поездки будут слишком долгими.

Бессмыслица какая-то.

Мне захотелось заползти в постель и спать, спать, спать, пока все это не закончится. Однако желание посмотреть, что будет дальше, одержало верх.

Шкаф в спальне был забит моей одеждой, только многих вещей я никогда раньше не видел. Я надел черные брюки, одну из моих лучших рубашек и выходные туфли. Я нашел бумажник и ключи от моей —

черной

— машины и вышел на улицу. Заперев дом, я сел в машину, завел двигатель и медленно покатил на свою новую работу.

Офис, в который я должен был явиться, находился очень близко, всего в нескольких милях от моего дома. Я выбрал самый короткий путь и, к своему удивлению, встретил очень мало автомобилей. Конечно, час пик уже прошел, но улицы были пустынные, как в три часа ночи и уж точно не как в десять утра. Однако, когда я въехал на автостоянку многоэтажного офисного здания, почти все места были заняты, и мне пришлось припарковаться в дальнем конце у тротуара.

Это было то самое здание, из которого я вышел вчера в Лос-Анджелесе.

Я запретил себе об этом думать.

Мой новый начальник Генри Шварц ждал меня в вестибюле и, увидев меня, помахал рукой, ведь я не знал его в лицо. Он понравился мне мгновенно. Простой, искренний парень. Я безоговорочно поверил ему, словно старому другу. Я оказался среди себе подобных, и, как ни гордился своей оригинальностью, было приятно в конце концов найти родственные души.

— Так что вам рассказывали о нашей работе? — спросил Генри.

— Мне сказали, что я буду писать письма.

Он рассмеялся:

— Конечно, будете. Мы все пишем. Много пишем. — Генри подтолкнул меня локтем. — И уж вы-то знаете, как сильно мы это любим!

Он признал наше родство, и я воодушевился.

— Идемте. Я провожу вас на четвертый этаж, где вы будете работать.

Мы вошли в лифт, совершенно не похожий на тот, в котором я поднимался с двумя конвоирами. И невозможно было представить, что коридор четвертого этажа находится в том же здании, что и вчерашний. Через две двойные двери из матового стекла Генри провел меня в большой, прекрасно обставленный офис и указал на мягкий кожаный диван:

— Садитесь.

— Я постою.

Генри подошел к маленькому бару в стене, налил себе стакан апельсинового сока.

— Хотите? Свежевыжатый.

Я отрицательно покачал головой.

— Итак... полагаю, вам интересно узнать, почему вы здесь, чем вам придется заниматься и все такое, не правда ли?

Я улыбнулся:

— Это приходило мне в голову.

— Мы независимая организация, не связанная ни с правительством, ни с какими-либо корпорациями, ни с учреждениями. Я сказал бы, что мы предоставляем услуги, но услуги подразумевают наличие клиентов и переписку с ними. Клиентов у нас нет. Мы просто

пишем письма. Широкому спектру адресатов на множество самых разных тем. Я полагаю, что нашу фирму можно сравнить с «мозговым центром», только мы не генерируем идеи, не создаем сценарии. Мы используем наши таланты и способности для достижения реальных результатов в окружающем мире. Мы — созидатели.

— Но...

Генри жестом остановил меня.

— Вы — Писатель Писем. Я знаю, что вы понимаете смысл этого термина, но не уверен, осознаете ли вы все его значение и его богатую историю. Мы некоторое время следили за вами, поскольку ваши письма не просто хорошо написаны, они результативны. Они также очень точно направлены и охватывают широкий круг проблем. — Он печально улыбнулся. — К тому же они перебили несколько наших писем, а это очень впечатляющий результат.

Видите ли, *мы* пишем эффективные письма. Конечно, многие люди пишут письма любимым, друзьям и родственникам, а некоторые иногда пишут в газеты или политикам, чтобы пожаловаться о том о сем. Но только наши письма достигают цели, только наши письма читают, только наши письма оказывают воздействие.

Мы — представители древней, благородной и, к сожалению, почти неизвестной традиции. Кто, по-вашему, написал Библию? Писатели Писем. Послание Павла к римлянам. Первое послание Павла к коринфянам. Послание к евреям. Первое послание Иоанна. Писатели Писем с самого начала формировали общественное сознание. Как создавались биографии? Как определялась достоверность исторических событий? Через письма. Письма — тот фундамент, на котором строятся общества. — Генри сжал кулак. — На письмах зиждется наше господство. Письма — наш бизнес, наша сфера деятельности, смысл нашего существования. Поэтому мы можем творить историю; можем определять ход событий. Не любовь правит миром, а письма.

То, что он говорил, было ужасно. Маниакально-эгоистично, если соответствовало истине, и ужасающе, если не соответствовало. Умом я это понимал. Но эмоционально я ощущал себя правоверным на тайном политическом слете. Мне даже хотелось вскочить, выбросить вверх сжатую в кулак руку и выкрикнуть: «Ура!»

Для этого парня и, вероятно, для всех, кто здесь работал, письмотворчество было религией. Я не удивился бы, если бы узнал, что все они посещают церковь, где, опустившись на колени, поют гимны и молятся гигантскому почтовому конверту.

Между прочим, я бы отлично себя чувствовал среди них.

Генри залпом выпил апельсиновый сок и положил ладонь на мое плечо.

— Нам повезло. Мы избранные. Нас призвали продолжать эту благородную традицию. Нам доверили писать письма будущего.

— Но кто призвал? На кого мы работаем? Кто владеет всем этим?

Генри растерялся. Очевидно, он сам не раз задавал себе этот вопрос.

— Я не знаю. Никто не знает.

— Но кто-то же должен...

— Никто не знает, — повторил он, и по его тону я понял, что не следует задавать подобные вопросы. Мне даже послышался в его голосе страх.

— Хорошо. А кто писал те письма, которые я получал; те, в которых описывались мои сны; те, что привели меня сюда?

Генри явно удивился:

— Так вот как вас взяли на работу? Интересно.

— Почему? А вас как наняли?

— Я просто получил письмо, мол, мою работу заметили и оценили. Меня спросили, не хочу ли я писать письма полный рабочий день, и пригласили в некое офисное здание в полночь. — Он улыбнулся. — Представляете, в полночь! Я должен был сразу заподозрить нечто необычное. Думаю, нет нужды говорить, что там никого не было. Правда, дверь была открыта, а когда я вошел, — он обвел рукой кабинет, — то оказался здесь. Ну, не совсем здесь. Но в этом здании, готовый к интервью.

— Вас... вас пытали? — спросил я.

— Нет. А вас?

— Нет. Но я слышал...

Генри захихикал:

— Не доверяйте всему, что слышите. Или видите. Верьте только тому, что читаете.

— Я никогда не верю тому, что читаю. В своих письмах я всегда лгу.

— И все равно они правдивы, — сказал Генри.

Я хотел спросить, что он под этим подразумевает, однако Генри уже выходил в коридор.

— Идемте!

Мы подошли к двери напротив, и Генри открыл ее:

— Здесь вы будете работать.

Не знаю, чего я ожидал, но уж точно ничего подобного. Мы оказались на пороге помещения, похожего на спальню 1950-х. Симпатичная пожилая женщина лежала на кровати и что-то писала в блокноте. В комнате было только три стены, как на киносъёмках или в телевизионном шоу. Мы с Генри стояли на выстланной линолеумом широкой дорожке, проходившей вдоль открытой четвертой стены. По другую сторону дорожки, напротив спальни, виднелся офис в стиле хай-тек с большими окнами, за которыми на фоне неба проступали очертания, я бы сказал, нью-йоркского Манхэттена. За письменным столом сидел широколицый мужчина, почти старик, и энергично стучал по клавиатуре компьютера.

— Люди лучше пишут в комфортной для себя обстановке, — пояснил Генри, кивком указывая на мужчину и женщину.

Оба не обратили на нас никакого внимания, и мы пошли по вьющейся дорожке по казавшемуся бесконечным лабиринту домашних и служебных кабинетов, гостиных и библиотечных отсеков. Я никого не узнавал. Вирджиния и остальные гости с вечеринки, несомненно, работали на каком-то другом этаже. Генри провел меня мимо десяти, двадцати, тридцати индивидуализированных открытых с одной стороны комнат, где трудилось низшее сословие Писателей Писем. Пехота.

Я поймал себя на мысли, что такой огромный «крольчатник» никак не мог поместиться на одном этаже здания, в которое я вошел, но почему-то не подверг свое открытие сомнению. Тогда не подверг. Меня интересовало другое.

Письма.

В конце концов мы добрались до моего рабочего пространства. Генри остановился перед отсутствующей четвертой стеной.

— Вот мы и пришли!

Помещение не было точной копией моего домашнего офиса, даже не комнатой, в которой я жил подростком. Эту комнату я никогда раньше не видел: тесное, странное помещение, которое вполне могло быть кабинетиком в глубине магазина грампластинок.

Стены были оклеены перекрывающимися друг друга постерами разных музыкальных групп и исполнителей, а в воздухе чувствовался едва уловимый аромат старины, за которым пробивался легкий запах подплесневевшего картона: запах старых грампластинок. Сначала я решил, что они совершили ошибку — *Ага! И они совершают ошибки!* — однако почти сразу я понял, что чувствую себя здесь как дома, даже комфортнее, чем в своем собственном доме. На постерах были мои любимые музыканты, их лучшие альбомы, их лучшие туры. Обстановка не вполне мне знакомая, но с которой отчаянно хотелось познакомиться.

Они не совершили ошибку.

Они знали меня лучше, чем я сам себя знал.

Я оглянулся на извилистую дорожку и почему-то подумал о Красной Шапочке, идущей через лес к своей бабушке.

— Я должен проходить весь этот путь каждый день?

Генри рассмеялся.

— Господи! Конечно же нет. Здесь есть дверь. — Он пересек комнату, открыл дверь, которую я принял за дверцу стенного шкафа. Я увидел коридор, а напротив — дверь кабинета Генри. То есть получалось, что моя дверь — та самая, через которую мы сюда вошли.

У меня слегка закружилась голова, но я не потрудился спросить, как это возможно. Мне было безразлично. Я просто кивнул.

— Туалет дальше по коридору, — сказал Генри. — Вторая дверь слева.

Я обошел выдавший виды стол и между кучей музыкальных журналов и коробкой фигурок мультяшных персонажей увидел старую пишущую машинку «Ройял», точно такую, как моя первая. На приставном маленьком столике стоял современный персональный компьютер со струйным принтером. Я уселся в потертое вращающееся кресло, и оно оказалось словно подогнанным к моему телу.

Генри улыбнулся:

— Территория волшебства.

Я поднял на него глаза:

— И что же именно я должен делать?

Он объяснил. Сначала, сказал он, мне будут давать задания: писать определенные письма определенным людям. Инструкции, конечно, мне будут передавать в письмах. Ежедневно. Я буду вскрывать свою корреспонденцию и следовать полученным указаниям. После краткого испытательного срока я стану свободным художником, смогу писать на разные темы без ограничения количества писем и только с самыми общими пожеланиями относительно их содержания.

Я кивнул.

А что, если я не оправдаю их ожиданий? Что, если не смогу представить требуемое количество писем? Что, если мои письма окажутся очень плохими? Я не озвучил эти вопросы, но они вертелись у меня на языке. Пожалуй, если я провалю несколько заданий, меня уволят за непригодностью после испытательного срока.

Или подвергнут пыткам.

И новые рекруты услышат мои вопли.

Опять же мне было все равно. Я любил писать письма. Я сознательно выбрал этот наркотик. Моя мания, как любая другая, поглощала до такой степени, что все остальное меня не трогало. Даже если бы я захотел отказаться от их предложения, то не смог бы это

сделать. Соблазн был слишком велик, а я был слишком слаб. И когда мне поднесли все это на серебряном блюдечке, я не смог устоять.

— У нас тут очень непринужденная атмосфера, — заверил меня Генри. — Как вы сами убедитесь, наша работа не совсем обычная, а мы — не совсем обычные служащие. — Он хихикнул. — Когда я впервые попал сюда, мне казалось, что я умер и попал на небо.

— А сейчас? — спросил я, внимательно глядя на него.

Он улыбнулся и отвернулся, но я успел заметить выражение его лица: иначе как замешательством я бы его реакцию не назвал.

— Мы здесь выполняем важную работу.

Больше Генри ничего не сказал, и я опять понял, что эта тема не обсуждается.

Я высвободился из уютных объятий рабочего кресла.

— Итак... когда я должен приступить к работе?

— Сейчас, если не возражаете.

— Рабочее время?

— Как захотите. Большинство из нас занято с утра часов до трех дня, жесткого регламента нет. Вначале вы будете работать столько, сколько потребуется для выполнения ваших заданий. А потом... — Он пожал плечами.

— А что мне делать в свободное от работы время?

— Да что пожелаете. — Генри положил ладонь на мое плечо, и я снова почувствовал нашу неразрывную связь. — Мы говорим — работа, но на самом деле это не так. Это жизнь, новая жизнь, предел мечтаний таких людей, как мы. — Он с улыбкой протянул мне конверт. Должно быть, Генри давно держал его в руке, но я его не замечал, и теперь конверт словно появился из воздуха, как по волшебству. — Держите. Почему бы вам не заглянуть внутрь?

Я разорвал конверт, вытащил листок бумаги с отпечатанным текстом и прикрепленной к нему газетной вырезкой.

Мое первое задание: я должен написать письмо от имени людей, живущих по соседству с недавно реконструированным автодромом. Из-за судебных исков по поводу ночных гонок и слишком высокого уровня шума трасса была закрыта почти десять лет. Недавно хозяева автодрома и домовладельцы урегулировали спорный вопрос, однако, судя по изложенному в газете, довольны были не все. Жители, чьи дома находились у самой трассы, возмущались предательством соседей.

— Я должен приступить прямо сейчас? — спросил я.

— Безусловно. Я буду в своем кабинете напротив. Заходите, когда закончите.

Я перечитал статью, просмотрел инструкции. Меня обрадовало отсутствие ограничений; мне не указывали, что и как написать, с какой стороны подступиться к проблеме. Я откинулся в кресле, раздумывая, чем воспользоваться: пишущей машинкой или компьютером, и в конце концов предпочел пишущую машинку. Именно с простой машинки началась моя эпистолярная карьера, и казалось естественным начать с нее новую главу моей жизни.

Я адресовал письмо владельцу автодрома:

Мистер Малдун!

Не знаю ничего более бессмысленного, чем часами смотреть, как машины кругами носятся по трассе. Тупицы, находящие в этом удовольствие, без пользы тратят отпущенный им жизненный срок, а потому достойны лишь сожаления. Вы

пользуетесь слабостями этих слабоумных, и Вашему цинизму нет оправдания. Еще более отвратительно то, что Вы тратите нечестным путем нажитые деньги на запугивание честных, законопослушных граждан, к тому же Ваших соседей.

Я без стеснения обвинил старого козла в продажности, лживости и практически во всех смертных грехах, кроме разве что изнасилования собственной мамочки. К тому же я намекнул, что знаю несколько его грязных секретов и не прочь поделиться ими с общественностью — если, конечно, он не согласится продать автодром и на вырученные средства построить аналогичный где-нибудь в другом месте.

Письмо я накатал за пять минут, потом перечитал его. Мое послание вряд ли повлияет на мировоззрение парня, но заставит его задуматься. И это лишь первый залп в спланированной мною короткой и грязной войнушке. Если владелец и не перенесет автодром, то к концу боевых действий по меньшей мере согласится построить звукоизоляционную стену между своей собственностью и соседними домами. Раз уж он создал эту проблему, то пусть решает ее за свой счет.

Я пересек коридор и постучался в дверь кабинета Генри.

— Войдите, — откликнулся он после первого же моего стука, и я вошел.

— Я закончил.

— Отлично!

Я протянул листок.

— Хотите прочитать? Просмотреть?

Генри отмахнулся:

— Нет. Вы — Писатель Писем. Вы знаете, что делаете. Просто отошлите его.

Я вернулся к себе, порылся в столе, нашел ручку, конверт и рулончик марок. Подписав письмо вымышленным именем, я написал на конверте адрес, запечатал и прилепил марку. Генри ждал меня в коридоре.

— Здесь где-нибудь есть почтовый ящик?

Генри ухмыльнулся. Как мне показалось, в его глазах заиграли насмешливые огоньки.

— В конце коридора. Идемте, я провожу.

Мы вышли в просторный коридор.

— Туалет, — объявил Генри, указывая на очередную дверь.

В конце коридора он остановился, и только тут я обратил внимание на нечто, очень похожее на церковный алтарь. Барельеф из писчих перьев и свитков, ручек и листов бумаги, пишущих машинок и принтеров образовывал арку в квадратном пространстве стены, но издали резьба, совпадавшая по цвету со стенами и потолком, была незаметна. Дорожка резных конвертов вела к отверстию в центре стены — щели почтового ящика, окаймленной металлом, похожим на чистое золото.

— Вот сюда мы бросаем наши письма, — почтительно произнес Генри, с благоговением коснувшись пальцем щели.

Я прекрасно понимал его чувства. И я много раз с благоговением смотрел на почтовые ящики, как на отдельно стоящие синие, словно часовые, возвышавшиеся на перекрестках, так и на маленькие прямоугольные щели в стене почтового отделения, ведущие прямо к сортировочным машинам. Таким, как мы, почтовые ящики служили талисманами, магическими порталами, сквозь которые наши творения отправлялись к пунктам назначения.

Я бросил свой конверт в щель, и он провалился совершенно бесшумно, без громкого хлопка о дно ящика, обычно сопровождающего приземление первого за день конверта. Мое письмо мягко коснулось предыдущей корреспонденции.

Генри ласково потрепал меня по плечу, явно понимая мои чувства. И опять от сознания нашего духовного родства по моему телу разлилось приятное тепло.

— Вам здесь понравится, — сказал Генри. — Вы прекрасно приспособитесь.

2

Я завел новых друзей.

Не сразу, потому что в первые несколько недель у меня не было такой возможности. Я, естественно, встречался с сотрудниками в вестибюле или на автостоянке, поднимался с ними в лифте и всегда выдавливал улыбку, кивал или здоровался, но по большей части проходил прямо в свой кабинет, сочинял письма, а после работы сразу ехал домой. Мне нравился Генри Шварц, мы отлично ладили, и мы оба были Писателями Писем. Я понимал, что его положение мало отличается от моего и всех других служащих, но мы не стали и не могли стать друзьями. Он был моим начальником, и, если бы ему предстояло выбирать, он выбрал бы фирму, которой явно был фанатично предан.

А я особой преданности к фирме не испытывал.

Не поймите меня неправильно. В профессиональном отношении я не мог бы быть счастливее, и если бы удалось вернуть Викки и Эрика, то считал бы свою жизнь идеальной.

Только моя новая работа была слишком хороша, если в этом «слишком» был какой-то смысл. И как я ни любил ее, как в ней ни нуждался, в глубине души я ощущал какую-то неправильность. Похожие чувства у меня возникали в детстве после Хеллоуина. На праздник я, как принято, ходил по соседям и выпрашивал угощение, угрожая какой-нибудь проделкой и приговаривая «кошелек или жизнь», а весь следующий день, первого ноября, ел конфеты, собранные накануне. «Марс» на завтрак, «Милки уэй» на обед, «Сникерс» на ужин. «Баттерфингер» — в любой момент. Настоящий свинячий рай. Правда, более разумный и ответственный внутренний голос напоминал, что неплохо бы уравновесить весь этот сахар нормальной едой: хлебом или фруктами, мясом или овощами.

А через несколько месяцев, при очередном визите к стоматологу, приходилось ставить как минимум еще одну пломбу.

Вот о чем я вспоминал.

Все было здорово. Мне очень нравилось.

Но я знал, что это неправильно.

И другие знали.

Постепенно недовольные проявили себя. На третьем этаже я нашел то ли кафетерий, то ли буфет для сотрудников с такой изысканной кухней, что его вполне можно было назвать рестораном. Там я впервые и встретил Стэна Шапиро. Стэн был старше меня и работал здесь еще со времен Рейгана, обрушиваясь со злобной критикой на каждого успешного президента. Темой всех его писем была космическая программа. Он обожал свою работу и верил всему им написанному, однако в какой-то момент у него возникло непоколебимое убеждение в том, что его письма не достигают адресата, что его заставляют думать, будто он пишет письма президенту, дабы успокоить и лишить возможности на самом деле писать

письма президенту.

Все это я знал уже через полчаса после знакомства, а к концу нашего совместного ленча, примерно час спустя, мне казалось, что мы знакомы целую вечность. Стэн, эксцентричный, циничный и озлобленный, очень мне понравился.

Через несколько дней в том же кафетерии Стэн познакомил меня с Элен Дикерсон и Фишером Коксом. И Элен, и Фишер работали здесь сравнительно недавно, всего несколько лет. У них был роман, последние полгода они жили вместе, хотя раньше у нее был муж, а у него — жена. Письмотворчество разрушило старые связи, а здесь эту пару свели тоска, удобство и отчаяние. Оба они с готовностью признали, что, если бы представилась возможность, моментально воссоединились бы с прежними супругами.

Я подумал о Викки, подумал об Эрике.

— Странно, — сказал Фишер. — Эта фирма создана специально для нас, и она великолепна. Как будто мы сами ее придумали. Все здесь крутится вокруг писем — центра наших жизней. Однако... — Он покачал головой. — Иногда этого недостаточно, не так ли?

Я, как и все остальные, прекрасно его понимал. В тот вечер мы собрались у Стэна и всю ночь провели в разговорах. Конечно, мы слишком много выпили и слишком разоткровенничались, зато очень быстро сблизились.

Несмотря на одолевавшие нас сомнения, несмотря на высказанные тревоги и невысказанный страх, мы все любили свою работу. А как же иначе? Наши телевизоры принимали программы со всего света, мы располагали роскошной фильмотекой и имели доступ ко всем печатным изданиям в мире. Более тесной связи с текущими событиями и представить было невозможно. Своими письмами мы диктовали тенденции в моде, музыке, литературе, архитектуре, искусстве. Мы раскачивали политические качели, поскольку в письмах-инструкциях нам приказывали писать противоречивые жалобы и предложения, чтобы добиваться совершенно противоположных результатов. Мы обсуждали наши творения, написанные как по собственной инициативе, так и по указаниям свыше, но мы не имели никакого представления о том, чем занимаются другие, и уж тем более «разработчики», как называл их Стэн. Я ни разу не встретил ни одного гостя с той первой вечеринки, но я знал, что они где-то рядом, и часто спрашивал себя, что пишут они и противоречит ли их работа моей собственной.

— *Вы были здесь врагом номер один,* — сказал мне тогда Эрнест.

— *Вы очень могущественны,* — признал Джеймс.

Я чувствовал свое могущество. И мне это нравилось.

Я все больше и больше времени проводил на работе, все меньше и меньше времени — дома. А что у меня осталось, кроме работы? Я все реже звонил Эрику, а потом, по запрету адвокатов, как моих, так и Викки, вообще перестал звонить. С Викки я общался через третьих лиц: она разговаривала со своими адвокатами, ее адвокаты разговаривали с моими адвокатами, а уже те — со мной. У меня не было личной жизни, не было семьи, и реальность с каждым днем казалась мне все менее реальной. Я предпочитал смотреть на мир через телевизионный экран или глазами репортеров, сообщения которых читал в прессе.

И писал о том мире письма.

Как ни странно, я начал понимать, насколько трудно зарабатывать на жизнь творчеством. Большинство людей реализует творческие способности, оставляя веселые сообщения на автоответчиках или забавные комментарии в семейных видеофильмах или меняя интерьер своих домов. Необходимость творить по заказу изо дня в день, неделю за

неделей оказалась тяжким испытанием, лишаящим большей части удовольствия. Теперь я писал письма не потому, что у меня появлялось желание или вдохновение, а потому, что это была моя работа. Сложившаяся ситуация заставила меня по достоинству оценить тех плодovitых авторов, которые, невзирая на суровые жизненные обстоятельства, в разные периоды истории человечества непрерывным потоком выпускали в свет блестящие многостраничные творения.

Я словно бежал по замкнутому кругу. Кажется, есть какие-то животные, то ли хомяки, то ли крысы, которые, если их не остановить принудительно, будут бесконечно повторять одни и те же действия, пока не умрут от истощения? Вот и я был таким. Возможно, на подсознательном уровне однообразная работа начинала меня утомлять, но инстинкт заставлял писать. Именно инстинкт, а не условный рефлекс подгонял меня и всех остальных.

И мы продолжали выполнять свою работу.

3

Если не считать нашего офисного здания, Бри казался на удивление опустевшим городом. Мы никогда не ходили по магазинам: продукты просто привозили на дом в наше отсутствие, холодильники заполнялись, как мини-бары в гостиничных номерах. Меня иногда охватывало тревожное предчувствие, что если я загляну в один из продовольственных магазинов, то никого и ничего там не обнаружу, что эти магазины — просто фальшивые фасады, как в кино.

То же самое с окрестностями моего дома. Я видел автомобили на подъездных дорожках, свет в окнах по вечерам, я даже слышал звуки работающих в соседних домах телевизоров, магнитофонов и радиоприемников, до меня доносился шум газонокосилок, но я ни разу не видел ни одного человека и часто ловил себя на мыслях о том, что вокруг никого нет, что весь мой район — фальшивка, созданная лично для меня, и что мой дом — единственный обитаемый дом в округе. Однако я слишком боялся постучаться в чужую дверь и проверить свои домыслы. Иногда я убеждал себя в том, что все вокруг реально, все нормально, но иногда за безобидным фасадом не мог не видеть кошмарных чудовищ, и тогда я запирал все двери и окна, задергивал шторы и таранился в телевизор, боясь взглянуть на окрестные дома.

Я больше не видел такого тумана, как во время вечеринки, но часто размышлял, не затаился ли он за какой-то дальней границей этой псевдореальности.

А может быть, я просто сходил с ума.

И самое странное: все мои приятели жили в округе Ориндж в точной копии своего прежнего окружения. Стэн раньше жил в Бруклине, и его нынешние дом и улица были идентичны бруклинским. Элен и Фишер, приехавшие, соответственно, из Кливленда и Атланты, теперь обитали вместе в доме Фишера, но их новые дома также были точными копиями их далеких домов. Я же прожил здесь всю свою жизнь и никогда не сталкивался ни с чем подобным. Округ Ориндж словно стал невероятной смесью дюжин различных географических регионов и, должно быть, с неба смотрелся причудливым игрушечным набором маленького ребенка, который отдельные части сложил наобум.

Как-то я все же принялся расспрашивать Генри и, хотя обычно беседы с ним ободряли меня, на этот раз он не ответил ни на один из моих вопросов, а у меня сложилось

впечатление, что он просто не знает ответов.

А даже если и знает, то боится ответить.

Я скучал по своим пластинкам.

Моя коллекция исчезла, и, хотя я знал, что виновата фирма, не мог понять, зачем им это понадобилось. Просто в комнате, где я хранил свою коллекцию, вдоль стен вместо стеллажей теперь стояли диваны и другая мебель. Вместо стереопроектора появился еще один телевизор. Раньше я постоянно слушал музыку и, хотя часто пользовался плеером, любил крутить старые пластинки. Не проходило недели, чтобы я не порылся в своих завалах и не вытащил какую-нибудь жемчужину прошлого.

Теперь я был вынужден жить настоящим. Мою жизнь лишили той глубины, что придавали ей пластинки. В доме было полно книг, и я мог читать их и перечитывать, но единственной доступной мне музыкой теперь была транслируемая по радио или на музыкальных телеканалах. И об этом я спросил Генри, но он изобразил неведение и возмущение и предложил мне заявить в полицию об ограблении. У меня возник соблазн последовать его совету... только почему-то все не находилось свободного времени. Ни на это, ни на то, чтобы прогуляться, как прежде, по моим любимым благотворительным магазинам со старыми пластинками.

Я решил, что таким образом меня заставили сосредоточиться на работе. Писатели Писем не должны расплывать свое внимание; они должны концентрироваться на настоящем, и, даже если кто-то вломился в мой дом и украл мои вещи, то есть совершил преступление, ну, он сделал это с добрыми намерениями.

Однако мне казалось, что за пропажей кроется нечто большее: мои пластинки были украдены потому, что слишком много для меня значили, были слишком для меня важны. Если возможность писать письма служила пряником, то это был кнут. Очевидно, я не должен был забывать, что нахожусь целиком во власти корпорации.

Мне очень не хватало моих пластинок, и я часто замечал, что тихо напеваю, когда нахожусь дома один, пытаюсь оживить музыку, как герои из «451 градус по Фаренгейту» пытались оживить книги.

Но еще больше, чем по пластинкам, я скучал по Викки и Эрику.

Я писал им письма. Я каждый день писал им письма, рассказывал, чем занимаюсь, как люблю их. Я изливал на бумаге душу, зная, что если они получают мои послания, то поймут.

Если.

Ибо я понятия не имел, доходят ли до них мои письма. Я бросал конверты, адресованные Викки, в почтовый ящик вместе с моими ежедневными творениями, но, что с ними происходило дальше, я не знал и не мог узнать.

Я просто надеялся и продолжал писать письма.

И не получал никаких ответов.

Пожалуй, самым близким моим другом был Стэн. Наша группка постепенно расширялась. Появился парень из Сан-Франциско по имени Шеймус, примерно моих лет и так же увлеченный музыкой, однако не поддающаяся четкому объяснению связь со Стэном основывалась не на возрасте, не на похожем прошлом или общности интересов, а на родстве душ.

Как-то наша «компашка», как мы ее называли, разбрелась по рабочим местам, а мы

задержались в кафетерии, пили пиво и перемывали приятелям косточки. Накануне ночью мне опять приснился цирковой шатер с распятым Христом, и на этот раз кошмар был более реальным, чем прежде. Все утро я только о нем и думал.

— Ты религиозен? — спросил я Стэна.

— Не знаю. Думаю, до некоторой степени. Или был. Меня воспитывали в иудейской вере, но потом я интересовался буддизмом, христианством, посещал общество самопознания Парамахансы Йогананды — в общем, пытался найти свою религию.

— Тронула ли тебя какая-нибудь из христианских религий? В глубине души ты во что-нибудь веришь?

— А в чем дело?

— Прошлой ночью мне приснился сон. Я видел тело Христа. Распятое. Гниющее. В цирковом шатре в пустыне. Я и раньше его видел. Это повторяющийся сон. Только в этот раз два старика по обе стороны от него писали письма. И... — Я покачал головой. — Не важно. Дело в том, что я сразу узнал Его. Я поверил, что Он сын Бога. И я знал, что Он мертв. Я чувствовал ужасную вонь Его тела. — Я плотнул пива. — Я чувствовал эту вонь, даже когда проснулся. Что, по-твоему, это значит?

— Я не знаю. А ты христианин?

— Нет, не совсем. По крайней мере, я так не думаю. Но... должен признать, меня это выбило из колеи.

— У меня тоже был похожий сон, — признался Стэн.

Белобородый старик за соседним столиком, явно подслушивавший наш разговор, придвинул свой стул поближе.

— Сократа привязали к каменной плите и отдали на растерзание зверям.

— Откуда вы знаете, что это был Сократ? — спросил Стэн.

Старик кивнул в мою сторону:

— А как он узнал Иисуса? Я просто знал. Кроме того, я специалист по древней истории Был.

— И что все это значит? — не выдержал я.

— Они не писатели, — ответил старик.

Я молча уставился на него.

— Правда-правда. Их труды сохранились благодаря чужим письменным пересказам, но сами они не были писателями и уж точно не были Писателями Писем. Думаю, за это их и покарали.

Мы помолчали с минуту, обдумывая услышанное.

— В этом есть смысл, — согласился Стэн. — Отвратительно, но в этом есть смысл.

Действительно. Письмотворчество правило этим миром. Можно было бы выдвинуть разумные возражения, но мы купились, мы поверили.

Я задал вопрос, мучивший меня с той самой ночи, когда впервые увидел проклятый шатер:

— Бог есть?

Старик хрипло рассмеялся:

— Если есть, то лучше бы был Писателем Писем, иначе ему в конце концов зажмут яйца тисками.

А у нас есть талант, дар, проклятие — название не имеет значения, — и все мы оказались здесь, в этом изолированном мирке. Действительно ли мы защитники не умеющих

писать письма... или их палачи? Мы призваны помогать или мешать? Чьи планы мы воплощаем в жизнь своими словами?

Я не знал ответа, и, честно говоря, меня это не очень волновало. Несмотря на все свои сомнения, я занимался любимым делом, занимался тем, ради чего родился. Может, некоторые из моих писем и причиняли людям вред, разрывали взаимоотношения, приносили несчастье — меня это не трогало. Ни раньше, ни теперь. Даже усталость и скука, наваливавшиеся иногда после однообразных, бесконечных дней и недель, перемежались столь обожаемыми мною радостью и волнением. Я вспоминал свое прошлое и понимал, что уже испытывал подобные приливы и отливы.

Я написал письмо женщине, чей сын погиб, выполняя миротворческую миссию, от имени его друга, служившего в том же взводе.

Уважаемая миссис Симмонз!

Я был рядом с Джошем, когда он погиб, и хочу, чтобы Вы знали: он умер ужасной, мучительной смертью. Он умер, проклиная Вас. Я не знаю, что Вам официально сообщило командование, но правда заключается в том, что Джош визжал, как поросенок; он мочился и испражнялся в штаны и кричал, что никогда не хотел идти в армию, что это Вы его заставили, что это Ваша вина. Вы забили ему голову патриотическим вздором. Перед тем как испустить дух, он выкрикнул: «Будь проклята моя мать! Будь проклята старая шлюха! Будь проклята мерзкая ведьма!» Умирая, он ненавидел Вас.

Я просто подумал, что Вы должны знать.

Джош хотел бы, чтобы Вы знали.

Я понимал, что старая миссис Симмонз, поверив в свою вину в гибели сына, будет мучиться до конца дней, проживет остаток жизни в эмоциональной агонии, но мне это нравилось. Я чувствовал такую же власть, как во времена давней борьбы с городским советом. Я понимал, что, несмотря на все самокопания и попытки самосовершенствования, я все так же порочен. Эпистолярное творчество проявляло во мне все самое худшее, а здесь мне не просто позволяли в полной мере потворствовать своим желаниям; подобный экстремизм поощрялся.

Мои письма были официальными и язвительными, грязными и гневными и полными страсти.

Вот что я творил.

Вот кем я был.

Рядом с нашим офисным зданием, на бывшем пустыре, вырос новый жилой огороженный комплекс, принадлежавший фирме. Мои друзья и коллеги бросали свое жилье и один за другим, воспользовавшись щедрым предложением нашего нанимателя, перебирались в бесплатные дома. В конце концов и я не устоял. Я не продал и не сдал свой дом, как многие другие, и, с помощью Стэна, Шеймуса и Фишера, перевез свои пожитки.

Новый дом был поменьше, но полон воздуха и света, с высокими потолками и современной кухней, отлично приспособленной для моих холостяцких кулинарных возможностей. Что касается кабинета, то создавалось впечатление, будто он спроектирован именно для меня, и я опять разнервничался.

С собой я взял только то имущество, относительно которого был уверен, что оно точно мое. Многие вещи Эрика я отправил ему через неделю после его и Викки отъезда, а кровать, комод и еще кое-что из мебели, как и вещи Викки и все, что мы купили вместе и что могло быть ей дорого как воспоминания, я оставил дома, и сделал это намеренно, надеясь пообщаться с Викки. Я написал ей письмо, вернее, ее адвокатам, сообщив, что освободил дом. С завершением бракоразводного процесса дом, скорее всего, достанется ей, и я надеялся, что, узнав о том, что дом свободен, она вернется.

Именно поэтому я и переехал.

Я хотел, чтобы Викки вернулась в Калифорнию. Я хотел, чтобы она и Эрик жили поблизости.

Две следующие недели я звонил адвокатам каждый день, пытаюсь выяснить, отозвалась ли Викки, сообщила ли о своих намерениях, собирается ли вернуться. Я убеждал себя в том, что ее возвращение — вопрос времени. Ее жизнь, ее друзья здесь, а родители наверняка ее уже достали. Однако никакой реакции я не дождался. Гробовое молчание. В конце концов Лу Стивенз, адвокат, улаживавший большинство моих проблем, велел мне прекратить звонки.

Я прекратил звонить.

Но я не прекратил писать письма. Я не знал, доходят ли они до Викки, но надеялся, ведь даже если Викки их не читала, то хотя бы не отсылала мне.

Я счел это хорошим предзнаменованием.

К своему изумлению и даже некоторому ужасу, я наслаждался жизнью в новом комплексе, отгороженном от мира высоким забором. Мне нравился мой маленький дом, мне нравилось жить рядом с друзьями. Это был наш собственный городок, содружество Писателей Писем, и, как ни неприятно признавать, я чувствовал себя хорошо, комфортно, правильно.

Стэн, конечно, все время ворчал. Он первым клюнул на бесплатное жилье, но, как обычно, за каждым углом ему мерещились заговоры. Любой инициативе фирмы он приписывал преступные мотивы, какими бы альтруистическими они ни выглядели.

Нельзя не отметить одну странность. Еще в колледже я купил невысокий белый книжный шкафчик и с тех пор повсюду возил его с собой. Я держал его в кабинете рядом с

компьютерным столом.

Только когда я перевез его в новый дом и распаковал, он был не белым, а из темного поддельного дерева. Я спросил и Стэна, и Фишера, и Шеймуса, не видели ли они мой белый шкафчик и не знают ли, откуда взялся этот, темный. Они не знали.

Я поставил темный шкафчик в своем новом кабинете рядом с компьютером, достал из ящичков книги и расставил на полках. И выбросил случившееся из головы так же, как и цвет моей машины и несколько других мелких несоответствий, с которыми время от времени сталкивался. Я предпочитал об этом не думать.

Однако я вспомнил об этом позже.

2

Я получил письмо от Киоко.

Хотя моя детская подруга по переписке фигурировала в заявлении Викки на развод, в сумятице последних событий я почти забыл о ней. И Киоко не беспокоила меня после нашего с Викки расставания, как будто единственной ее целью был наш развод. Однако теперь она просила о встрече. Никаких сексуальных сцен; лишь невинные расспросы. По ее словам, она хотела просто повидать меня.

Только я с ней встречаться не хотел. Я даже не хотел с ней переписываться. Я слишком устал. Мне хватало ежедневной рабочей писанины. Вечерами я жаждал расслабиться и побездельничать.

Нет, это не вся правда.

Я винил Киоко в том, что она разрушила мою семью.

Именно поэтому я не ответил ей. Именно поэтому выбросил ее письмо.

Через неделю она написала снова, но я даже не вскрыл конверт и выбросил письмо, не читая. Видимо, она поняла намек, потому что больше писем я от нее не получал.

3

Правда, я начал получать другие письма.

4

Дорогой Джейсон!

Я следила за тобой прошлым вечером, когда ты ужинал. Макароны с сыром. Было вкусно? Ты не улыбался, поэтому я не поняла, понравилось ли тебе. А потом ты слепо таращился на телеэкран. По-моему, та серия «Друзей» была очень интересной, но ты почти не реагировал.

Зато ты явно наслаждался, лаская себя. Ты точно был на седьмом небе! О чем ты думал тогда? Я видела, как ты левой рукой держался за яйца, а правой поглаживал пенис. Кого ты представлял себе? Викки?

Или меня?

В конце концов я это выясню.
С любовью,
твоя тайная поклонница

5

Дорогой Джейсон!

В мозгах Стэна и Фишера одно дерьмо. И даже не слушай болтовню Шеймуса и Франко. Только Элен и Бет хоть что-то соображают. А остальные? Кто может тебя понять?

Я слушала ваши разговоры вчера в доме Стэна. Помнишь, как ты смотрел в окно, сунув в рот горсть чипсов? Ты же смотрел прямо на меня!

Однако, хотя ты не мог меня видеть, я могла видеть тебя.

Ты очень милый.

С любовью,
твоя тайная поклонница

6

Дорогой Джейсон!

Держу пари, ты скучаешь по своим пластинкам, кассетам и дискам. В наши дни по радио передают такую муру. Интересно, почему тебя лишили твоей коллекции? У меня ничего не забрали. А как насчет твоих друзей? Ты действительно считаешь их своими друзьями? Не думаю, чтобы у них забрали что-то личное. Почему выбрали тебя? Ты никогда над этим не задумывался?

Я задумываюсь.

Прошлой ночью я видела тебя голым. После душа. Ты забыл обернуть бедра полотенцем, когда вышел из ванной за трусами. Какая эрекция! Ты играл с собой в душе? Или просто помыл пенис и он восстал?

Мне он очень понравился!

Может, когда-нибудь ты позволишь мне помыть его?

Между прочим, что за песенку ты напевал? «Для девушек все иначе» Джо Джексона? Обожаю Джо Джексона!

С любовью,
твоя тайная поклонница

7

Дорогой Джейсон!

О, какой потрясающий сон приснился тебе прошлой ночью! Первая часть была жутковата: дом с призраками, бескрайнее болото и все такое. Но та, вторая часть! Когда ты заставил Бет подставить тебе задницу, а Фишер наблюдал за вами!

Честно признаюсь, я возбудилась. Очень!

Мне тоже кое-что приснилось. И в моем сновидении был ты. Конечно, ты был голым, но это был не совсем сексуальный сон, во всяком случае, не такой, как у меня обычно бывает. Просто ты жил в моем доме и делал всю домашнюю работу: мыл посуду, стирал белье, вытирал пыль, подметал, пылесосил. Странно, не правда ли?

Я вчера заглянула в твой холодильник. У тебя заканчивается молоко. Ты любишь молоко, дорогой? Многие мужчины любят молоко, а вот женщины — нет. Я думаю, это потому, что у женщин есть сиськи, а молоко вырабатывается в сиськах, и это довольно противно.

Мне как-то приснилось, что, овладевая мною сзади, ты доишь меня, как корову.

Держу пари, тебе бы это понравилось!

Да, у тебя и масло кончается. И мясной рулет.

С любовью,

твоя тайная поклонница

8

Анонимные письма всегда вызывают тревогу, однако, хотя теперь они регулярно приходили дважды в неделю, я никому о них не рассказывал. Даже Стэну. Автором мог оказаться любой из моих приятелей, и, пока я не знал наверняка, подозревались все.

Правда, похоже было, что автор — женщина.

Элен? Бет? Или недавно появившаяся и вечно недовольная Керри? Вряд ли. Я понятия не имел, кто мог писать мне те письма, даже не догадывался, и это меня тревожило.

Подростком я видел по телевизору один старый кинофильм. Две девчонки в шутку наобум звонили людям по телефону и говорили что-то вроде: «Я видела, что ты сделал, и знаю, кто ты». Люди с катушек слетали. Кончилось тем, что девчонки позвонили парню, который только что совершил убийство. Парень решил, что они — свидетельницы, и стал за ними гоняться.

Теперь-то я понял реакцию людей в том кинофильме. Прямая угроза не обязательна. Знаний об интимной стороне жизни вполне достаточно, чтобы свести человека с ума. Я стал ловить себя на том, что на работе, дома, повсюду, как телохранитель, зыркаю по сторонам, надеясь заметить пару незнакомых глаз, тайно следящих за каждым моим движением. Я наблюдал за всеми встречными-поперечными, пытаюсь определить, не уделяют ли они мне слишком много внимания. В самой большой толпе я чувствовал себя одиночкой, а оставаясь один, ощущал чей-то пристальный взгляд.

Я и Генри не рассказал о тех письмах, но задал ему вопрос о корреспонденции вообще. В нашем жилом комплексе я ни разу не видел почтальона, хотя начал получать письма, в частности ответы на свои жалобы.

— Почтовая система в отличном состоянии, — рассмеялся он. — Она должна соответствовать всему механизму, не правда ли?

Я с улыбкой кивнул.

— Как ты, вероятно, догадался, у нас отсутствует обычная, ежедневная доставка. Фирма

отфильтровывает все неважное: рекламные листки и все такое, оставляя ответы на вопросы или жалобы и, конечно, журналы и газеты. Все, что для тебя приходит, немедленно доставляется тебе на дом.

Вернувшись с работы домой, я решил не вскрывать очередное анонимное письмо. Я узнал почерк на конверте и по привычке, сохранившейся от прежней жизни, разорвал и выбросил нераспечатанный конверт. Как всегда, незначительный акт неповиновения взбодрил меня, и, совершенно счастливый, я отправился на кухню разогревать к ужину замороженную пиццу.

День был длинным. Я попытался — письмами — отомстить за убийство корейского подростка русским лавочником, на что ушло много сил. Ни один из участников конфликта не был силен в английском, и мне трудно было подделаться под человека, плохо знающего английский язык. Стэн пригласил меня на просмотр нового фильма о Джеймсе Бонде, но я слишком устал и отказался и провел вечер дома: смотрел по телевизору старые фильмы и читал компьютерный журнал.

В тот вечер перед тем, как принять душ и смыть дневную усталость, я тщательно проверил ванную комнату, но не нашел ни дырочки, ни щелочки, через которые за мной могли бы подсматривать. Я как следует зашторил окно и обследовал круглый светильник в потолке, но и там спрятанной видеокамеры не обнаружил.

Потом я быстро ополоснулся, сразу же обмотался полотенцем и прямо под полотенцем натянул трусы.

Черт побери ту Писательницу Писем.

Теперь я знал, что чувствуешь, оказавшись на другом конце письменной цепочки.

Я надел пижаму, прошел в спальню и уже собрался включить телевизор, как услышал снаружи странный шум: пронзительный вопль, который мог издать как человек, так и зверь. Отдернув штору, я выглянул в окно как раз в тот момент, когда с неба свалился голубь —
— *прямо к ногам ведьмы.*

Старая карга стояла на моей парадной лужайке и злобно на меня таращилась. Я невольно вскрикнул от страха и быстро задернул штору. Какого черта она тут делает? Почему она здесь?

Она умерла.

Собравшись с духом, я чуть-чуть раздернул шторы и выглянул в щелочку. Голубь лежал на лужайке, но ведьма исчезла.

Динг-донг.

Звякнул мой дверной звонок.

Я свернулся под одеялом, как маленький ребенок. Я был уверен, что ведьма явилась за мной, уверен в том, что она выследила меня, чтобы отомстить за свою смерть.

Динг-донг.

Опять этот чертов дверной звонок.

Динг-донг, ведьма сдохла, подумал я и едва не расхохотался. Истерика подступила совсем близко, а мой страх был нелогичным и всепоглощающим, как детский.

Дверной звонок прозвонил восемнадцать раз, и только потом все стихло.

Я написал письмо, из-за которого умерла ведьма, когда мне было восемнадцать лет.

Совпадение? Возможно. Но жутковатое. Охваченный паранойей, я так и не заснул; таращился в потолок, испещренный голубыми отблесками телеэкрана, а в голове метались идиотские мысли о необъяснимых, запутанных связях между ведьмой, мной и фирмой.

Утром я нашел в гараже лопату, подобрал мертвого голубя и выбросил его в мусорный бак.

В то утро по пути на работу я пытался обнаружить что-нибудь необычное. Я даже избрал другой маршрут, поехал по тем улицам, где подростком видел ведьму, но ее нигде не было.

А в офисе я увидел на стене прямо над своим письменным столом постер The Pigeons (голуби). Я никогда не любил The Pigeons.

И еще вчера на этом месте висел постер Грэма Паркера!

Я задрожал, хотя в кабинете было вовсе не холодно, скорее душно и влажно. Об *этом* я своим друзьям рассказал. Я даже заговорил об этом с Генри. Хотя Стэн и все остальные мне посочувствовали, ни с одним из них не случилось ничего подобного, и они не знали, как к этому относиться. Стэн и Шеймус предложили — если я действительно напуган — некоторое время пожить у меня в гостевых комнатах. По крайней мере, если ведьма опять появится, они будут свидетелями. Однако я не видел, как это может помочь, и, кроме того, это здорово походило на капитуляцию, на признание поражения. А Генри мне просто не поверил. Во всяком случае, сказал, что не поверил. Он предложил мне абстрактную поддержку и пошутил, что я, мол, перетрудился, а потому должен пораньше лечь и побольше спать.

Весь тот день не заладился. Когда я сорвал постер The Pigeons, под ним оказалась репродукция обложки альбома «Блэк Саббат» — того, что с ведьмой. В кафетерии на столах появились композиции с большими изображениями вампиров, Франкенштейнов, оборотней, скелетов и ведьм. В моем нынешнем окружении не было детей, и я только сейчас сообразил, что надвигается Хеллоуин. Я вспомнил об Эрике и вдруг понял, что уже несколько месяцев ничего о нем не слышал.

В тот день я почти ничего не делал, но письмо в полицейский департамент одного из спальных районов Нью-Джерси закончил: предложил пристальнее следить за бездомными, поскольку они представляют угрозу для младших школьников.

Совпадение вовсе не показалось мне случайным.

Я рано уехал домой и долго сидел в своем крохотном заднем дворике, опустошая одну банку пива за другой.

Я ужасно скучал по жене и сыну.

Но мне нравилась возможность писать письма.

Вечером после ужина позвонила Элен узнать, как у меня дела. Я уже потихоньку начинал трезветь и убедил ее, что все в порядке.

— Ты... ты ничего не видел? — спросила она.

— Ничего.

Мы поболтали немного и распрощались. Только оказалось, что я поспешил с оптимистичным ответом.

Посмотрев, как всегда во вторник, очередную серию телесериала «Полиция Нью-Йорка», я отправился в ванную комнату, оставив телевизор в гостиной включенным на полную громкость, чтобы слышать одиннадцатичасовые новости. Я сидел на унитазе, занятый своими важными делами, когда вдруг осознал, что в доме — полная тишина.

Телевизор заткнулся.

Я постарался внушить себе, что возникла какая-то проблема с автоматическим выключателем, но в ванной-то свет горел, да и в гостиной тоже, о чем я мог судить по

световой полоске под дверью.

Только телевизор отключился.

Может, он сломался или, может...

Тук-тук-тук.

Даже если бы прошла сотня лет, я и тогда не забыл бы стук ведьминой палки, и именно это я слышал, сидя со спущенными штанами на унитазае. Я находился в самом уязвимом для человека положении: с куском дерьма, торчащим из задницы. Вспомнилось, как пару лет назад один парень рассказывал, что нортбриджское землетрясение застало его во время рвоты. Его рвало по-черному, и вдруг земля затряслась, все бросились на улицу или попрятались под диванами, а он стоял на коленях и не мог пошевелиться. Я в тысячи раз превзошел того придурка.

Тук-тук-тук.

И самое неприятное, я не мог определить, откуда доносились звуки. Из глубины дома? Из коридора? С деревянного настила во дворе? Я поднапрягся, выдавил застрявшую какашку и натянул штаны, даже не подтеревшись; потом быстро вскочил и прижал ухо к двери.

Тук-тук-тук.

Ведьма была в доме! Я услышал, как ее палка простучала по паркету в гостиной и удалилась по коридору к кухне. Я решил было поднять штору, протиснуться в окно ванной комнаты и удрать из дома, однако быстро сообразил, что окно слишком маленькое, а кроме того, если она на кухне, то обязательно меня заметит.

Я осмотрел ванную комнату, надеясь найти какое-нибудь оружие, но нашел лишь маленькие ножнички, безопасную бритву и вантуз. Я выбрал вантуз и ножницы. Деревянной ручкой вантуза я мог хотя бы замахнуться на ведьму, а если дойдет до ближнего боя, то ножницы будут гораздо эффективнее закрытых бритвенных лезвий.

Я приоткрыл дверь и выглянул.

В коридоре и в видимой части гостиной было пусто. Я слышал скрип.

Значит, ведьма вышла на патио. Я добежал до кухни и увидел распахнутую настежь дверь. Ведьма проковыляла мимо стола для пикников и побрела прочь по лужайке. Я не знал, то ли орать ей вслед, то ли молча ждать, пока она исчезнет во мраке, то ли запереться в доме, то ли броситься за нею и попробовать объясниться. Я принял компромиссное решение: тихонько, стараясь не привлекать внимания, пересек кухню, готовый в любую минуту — если ведьма обернется и двинется на меня — захлопнуть перед ее носом дверь.

Когда я добрался до распахнутой двери, ведьма вдруг резко повернулась и уставилась на меня. Я вспомнил, как во время ночной вылазки с Робертом и Эдсоном она взмахнула слева направо своей палкой и сказала: «Не пиши», как мертвый голубь упал с неба на тротуар точно между нами и как она улыбнулась.

Сейчас она улыбнулась точно так же, и у меня затряслись поджилки. Не сводя с меня глаз, ведьма чертила концом своей клюки буквы, или руны, или фигуры на твердой земле у края лужайки.

Потом ведьма отвернулась и заковыляла в темноту заднего двора. Через несколько секунд я слышал скрип открывающейся и закрывающейся калитки, затем наступила тишина. Я потянулся к выключателю и включил наружное освещение. Залитая светом лужайка оказалась пуста. Ведьма исчезла.

Я выждал еще несколько минут и осторожно вышел из дома. Ничего не услышав и не увидев, я осмелел и пошел той же дорогой, что незваная гостья.

Вот.

Я увидел начертанный на земле странный спиральный символ, который, по моему мнению, мог быть только проклятием или знаком, приносящим несчастье. Символ показался знакомым, но я не смог вспомнить, где видел его раньше. Я попытался стереть его подошвой, но бороздки были глубокими. В конце концов я взял из гаража лопату, перекопал землю и разровнял так, что от знака и следа не осталось.

Потом я вернулся домой, закрыл все окна и запер все двери.

И, уже засыпая, я вспомнил, где видел символ ведьмы: на работе, на барельефе, окружающем почтовый ящик.

Мне приснилось, что голубь преследует меня и воркует: «Не пиши... Не пиши... Не пиши»

Утром, когда я проснулся, щель моего почтового ящика была запечатана.

Я не выдержал и все рассказал Стэну. Я просто не мог больше носить это в себе.

— По-моему, все это — анонимные письма, ведьма — дело рук фирмы, — сказал Стэн. — Вот почему Генри изображает полное неведение.

— Но зачем им это? — удивился я. — В чем смысл?

Стэн придвинулся ко мне.

— С какой стороны посмотреть. Одно дело, если ты работаешь ради какой-то неведомой альтруистической цели; совсем другое, если тебя просто убрали с дороги, загрузив никому не нужной работой. Или ты счастлив тем, что «неисповедимые пути господни» привели тебя к любимому делу, или твердишь: «Они манипулируют мною в каких-то своих гнусных целях». Я склоняюсь к последнему и давно пытаюсь тебе это втолковать. На мой взгляд, у тебя есть альтернатива: либо ты миришься с существующим положением и живешь жизнью тругня-сочинителя, либо играешь в Патрика Макгухана Номер Шесть и пытаешься выяснить, что, черт побери, за всем этим кроется.

Я не очень-то верил в теории заговоров Стэна... однако и отмахнуться от них не мог.

— И как мы это сделаем?

— Не знаю, — признал он.

Я хлопнул его по спине.

— Спасибо, приятель. Ты мне здорово помог.

Ведьма вроде бы исчезла, во всяком случае, не давала о себе знать, и через пару недель я решил, что она сделала свое дело, высказала все, что хотела, а Стэн ошибается. Если за ведьмой и стояли какие-то силы, больше они ее не использовали. Не знаю, была ли ведьма призраком или нет, и по какой-то причине даже не *думал* об этом, но она снова предупредила меня: «Не пиши».

Пришлось признать, что я готов внять ее предостережению. Я любил писать письма не меньше, чем раньше, но впечатление новизны стерлось, и меня опять начали тревожить мрачные предчувствия. Как ни наслаждался я своим талантом, как ни убеждал себя, что письма, которые я пишу для фирмы, корреспонденция, которую отсылаю, служат маленьким людям, дарят голос безгласным, исправляют зло, которое иначе осталось бы безнаказанным, однако по ходу дела страдали невинные люди. Я это знал. Я это чувствовал.

И мне это было безразлично.

Мое безразличие тревожило меня, не давало спать по ночам, заставляло думать о том, что, возможно, теории Стэна не так уж притянуты за уши, как думали остальные наши друзья.

Ведьма была права. Мне *следовало* прекратить писать письма.

Но я не прекратил. Я не смог.

Ведьма исчезла, однако анонимные письма продолжали приходить. Одно в неделю, потом два. Я читал их, надеясь найти какие-нибудь ключи к разгадке, но находил лишь жутковатые описания своей повседневной жизни вперемешку с вульгарным сексуальным жаргоном:

Дорогой Джейсон!

Я тоже люблю «Синий бархат»! Ты не знал, но я смотрела его с тобой прошлой ночью. Дэвид Линч — мой любимый режиссер. А ты видел «Твин Пикс»? Я надеялась, что ты будешь мастурбировать после фильма, но ты сразу отправился спать...

И

Дорогой Джейсон!

Я знаю, что ты не любишь убирать дом (ты из тех мачо, что считают домашнюю уборку женской обязанностью?), но ты иногда должен хотя бы подметать. Особенно пол на кухне, он совсем зарос грязью. И меняй простыни! Если ты рассчитываешь привести на ночь такую женщину, как я, у тебя должны быть чистые простыни...

И так далее и тому подобное.

Я показал эти письма Стэну, а потом и остальным, надеясь, что хоть кто-нибудь узнает стиль или почерк или какая-нибудь крохотная деталь наведет на след автора. Но все были озадачены не меньше нас. Никто никогда не сталкивался ни с чем подобным, и мысль о том, что поблизости обитает чокнутый преследователь Писателей Писем, встревожила всех. Сейчас его жертвой был я, но следующим мог стать любой, и — кто знает? — преследователь мог быть и не один.

Естественно, Стэн считал послания фальшивками, сочиненными Писателем Писем, заманившим нас сюда, тем, кто возглавлял фирму, — Верховным Писателем Писем, как называл его Стэн, — чтобы испытать меня и помучить. Неотступная слежка за каждым моим шагом до смерти напугала Стэна. Он был уверен, что и за ним неотрывно следят.

Может, да, может, нет. Я все больше и больше думал о том, что я другой, что я особенный.

Вы очень могущественны.

Я продолжал верить в то, что ведьма, которую я видел здесь, действительно ведьма Акации, затаившая против меня злобу. Я продолжал верить в то, что письма присылает чокнутая поклонница или тайный враг. Я также верил в правоту Стэна и в постоянную слежку, хотя не понимал, как все это связано.

Как часто бывало, мыслями я возвращался в сновидение с цирковым шатром в пустыне и гниющим телом Христа. Тот ночной кошмар не давал мне покоя, и я не мог не чувствовать в нем какого-то скрытого метафорического значения. Может, все рассыпается, все трещит по швам, думал я. Может, нет никакой логики, никакого порядка, никаких причин, только хаос писем и беспорядочные действия, все больше выходящие из-под контроля.

Заглянула Вирджиния узнать, как идут мои дела. Это было для меня сюрпризом. Я собирался начать серию жалоб от покупателей сети «Стор», как вдруг услышал стук в дверь и увидел на пороге Вирджинию.

— Я думала о вас! — бодро воскликнула Вирджиния, сдержанно, но вполне искренне обнимая меня. — Как поживаете?

— Отлично, — ответил я, не желая вдаваться в детали. Вирджиния плюхнулась в мое кресло, окинула взглядом кабинет и захихикала, увидев музыкальные постеры:

— Так вот вы какой!

Я ошетинился. Откуда она знает, какой я? Мы общались только раз, и то недолго. Никто не может понять меня так быстро. Я не *настолько* предсказуем.

Правда, долго злиться на нее я не мог. Вирджиния поднялась и стала мерять шагами мои маленькие владения. Что-то было в ней обезоруживающее, и я вдруг обрадовался ее приходу.

— Где вы работаете? — спросил я.

— На десятом этаже. Хотите посмотреть?

— С удовольствием.

— Тогда идемте.

Первый раз я улизнул с рабочего места в разгар дня. Как верно заметила Вирджиния, я взял на вооружение служебную этику среднего класса и, несмотря на разрешение Генри работать где и когда я захочу, каждый день являлся в свой кабинет и отрывался от работы только на кофе и ленч, а если я все же линял с работы пораньше, то на следующий день наказывал себя лишением одного из перерывов.

— Расслабьтесь, — сказала Вирджиния. — Наслаждайтесь жизнью.

Лифт остановился на десятом этаже. Металлические двери заскользили в стороны. Я не удивился бы, увидев множество замысловато оборудованных рабочих пространств, как на нашем четвертом этаже. Я не удивился бы огромной викторианской библиотеке.

Но то, что я увидел, меня поразило.

Офисные закутки.

Под резким светом флуоресцентных ламп рабочие места были сгруппированы по четыре или по шесть в квадратном зале, явно не вступавшем в конфликт с законами физики и точно соответствующем размерам здания, каким оно казалось снаружи.

Вирджиния непринужденно взяла меня под руку. Почти все гости с той вечеринки и еще дюжина или больше других сотрудников сидели в серых эргономичных рабочих креслах за простыми, одинаковыми столами. Эрнест печатал на машинке, у Лео было несколько каллиграфических ручек, у Джеймса — персональный компьютер, но — за исключением нескольких личных предметов — все рабочие места выглядели одинаково.

На рабочем месте Вирджинии я обнаружил груды бумаг, фотографию какого-то сада, красную розу в вазе и — как я решил, неуместный — плакат со сценами из комикса о Дилберте, приколотый чертежными кнопками к серой низкой передвижной стенке. Пластмассовый стаканчик охлажденного чая с ломтиком лимона и растаявшим льдом оставил круглое пятно на бумагах.

Все казались вполне счастливыми или, по меньшей мере, довольными — что может принести счастье Писателю Писем, если не сочинение писем? — однако окружающая обстановка показалась мне невыносимо унылой.

— Вирджиния, это ваше рабочее место?

Она ответила утвердительно.

— Но почему вы не... почему вы... как случилось, что вы работаете в таком месте?

— На нашем уровне уже не нужны ухищрения, искусственная среда, как у зверя в зоопарке. — Вирджиния улыбнулась. — *Наш уровень*. Подумать только, кому я это говорю! — Она крепче вцепилась в мою руку. — Если честно, вы тоже могли бы работать здесь. Вам не нужна искусственная «атмосфера». Это для новичков, поденщиков, тех, кому требуется внешний стимулятор. Нам подобные излишества ни к чему. И держу пари, вам

тоже.

Я не ответил. Может, я и не нуждался в, как она выразилась, «атмосфере», чтобы писать результативные письма, но мне гораздо больше нравилось работать в своем индивидуализированном кабинете, чем в этой стерильной обстановке.

— Ваше место здесь, с нами, — сказала Вирджиния и оглянулась, как будто опасалась, что нас подслушивают. — Видите ли, у нас здесь есть вакансия.

Я опять промолчал.

Мы останавливались ненадолго у отсеков, где работали люди, знакомые мне по вечеринке, и болтали непринужденно, как случайно встретившиеся друзья, однако вскоре Вирджиния явно занервничала, и я почувствовал, что пора мне выметаться отсюда. Вирджинии явно пора вернуться к своей работе. Я так и не понял, зачем она пригласила меня, разве что сообщить о вакансии, но спросить не посмел. Вирджиния мне нравилась, однако полностью я ей не доверял. Вдруг тот чиновник, что допрашивал меня и прервал нашу вечеринку, дал ей это поручение? Я не видел его с того вечера, только у меня было четкое впечатление, что он все еще где-то рядом и следит за мной.

Докладывает обо мне большому начальнику, главному администратору, Верховному Писателю Писем. Я определенно поверил этой части теории Стэна.

Попрощавшись с Вирджинией, я вернулся к лифту. Двери закрылись не сразу, и я, глядя на цифры между десяткой и четверкой, думал, что там на тех этажах? Кто там работает? Я бросился нажимать на все кнопки по очереди, и по мере загорания все новых лампочек мой пульс учащался. Вирджиния улыбалась. Она наверняка видела, что я делал, и я воспринял ее улыбку как молчаливое одобрение. Занимает ли она какой-нибудь руководящий пост? Близка ли она к властным структурам этого заведения? Может, и нет, но Вирджиния здесь давно, она должна многое знать о фирме, и это поднимало ее в моих глазах. Ее улыбка придала мне уверенности. Я готов был сделать то, на что в других обстоятельствах не отважился бы.

Лифт проскочил девятый этаж, восьмой, седьмой. Лампочки мигали и гасли. Лифт не замедлялся, двери не открывались. Я снова нажал на кнопки, но лифт проскочил шестой этаж и наконец остановился на пятом.

Двери разъехались.

Почему-то мне не было дозволено посетить другие этажи, но этот оказался открытым для меня, и я вышел в нечто, похожее на представление писателя-фантаста о полиграфическом царстве. Посреди пустого открытого пространства стоял большой печатный станок — массивная черная, похожая на осьминога установка высотой почти в два этажа с путаницей рычагов, похожих на улыбающуюся физиономию. Из нескольких отверстий внизу станка на металлические подносы выталкивались отпечатанные письма. Вокруг этой гигантской машины тянулись встроенные кабинеты с окошками, выходящими на центральное пространство. Некоторые окошки были закрыты ставнями или жалюзи, но в других я видел напряженно пишущих мужчин и женщин разных возрастов и национальностей. В ближайшем ко мне кабинете справа было темно. Его хозяин отсутствовал по болезни или еще по какой-то причине, и я воспользовался шансом, приложил ладони к стеклу и заглянул внутрь. Я увидел большой старомодный дубовый письменный стол, заваленный горами бумаг, с монитором и клавиатурой в центре. На черной стене, едва различимой во мраке, висел постер, на котором, как мне показалось, была изображена красная пагода. Отойдя от окна, я взглянул на табличку с именем,

прикрепленную к запертой двери.

Киоко Йосицуми.

Сердце глухо ударилось о ребра, ладони взмокли.

Киоко здесь! Они и ее завербовали.

Но где же она? В кабинете темно и пусто. Может, заболела. Может, в отпуске. А может, еще не приступила к работе.

Киоко — Писатель Писем.

Я давно должен был догадаться.

Я вспомнил — так ясно, как будто видел только вчера, — фотографию Киоко со спущенными к коленям платьем и трусиками.

Мы оба Писатели Писем. Странное совпадение. Но не зря я даже сейчас, несмотря на ее ломаный английский, помнил тексты нескольких ее писем. А ее сочувственное письмо после того, как я сообщил ей о мнимой смерти отца? Гениальное. Не вдохновляли ли мы друг друга? Не раздула ли наша краткая переписка какую-то искру, превратившую нас в Писателей Писем? Могло ли сложиться иначе, если бы у нас были другие друзья по переписке? Кто бы поверил, что мы оба станем Писателями Писем и окажемся здесь? Каковы были шансы?

Что случилось с моей учительницей пятого класса, мисс Накамото? Не была ли и она Писателем Писем? Нет, это уж слишком. И все же сколько ей было лет? Как она выглядит сейчас?

Я не любил думать о прошлом. Я и раньше, и теперь предпочитал жить настоящим и не грустить об ушедшем.

Только в последнее время я, кажется, изменил своей привычке.

Накатило непрощеное воспоминание об Эрике. Хорошее воспоминание: в прошлом году, летом, мы вдвоем бродили по магазину игрушек «Тойзарас». Эрик держал меня за указательный палец своей крошечной ручонкой и щебетал о паровозике Томасе. Я помню, как думал тогда: лучшего в жизни быть не может.

Увижу ли я его когда-нибудь?

Мне вдруг захотелось заплакать.

Из соседнего кабинета вышел мужчина. Он явно направлялся к одному из металлических подносов у подножия печатного станка, чтобы забрать копии написанных им писем, но краем глаза заметил меня и обернулся:

— Кто вы? Что вам нужно?

Я был таким же Писателем Писем, как и он, а потому заговорил уверенно:

— Я ищу Киоко Йосицуми.

Он с подозрением покосился на меня:

— Сегодня ее нет, но она будет завтра.

Киоко *была* здесь!

Меня замутило. После всех прошедших лет я мог наконец встретиться с ней. Эта перспектива меня нервировала. Я поблагодарил мужчину и пошел к лифту, вернулся на четвертый этаж и затаился в своем кабинете. Мне предстояло пожаловаться на канал Эн-би-эс за то, что они закрыли одно из моих любимых шоу, но работать мне расхотелось. Я просто сидел и грезил, пытаюсь представить жизнь Киоко между детством и настоящим моментом.

Я думал обо всех верхних этажах. Нет ли в офисах или воссозданной обстановке других моих знакомых? В этом здании работает множество людей. Гораздо больше, чем машин на

парковке. Откуда все они взялись? Где они живут? Почему я никогда их не видел?

Я ушел с работы рано и поехал прямо домой. Мне было тревожно. Я не находил себе места. Я не знал, хочу ли наконец встретиться с Киоко. А вдруг она толстая, страшная и злая? Несмотря на сентиментальный тон ее писем, вдруг она ненавидит меня за все плохое, что случилось в ее жизни?

Утро вечера мудренее, решил я.

В ту ночь, лежа в постели, я услышал шум на крыше... Постукивание.

Ведьминой клюки.

Я сел в постели, перепуганный, как маленький ребенок, пытаюсь подавить желание натянуть одеяло на голову и спрятаться. Ведьма там, ходит по покатой крыше. Несмотря на страх, я заставил себя вылезти из постели и на цыпочках, тихонько пробежал по коридору в гостиную. Я собирался как можно быстрее распахнуть парадную дверь, выбежать на лужайку и встретиться с ведьмой лицом к лицу. На мне были одни трусы, но я давно не верил в существование соседей.

Над моей головой, на крыше, сначала над коридором, потом над гостиной стучала ведьмина ключка.

Тук-тук-тук.

Ведьма следовала за мной.

Она знала, где я, и можно было не таиться. Я рванул к двери, быстро отпер замки и выскочил на улицу.

Сюрприз, сюрприз. Ведьмы там не было. Она уже ушла, но оставила что-то похожее на клочок бумаги. Он был прикреплен к трубе и трепетал на легком ветерке. Талисман или амулет, а когда он на мгновение распрямился, я увидел на нем что-то вроде рисунка или надписи. Несомненно, какое-то проклятие, но я не собирался посреди ночи лезть на крышу и снимать его. Кто знает, где прячется ведьма? Я просто еще раз окинул двор беглым взглядом, вернулся в дом, запер дверь и перепроверил все задвижки на окнах. Утром сниму с трубы проклятую бумажку.

Однако утром и бумажка исчезла, а когда я забрался на крышу по лестнице, то увидел на черепице над своей спальней красные руны, будто начертанные кровью. Водой из шланга я не смог бы их смыть, и ботинком они не отскребались. Придется закрашивать или оттирать наждаком, если я действительно хочу от них избавиться. И действительно ли я верил, что проклятие или заговор может сработать? Нет. Однако какого черта старая карга гадит мою собственность и почему ей это сходит с рук?!

— Я знаю, что ты можешь сделать, — сказал Стэн, когда я сообщил ему о случившемся. — Помнишь, ты рассказывал, как избавился от ведьмы в первый раз? Ты написал письмо в полицию. Сделай то же самое сейчас. — Он доверительно склонился ко мне. — В любом случае они этого от тебя ждут. Они испытывают тебя, проверяют, хватит ли тебе духу.

Безумная идея, но, возможно, Стэн прав. И уж конечно, попытка не пытка. В общем, я написал начальнику полиции, подробно изложил дело о преследовании и нарушении границ частного владения, описал все, что случилось с тех пор, как я впервые увидел ведьму на своей лужайке.

Я отнес конверт к почтовому ящику, бросил его в золотую щель и сразу почувствовал себя лучше. Лекарство начинало действовать. Я вернулся к себе в прекрасном настроении.

Мы часто получали приглашения на закрытые предварительные кинопросмотры, поскольку многие из нас писали письма о популярной культуре. Фирма обычно организовывала просмотры в мультиплексе в Бри, новом кинодворце, с креслами амфитеатром, с большими экранами, современными проекторами и звуком. Мы видели все новые фильмы, часто раньше обычной публики, и не только блокбастеры, но и иностранные фильмы, и новинки авторского и независимого кино. Эти мероприятия были похожи на вечеринки, на голливудские премьеры. Иногда я встречался там со старыми знакомыми, иногда заводил новых друзей. А однажды на меня набросился с объятиями пожилой джентльмен и долго извинялся, когда понял, что совершил ошибку.

В тот раз я пошел с Фишером и Элен посмотреть японский фильм ужасов с субтитрами. Критика восторгалась этим фильмом, и Фишер тоже хотел дать ему оценку. Вскоре после начала сеанса я почувствовал приближение приступа кашля и вышел в вестибюль выпить воды.

И встретил Киоко, спешившую в кинозал.

Я мгновенно узнал ее, а она — меня. Киоко была прекрасна: тоненькая, сексуальная, современная, похожая на ультрамодных японских моделей. Она выглядела моложе меня, и если бы я не знал, что мы ровесники, то дал бы ей где-то от восемнадцати до двадцати четырех. Мы неловко с минуту таращились друг на друга, а потом я сказал:

— Привет.

Не самое умное начало разговора, но лучшее, что я смог выдать при неожиданной встрече.

— Здравствуй, — с акцентом произнесла Киоко и застенчиво улыбнулась.

Я совершенно растерялся. Даже в самых благоприятных обстоятельствах меня нельзя было назвать интересным собеседником. Я неизменно мямлил, запинаясь и смущался от собственной скованности. И сейчас я не смог придумать ничего приличествующего случаю.

— Ты — Писатель Писем, — запинаясь, выдал я.

Она кивнула, покраснела.

Я понял, что не испытываю к ней никаких чувств. Искра не проскочила. В тех давних письмах я лгал, я никогда не любил ее, я так и остался к ней равнодушным. Объективно она, вероятно, была привлекательней Викки, но никакая сила в мире не сподвигла бы меня на обмен. Я любил Викки, и только Викки. Хотя в то утро я написал письмо губернатору Техаса, требуя отказать в помиловании невинного — парня вот-вот должны были казнить за убийство, которого он не совершал, — мои чувства к Викки были чисты и возвышенны. Несмотря на преступное, черствое сердце, я не был безнадежен.

— Ты получаешь мои новые письма? — спросила Киоко. — Тебе больше нравятся?

Тревожный звонок прозвенел в моем мозгу.

— Новые письма? — осторожно переспросил я.

Она кивнула что-то слишком уж восторженно.

— Да! Я уже послала тринадцать. Письма тайная поклонница. Это я пишу. Моя профессия. Я хочу удивить тебя, как сейчас. Ты не узнал, что это я?

Если между нами была или могла бы возникнуть какая-то связь, то в этот момент она разорвалась навсегда. Киоко оказалась автором тех жутких посланий. Она шпионила за

мною, преследовала меня, явно надеясь, что я безумно влюблюсь в нее и мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Была ли она одержима мною все эти годы?

Я покрылся мурашками, не имеющими никакого отношения к кондиционерам.

— Извини, — пробормотал я, пятясь.

Я не знал, что сказать, как отвязаться от нее, как выпутаться из этой ситуации. Киоко начала что-то говорить, но я быстро нырнул в зал, пробрался в темноте к своему ряду и плюхнулся рядом с Фишером.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнул. На самом деле я хотел выбраться из кинотеатра и бежать как можно дальше. Я боялся, что Киоко сядет рядом со мной. Или сзади. Я боялся, что она последует за мной к моему дому.

Хотя какая разница? Она знает, где я живу.

Беспросветно. Я обмяк в кресле, тупо таращась на экран, даже не пытаюсь читать субтитры. Фишер и Элен с удовольствием хрустели попкорном из общего стакана, не подозревая о моих проблемах, а я с ужасом ждал появления Киоко.

К моему огромному облегчению, она не появилась. Я успел хорошенько все обдумать и успокоиться. Может, я неправильно оценил ситуацию в целом. Может, просто сыграли свою роль различия в культуре, в восприятии. Может, Киоко вовсе не собиралась превращать мою жизнь в кошмар, как героиня фильма «Роковое влечение». Однако я вспомнил эпатажную откровенность ее писем, намеки на визиты в мой дом, и она явно шпионила за мной, когда я встречался с друзьями. Я понял, что легко не отделаюсь. Внутреннее чутье меня не подвело, мгновенно подсказав, что Киоко — упорная преследовательница.

Каким будет мой следующий шаг? Столь одержимого преследователя не остановить простой просьбой оставить меня в покое. Мы оба работаем на одну и ту же фирму, а это все равно что жить в маленьком городке. Мы просто обречены сталкиваться друг с другом снова и снова.

Особенно если она этого хочет.

Особенно если она не перестанет меня преследовать.

Фильм подошел к концу. Свет в зале зажегся. Фишер, как обычно, стал уговаривать остаться, пока не закончатся титры с перечислением членов съемочной группы, хотя не понимал ни слова. Я воспользовался моментом и украдкой огляделся. Ни среди зрителей, направлявшихся к выходу из зала, ни среди оставшихся переждать столпотворение я Киоко не заметил.

Значит, она поджидает в вестибюле.

Когда мы выходили из зала, я держался как можно ближе к Фишеру и Элен, пытаюсь спрятаться за ними, но Киоко в вестибюле не было.

Почему-то ее отсутствие еще больше подействовало мне на нервы. Если бы я мог встретиться с нею лицом к лицу, особенно при свидетелях, то по меньшей мере получил бы удовлетворение от каких-то собственных действий. Я хотя бы знал, где она. А так я лишился очищающего воздействия открытого столкновения, испытал острое разочарование и с ужасом оглядывался по сторонам, боясь, что в любой момент Киоко выскочит из-за угла.

Мы распрощались на автостоянке, и я поехал домой... И в почтовом ящике меня ждало послание от Киоко. На этот раз я разорвал конверт и прочитал письмо:

Дорогой Джейсон!

Как чудесно было снова увидеть тебя. Жду не дождусь нашей встречи! Я застала тебя врасплох? Надеюсь! Тебе понравилось, как я выгляжу? Пусть мои груди не такие большие, как у американских женщин, но уверяю тебя, я умею пользоваться тем, что имею.

Я хранила себя для тебя. Я знала, что в конце концов мы будем вместе. Ты не сохранил себя для меня, но я прощаю тебя. Если я когда-нибудь поймаю эту суку Викки, я...

Шутка! (Хотя в каждой шутке — только доля шутки!)

Я знаю, ты должен писать письма. Я тоже. Не пропадай! Скоро увидимся.

С любовью,

навсегда твоя Киоко

Невероятно! Я отъехал от кинотеатра всего десять минут назад, а письмо Киоко, судя по штемпелю, оказалось в моем почтовом ящике вместе с дневной почтой.

А почему я решил, что письмо написала Киоко? Слог безукоризненный, а говорила она на ломаном английском. Трудно представить, что это письмо женщины, с которой я разговаривал. Хотя я в этом не сомневался. Письменный язык — это совсем отдельная история. Некоторые Писатели Писем, будучи косноязычными олухами, могут своими эпистолярными творениями заставить монашку забыть об обетах. Этот дар или талант, похоже, существует независимо от всего остального. Я вспомнил историю, прочитанную в средней школе: один ученый обнаружил, что даже самым глупым людям снятся сны, не уступающие по сложности и изысканности сновидениям умнейших философов.

Я перечитал письмо несколько раз и отправился в постель.

И долго-долго не мог заснуть.

На следующий день Киоко прислала мне два письма. Одно было оклеено стикерами «Хелло, Китти». В другом конверте оказалась пластинка японской жвачки. Нам что, по десять лет? Сами письма были гораздо более взрослыми. Киоко без стеснения описывала свои желания, хотя и без порнографии, характерной для писем тайной поклонницы.

Наутро по дороге на работу я заметил, что она меня преследует. Она держалась чуть позади, но я ясно различал ее через широкое ветровое стекло ее «корветта», а потом вспомнил, что видел этот автомобиль и в городе, и перед своим домом.

Пока я обедал, Киоко оставила на моем столе записку с подробным описанием своего эротического сновидения. Я не знал, что делать.

Пожалуй, я мог бы добиться ее увольнения.

Да! Отличная идея.

Только я понятия не имел, как подступиться к этой задаче; может, послать письмо ее шефу или даже главному администратору фирмы —

Верховному Писателю Писем,

— но она такой же сотрудник, как я. Не приведет ли моя выходка к неожиданным неприятным последствиям? Киоко работает этажом выше и, вполне возможно, занимает более высокое положение.

Вирджиния наверняка знает, как поступить, и помогла бы мне. Она давно здесь работает, знакома со всеми влиятельными служащими и, похоже, искренне мне

симпатизирует. Если кто и может помочь мне избавиться от Киоко, то только она.

Я не знал, позволят ли мне просто так подняться на десятый этаж, поэтому пересек коридор, постучался в дверь Генри и вошел в его кабинет. В конце концов я выложил ему всю историю, и, хотя он заявил, что находит ее невероятной, в моей правдивости не усомнился.

— У меня есть идея, — сказал он.

— Валяй. — В тот момент я был готов выслушать любое предложение.

— Убей ее.

Я заморгал и уставился на него. Его лицо лучилось обычным спокойным дружелюбием, и даже взгляд был мягким и ласковым.

— Если хочешь, поговори с Вирджинией. С любым, кто, по-твоему, может тебе помочь. Собери сколько сможешь разных мнений, но лично я другого выхода не вижу. Даже если Киоко потеряет работу, то не обязательно переедет. Она может преследовать тебя... вечно. Поэтому, если ты не хочешь с ней встречаться, а она этого отчаянно хочет, либо тебе придется смириться с вечным преследованием, либо один из вас должен исчезнуть.

— У фирмы будет на одного Писателя Писем меньше. — Я сам не поверил, что пытаюсь оправдать это безумное предложение. Генри не мог говорить серьезно.

Или мог?

— Иногда, — раздумчиво заговорил Генри, — идеал важнее индивидуала. Ты думаешь, что на протяжении истории человечества все Писатели Писем, которые подвергались мучениям и преследованиям, желали такой судьбы? Ты думаешь, что узники Бастилии, царапавшие на стенах послания, не зная, прочитают ли и, уж тем более, напечатают ли их слова, мечтали о подобном существовании? Нет. Письмотворчество — дело и призвание, гораздо более важное, чем мы сами. Мы не выбирали эту жизнь, возможно, она нам навязана, однако наш долг — принять вызов, вымостить дорогу к будущему. *Сотворить* будущее.

Генри говорил как по писаному, но не механически, а со страстью, с чувством.

— Я думаю, твой единственный выход — убить ее.

— Но разве это не... грех?

Генри рассмеялся:

— Ты уже делал это. Как и все мы.

Он был прав.

Я уже убивал... и не раз.

Я кивнул, делая вид, что согласен, и пробормотал нечто похожее на извинения. Неожиданный поворот нашего разговора испугал меня. Я хотел поскорее спрятаться в своем кабинетике, оклеенном постерами и напоминающем конторку магазина грампластинок.

С Вирджинией я решил поговорить как-нибудь в другой раз, а пока просто изо всех сил избегать Киоко и при случайной встрече попытаться отвадить ее.

Остаток дня я сочинял простенькие письма о музыке в «Роллинг Стоунз», «Вайб» и «Спин».

Я, Стэн и Шеймус стояли на тротуаре у офисного здания, собираясь отправиться на парковку за нашими автомобилями. Я только что закончил рассказ о Киоко, но не упомянул о разговоре с Генри. Мне самому трудно было поверить в реальность того разговора.

— Странно, — сказал Стэн, а Шеймус согласно кивнул.

— Да, — мрачно подтвердил я.

Шеймус обвел взглядом покидающих здание Писателей Писем.

— Она здесь? Ты ее видишь?

— Я не смотрю. Не хочу случайно встретиться с ней глазами. Она примет это за поощрение.

— Может, мне за ней приударить? Вдруг, если я ее отвлеку, дам ей все, что ей нужно, она оставит тебя в покое?

— Благословляю. Действуй.

— Возможно, она ждет тебя дома, — серьезно произнес Стэн. — Возможно, в твоей постели.

Эта мысль и мне приходила в голову.

— Хочешь, я поеду к тебе? Или можешь переночевать у меня.

— Бежишь только потому, что она предложила себя необычным способом? Пижон!

Мы со Стэном уставились на Шеймуса, и он смущенно замолчал.

— Это моя проблема. Я должен научиться справляться с ней.

— Ну, желаю удачи, — сказал Стэн. — Мой номер телефона ты знаешь. Звони, если что.

— И мне, — объявил Шеймус.

Мы распрощались и направились к своим машинам. Я был настороже, опасаясь, что Киоко прячется за одним из припаркованных седанов, мини-вэнов или джипов.

— По крайней мере, тебе некогда будет думать о ведьме! — крикнул Стэн и помахал мне.

Я поднял средний палец, показывая, какого я мнения о его юморе, и подошел к своей машине, отпер дверцу. Киоко не пряталась на заднем сиденье, так что первый барьер был взят. Я прыгнул на водительское место, нажал на кнопку автоматического запираения двери и завел двигатель.

Киоко я увидел по пути домой.

На углу бульвара Бри и Империял-Хайвэй перед автозаправкой. Киоко помахала мне, как будто я был участником парада, а она — одним из многочисленных зрителей, выстроившихся вдоль шоссе. Она красовалась в короткой юбке в обтяжку и в топе, открывающем голый живот. По ее расчетам, я должен был завестись. Она действительно выглядела очень сексуально, но это была дешевая сексуальность проститутки, и я только укрепился в своей решимости держаться от нее как можно дальше.

Я помчался домой, уверенный в том, что она не сможет опередить меня. Заперев машину, я вбежал в дом, запер парадную дверь и проверил все замки и запоры.

Невероятно, но в тот вечер я увидел Киоко на телеэкране. В надежде отвлечься от реальности я посмотрел какую-то комедию и переключил канал на местные новости Эн-би-си. И увидел Киоко. Не знаю, уговорила ли она кого-то перехватить сигнал, или это вторжение было санкционировано властями, но ее хорошенькое личико заполнило экран, и она беззвучно повторяла одними губами: «Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя...»

Я выключил телевизор.

В ту ночь мне приснилось, что я лежу в постели, а Киоко, обнаженная и прекрасная, сидит на моем лице. Только пахло от нее дерьмом, а не сексом, но, как я ни старался подняться, как ни старался выскользнуть из-под нее, у меня ничего не получалось. Я задыхался, я пытался столкнуть ее с себя, но мои пальцы тонули в ее коже, как в воске, а тяжесть ее тела все увеличивалась, сдавливая мне рот и нос, не давая мне вздохнуть.

Ведьма исчезла. Стер ли я ее жизнь письмами? Удастся ли так же стереть Киоко?

Я много думал об этом и решил, что имеет смысл попытаться. Я накатал несколько писем разным адресатам, излагая разные точки зрения. Я работал вдохновенно, как никогда, приводил причины, по которым Киоко должна быть уволена, по которым ее следует изгнать из общества Писателей Писем. Причины были реальные и вымышленные: потому что она психопатическая преследовательница, потому что она некомпетентный писатель писем. Я использовал все оружие из своего арсенала и отправил письма сразу же, надеясь, что одно их количество произведет необходимое мне впечатление и приблизит меня к цели.

Наутро, когда я приехал на работу, Киоко стояла перед моим кабинетом с изысканно упакованным подарком, который и передала мне с совершенно не нужным мне поцелуем. Разозлившись, я вернул ей подарок и с мрачным удовлетворением смотрел, как она вся в слезах несется к лифту.

И написал еще кучу писем.

Назавтра Киоко прислала мне официальное извинение за подарок, но во время ленча плюхнулась на стул рядом со мной. Мои друзья не знали, как реагировать. Все умолкли, а Стэн вежливо предложил ей оставить нас. Шеймус, как и обещал, попытался приударить за ней, но она пристыдила его на милом ломаном английском, очаровавшем даже Элен. Расправившись с Шеймусом, Киоко устроилась поближе ко мне и под столом прижала голую ногу к моему бедру. Я вскочил, бросив недоеденный ленч, извинился перед приятелями и вернулся в свой кабинет. Как рассказал потом Стэн, до конца ленча Киоко болтала исключительно обо мне.

Я написал *еще* больше писем.

На следующий день я нашел на куске мыла в душе длинный черный волос, а сортируя для стирки грязное белье, обнаружил в корзине пару женских трусиков. В моем почтовом ящике оказалась фотография обнаженной Киоко в той же позе, в какой она сфотографировалась в детстве.

Это была последняя капля.

Я должен был убить суку.

Я постарался отогнать эту мысль, но не сумел и вспомнил свой разговор с Генри.

Я думаю, твой единственный выход — убить ее.

Нет, я не мог это сделать.

Да, я делал это раньше с помощью писем и, честно говоря, если бы я мог избавиться от Киоко таким же образом, то не почувствовал бы ни вины, ни угрызений совести. Черт побери, я был бы счастлив, если бы она сдохла в ту самую секунду и никогда больше не омрачала мою жизнь. Однако одно дело — морально отвечать за смерть человека, и совсем другое — убить своими руками. Вот почему президенты, ответственные за гибель сотен невинных граждан во время военных действий, спят по ночам как младенцы, а пьяный водитель, нечаянно насмерть сбивший пешехода, мучается до конца своей жизни.

Разве это не грех? — спросил я Генри, имея в виду убийство другого Писателя Писем.

Грех. Почему я воспользовался этим словом? Подобная терминология не из моего

лексикона.

Я подумал о сновидении с гниющим телом Христа.

Бог мертв. Греха нет.

Да, решил я. Я убью ее.

Я прочитал письмо, приложенное к ее фотографии:

Дорогой Джейсон!

Сегодня я написала письмо Эрику. Я рассказала ему о нас все. Я рассказала ему, что знала тебя задолго до Викки и не только полюбила тебя первая, но и люблю тебя больше ее. Я рассказала ему, что мы будем вместе, и у нас будет наш сын, сын, которого ты будешь любить гораздо больше, чем ты любил его.

Иногда правда бывает болезненной, но так всегда лучше. Лучше раз и навсегда покончить с болью, чем растягивать мучения.

Прошлой ночью мне опять приснился сон о нас. Я сидела на унитазах, а ты стоял передо мной, тыча пенисом мне в лицо. Я не смогла справиться с искушением и открыла рот и вобрала твой пенис целиком и сосала, пока ты не кончил.

Я всегда грезилась о нас в ванной комнате. Думаю, потому, что именно в ванной сделала ту свою фотографию. Ты сохранил ее? С тех пор я думала о тебе каждый день. Ради тебя я написала письмо, убившее моего отца. Ради тебя я прогнала свою мать. Ради тебя я здесь.

И теперь мы снова вместе. Об этом знают и Викки, и Эрик, и весь мир!

Никто и ничто никогда больше не встанет между нами!

С любовью,

навсегда твоя Киоко

Я в ярости изорвал письмо на мелкие кусочки и отшвырнул их. И смотрел, как они планируют на ковер. Она посмела написать моему сыну? Забила ему голову черт знает какой ложью и бредовой полуправдой? Если бы в тот момент Киоко оказалась рядом, я размозжил бы ее голову о стену. Моим единственным утешением была надежда на то, что Эрик не получит ее письмо. Я до сих пор каждый день отправлял письма жене и сыну и ни разу не получил от них ответа, так, может, нашу личную корреспонденцию фирма не отправляет? Даже если письмо Киоко дойдет до моей семьи, Викки наверняка откроет его первая. Она прочитает письмо и, очень вероятно, поверит, но она не передаст его Эрику. В этом я был уверен. Она ничего Эрику не расскажет.

Я взглянул на клочки. Хорошо хоть мне хватило ума не разорвать конверт. На нем был адрес Киоко.

Он мне понадобится.

Я подъехал к ее дому, когда уже стемнело.

Киоко жила не в нашем комплексе, а в японском квартале, где уживались разные стили и эпохи, восточная и западная архитектура. Несмотря на крыши, как у пагод, несмотря на неоновые вывески на японском и японские садики перед простыми одноэтажными домами, все казалось слишком уж тщательно продуманным и распланированным. Конечно же улицы были пусты, автомобили, припаркованные у тротуаров, неподвижны, и только благодаря

миганию огней и редким, непонятно откуда доносящимся звукам квартал казался обитаемым.

Я проехал мимо жилища Киоко и припарковался через два дома от него.

Хорошо, что она жила не в квартире, хотя я предусмотрел и такую ситуацию. Отдельный дом сильно облегчал мою задачу. Я мог войти и выйти гораздо быстрее.

Я сидел в машине, сгорбившись на переднем сиденье, и ждал, не проедет ли кто-нибудь мимо.

Улицы, как и тротуары, оставались пустынными. Я наконец открыл дверцу и вышел из машины. Воздух здесь был совсем другим, одновременно и более задымленным, и более ароматным, как будто караван автобусов работал на холостом ходу рядом с заросшим цветами полем. Интересно, в ее родном городе в Японии пахнет так же? Вероятно, я этого никогда не узнаю.

Киоко уж точно никогда больше не вдохнет этот воздух.

Потому что сегодня ночью она умрет.

Не испытывая никаких угрызений совести, я открыл калитку перед ее домом и ступил на мшистую, вымощенную камнями дорожку. Из открытого освещенного окна доносилась музыка. Я остановился. Не радио и не телевизор. Киоко слушала пластинку или компакт-диск. Я мгновенно узнал мелодию.

«Трещина в колоколе». Дэниел Ленц.

Дэниел Ленц был нашим композитором, моим и Викки. Мелодия Ленца в доме Киоко! Это подействовало на меня как пощечина; показалось более отвратительным вторжением в личную жизнь, чем даже проникновение в мой дом. Киоко растоптала мои воспоминания, мою интимную жизнь с Викки.

И почему ей разрешили оставить пластинки, а мне — нет? Тем более что ее музыка была моей музыкой. У меня отобрали мои компакт-диски и пластинки. Это более глубокое оскорбление придало мне сил, и я заколотил в дверь.

— Киоко! — крикнул я, притворяясь дружелюбным, надеясь, что голос не выдаст мою ярость. — Это я! Джейсон!

Дверь распахнулась.

— Я знала, что ты придешь! — сказала Киоко со своим сильным акцентом. Она была одета не для тихого вечера дома, а как будто собиралась повеселиться в клубе и вернуться не одна.

Насколько я знал, на улице никого не было, но, учитывая мои намерения, мне вовсе не хотелось торчать на ее пороге.

— Можно войти? — спросил я. — Я бы хотел с тобой поговорить.

Она явно разочаровалась. Ее лицо вытянулось.

— Только поговорить? — капризно протянула она.

— Больше, — пообещал я, ощутив, как вспотели ладони.

Киоко просияла, улыбнулась:

— Я тоже хочу больше. Секс. Ты хочешь секс?

Сколько еще мне торчать на виду? Я оглянулся, никого не увидел, ничего необычного в темноте не заметил.

— Да. Секс.

Киоко схватила меня за руку и втянула в дом. Ее пальцы были нежными, но крепкими. Она закрыла за нами дверь и сразу же потянулась к моему ремню. Я откинул ее руку. Она

взглянула на меня удивленно и обиженно:

— Ты говоришь, что хочешь секс.

— Я солгал.

Я схватил ее за горло, сжал изо всех сил и с удовольствием увидел, как она потрясена. В кино или по телевизору удушение выглядит легким, но на самом деле человеческая шея крепче, чем кажется. Ее горло словно набухало под моими ладонями. Повинуясь инстинкту самосохранения, она напрягала мышцы. Хрящи, защищавшие трахею и пищевод, затвердели, как коровья шкура. Я осторожно опустил Киоко на пол, стараясь не ослаблять хватку. Теперь душить было удобнее.

Я так хотел придушить эту суку! Хотел видеть, слышать, *чувствовать*, как жизнь покидает ее тело.

Киоко отбивалась руками и ногами, но, видимо, почти до самого конца думала, что это какая-то шутка, что-то вроде грубой сексуальной игры. Она неуклюже выгнулась, раскинула ноги, чтобы я мог заглянуть под ее юбку. Трусиков она не носила и была чисто выбрита.

Однако ей не удалось возбудить меня. Ее уловка напомнила мне труссы, оставленные в бельевой корзине, и я мог думать только о том, что она вторглась в мой дом и в мою личную жизнь. А музыка — наша с Викки музыка — все звучала, как тошнотворное напоминание обо всех моих потерях.

— Это... тебе... за... Эрика! — выдавил я.

И я ее убил; она умерла.

Но сначала она описалась и обкакалась, а как только я отпустил ее шею, из ее рта стала медленно вытекать рвота. Я отпрянул, и меня тоже вырвало на консольный столик. Я подумал, что оставляю улику — ДНК, но в тот момент мне было все равно. Открыв дверь, я вывалился из дома в ночь и поспешил к своей машине, на ходу утирая рот. Меня тошнило, но не потому, что я только что убил человека, а от мерзкого запаха ее испражнений, мочи и рвоты, от животного отвращения, не имевшего ничего общего с моральным аспектом моего деяния.

Черт побери, если бы она не обкакалась, не описалась и не облевалась, я был бы на седьмом небе от счастья.

Я радовался ее смерти. Я поступил правильно и, несмотря на физическое отвращение, чувствовал, как огромная тяжесть упала с моих плеч. Точно так же, как когда пристрелили моего отца. Я умом понимал, что совершил преступление, но эмоционально ощущал необыкновенную правильность содеянного и... эйфорию.

Я поехал домой.

И все было кончено.

Я долго стоял под душем и успел лечь в постель, чтобы посмотреть повтор «Скорой помощи».

Утром я ехал на работу, насвистывая веселую мелодию. В кабинете я не нашел ни нежеланных конвертов, ни незваных гостей.

Я боялся только одного — того, чего в моих обстоятельствах боялся бы любой человек, — я боялся, что меня поймают. Несколько дней я прилежно смотрел все новости по местному телевидению, читал все местные газеты — искал сообщения о смерти Киоко, хоть какие-то намеки на то, что полиция напала на мой след. Однако нигде не было никаких упоминаний об убийстве, имя Киоко не появилось в некрологах; я не нашел ни ее адреса, ни вообще никаких упоминаний об убийствах и в еженедельном полицейском отчете,

напечатанном в пятничном выпуске «Бри газетт».

Неужели ее тело еще не обнаружили?

Или фирма покрыла мое преступление?

Мне очень хотелось рассказать об убийстве Стэну. Я не знал, поймет ли он, но он был моим другом и точно бы меня не выдал, а подвел бы под случившееся какую-нибудь теорию. Однако я решил Стэна не впутывать. Зачем расширять круг посвященных? Это мое деяние, и только мое. Было бы неправильно вовлекать еще кого-то.

Когда и следующая неделя пролетела без новостей, я набрался смелости и проехал мимо дома Киоко. Ни желтой полицейской ленты, ни таблички «Продается», ничего необычного, ничего, что указывало бы на убийство домовладельца.

Я заторопился домой.

Назавтра я вернулся с одним из ее писем в руке и притворился, будто явился по приглашению. Во рту пересохло, ладони взмокли, но я заставил себя пересечь маленький дворик и позвонить, а потом постучать.

— Есть кто-нибудь дома? — громко спросил я.

Естественно, никто не ответил.

Я посмотрел по сторонам, не увидел ни пешеходов, ни движущихся автомобилей. Снова позвал и подергал ручку. Не заперто!

Я проскользнул внутрь. Коридор был безупречно чист. Никаких признаков борьбы, никакой грязи: ни дерьма, ни мочи, ни блевотины. Ни трупа. Я обошел весь дом, проверил все помещения. Везде было чисто и пусто. Более того, я не нашел никаких признаков того, что в доме кто-то жил. Ни еды на полках, ни одежды в шкафах, ни туалетных принадлежностей в ванной комнате.

Все закончилось.

И мне это сошло с рук.

Я должен был бы обрадоваться. С моей точки зрения, все было отлично в этом мире.

Но я чувствовал себя странно. Мне было неуютно, и я быстро покинул дом.

И, охваченный смутной тревогой, поехал к себе.

Я избавился от Киоко, и ведьма не подавала признаков жизни. Я обрел свободу. Общался с друзьями, читал журналы, смотрел телевизор и писал свои любимые письма. Я жил в мире, созданном для меня.

И все же я не был абсолютно счастлив.

Сначала новая работа воспринималась как подарок судьбы, однако постепенно меня стала одолевать скука. Один день — за мелкими исключениями — походил на другой. Прежде Киоко и ведьма как-то разнообразили мою жизнь. Отсутствие неприятностей лишило мое существование остроты. Я понимал, что и через десять, и через двадцать, и через тридцать лет буду делать то же самое. Мне не о чем было мечтать, некуда было спешить.

Но я никогда не забывал о Верховном Писателе Писем, или Верховном, как мы привыкли его называть.

Мысли о нашем невидимом владыке удерживали нас от безумия, а бесконечные параноидальные теории Стэна спасали от самодовольства.

Хотя мои друзья не казались такими неудовлетворенными, как я, и в них я замечал недовольство, однако большинство наших коллег, Писателей Писем, пребывали в полном восторге и счастливо работали здесь независимо от того, как давно покинули реальный мир. С моей точки зрения, эти люди были просто винтиками в огромной машине, неразумными захребетниками, полагающими, что нашли свое место в жизни.

Вы очень могущественны.

Я был другим.

Стэн недавно пересмотрел свои теории. Теперь он уверял, что наши письма, даже его длинные трактаты по космической программе, отправляемые президенту, *достигают* места назначения. Мы отвлекали внимание, мы были белым шумом, мы концентрировали внимание на пустяках, чтобы никто не замечал глубоких изменений, сотрясающих общество и подводящих цивилизацию к краю пропасти, к всеобщему хаосу. И это касалось не только Соединенных Штатов Америки, но и всего мира в целом. В здании фирмы мы встречали Писателей Писем из Венгрии и Судана, Китая и Ирана, а поскольку читали газеты и смотрели новости, то знали, что происходит в их странах.

Конечно, мы освещали с помощью наших писем и важные моменты. Политические заявления проникали в прессу, попадались на глаза высокопоставленным чиновникам, влияли на исход выборов и пересмотр политического курса, однако они терялись в океане пустой болтовни, восхвалении и ниспровержении знаменитостей, кулинарных дебатах и обсуждении музыкальных стилей. Наши самые эффективные, самые талантливые писатели не затрагивали мириад проблем мирового сообщества, а переключали внимание на незначительные события. Меня ограничили жалобами на шум от автодрома. Билл перенацеливал «Пентхауз форум» с анального секса на фетишизм.

— Я уверен, — сказал Стэн, — что общество Писателей Писем многослойно. Мы — верхний слой, те, кто печатается больше всех, кто трещит о текущих событиях повседневной

жизни. Мы жалуемся на новую кока-колу или сексуальные инсинуации на телевидении или предлагаем классифицировать видеоигры и музыкальные альбомы. Однако существует другой, невидимый нам пласт, и составляющие его Писатели реально претворяют в жизнь планы Верховного. Они свергают правительства, скрывают факты геноцида, перекрывают поступление продуктов жертвам голода. Они преобразовывают мир постепенно, одну страну за другой; обращаются с реальными армиями, королями, президентами и религиями как с фигурами на шахматной доске. И им все это сходит с рук, потому что мы направляем ярость общества на радиоведущих и привлекаем внимание к сексуальной жизни политических кандидатов.

Я подумал о Вирджинии и ее коллегах с верхних этажей, куда мне был закрыт доступ.

Идея Стэна казалась разумной, и, сидя в своем рабочем кабинете, слушая радио, знакомясь с последними кинофильмами, просматривая последнее провокационное телешоу на канале Эйч-би-оу, ежедневно бомбардируя письмами четыре газеты и еженедельно шесть журналов, я все отчетливее понимал, как узка сфера моей деятельности, сколь малое влияние я оказываю на ситуацию. И злился.

Я хотел все бросить. Я хотел вернуться домой. В свой настоящий дом. Больше всего на свете я хотел увидеть Викки и Эрика. Даже если я не мог жить с ними, даже если Викки никогда не примет меня обратно, я хотел их видеть.

Я даже пробовал молиться. Я был Писателем Писем, а что такое молитвы, если не устные письма Богу? «Уважаемый Господь», — обычно начинал я, как будто писал ему письмо. Однако он оставался глух к моим молитвам. Я до сих пор не знал, *существует ли Бог*, но я точно знал, что если бы у меня был Его адрес и я смог бы не поговорить с Ним, а написать Ему, у меня было бы гораздо больше шансов на положительный результат.

Тянулись дни.

Недели.

В первую годовщину моего поступления на работу в мой рабочий офис явился чиновник, допрашивавший меня после моего пленения и устроивший вечеринку в мою честь. Он казался все таким же скучающим, официальным и излучал скрытую угрозу.

— Мистер Хэнфорд. — От его голоса у меня, как и прежде, мурашки побежали по коже. — Давно мы с вами не виделись.

Я вдруг заметил в его облике какую-то неправильность. На нем была та же странная одежда, похожая и на униформу, и на деловой костюм, и в то же время ни то ни другое, но не это встревожило меня. Дело было в нем самом. Он не носил ни бороды, ни усов и был аккуратно подстрижен, однако его нарочито бесстрастное лицо не выглядело современным.

Я попытался представить его в тоге, в звериных шкурах, и получилось это слишком легко.

С чего, черт побери, в мою голову лезут такие мысли?

— Здесь у меня несколько писем, — бодро заявил гость. — Поздравления от доброжелателей с десятого этажа. От ваших старых друзей!

Он передал мне пачку конвертов.

— Спасибо, — сказал я, бросая конверты на заваленный бумагами стол.

— Вы их не вскроете?

Мне показалось, что он разочарован, и я обрадовался.

— Нет. Я занят. Я прочту их позже.

— Очень хорошо. — Он вдруг заговорил более официальным тоном. — Я просто хотел

посмотреть, как вы устроились, и поздравить вас с годовщиной. — Он улыбнулся. — Вы получите еще много поздравлений.

Я не стал радоваться его проявлениями чувств и взялся за письма только после его ухода. *Поздравления с годовщиной?* Странно. У меня возникло желание вообще не открывать их, выбросить непрочитанными. Они явно написаны по заказу. Сотрудникам с десятого этажа приказали их написать, и, вполне вероятно, с какими-то недобрыми намерениями. Вполне вероятно, что эти послания — не просто поздравления и не так безобидны, как кажутся.

И все же на том этапе своей жизни я был благодарен за все выходящее за рамки обыденности, нарушавшее рутину моей жизни.

Я просмотрел пачку и открыл письмо Вирджинии:

Мой дорогой Джейсон!

Неужели пролетел целый год? Мне он показался гораздо короче, хотя вам, несомненно, гораздо длиннее. Желаю, чтобы ваше творчество приносило вам столько же радости и тайного волнения, как те письма, которые вы писали с вашим другом Полом много лет тому назад.

Я нахмурился. Пол? Друг моего детства? Мы не виделись с тех пор, как его семья переехала, с тех пор, как он в последний раз смотрел на меня в окно автомобиля, горько плача и обещая стать моим другом по переписке. Что Вирджиния имеет в виду? Какие письма я когда-либо писал с Полом? Что за тайное волнение?

Тайное.

Послание! — понял я. Вирджиния прислала мне тайное послание! Я вдруг вспомнил, что мы с Полом как-то пытались вести тайную переписку с помощью исчезающих чернил — лимонного сока. Коричневатые, словно обожженные строчки возникали при нагревании листка. Дело было непростое, не оправдывало потраченного времени, и больше мы этим никогда не занимались.

Не пытается ли Вирджиния сообщить мне что-то тем же способом? Я вспомнил ломтик лимона в ее чае.

Следили за мной или нет, но я не желал упускать этот шанс и нагрел листок над электрической лампочкой. Сначала появились буквы, потом они сложились в слова: НЕ ПИШИ. ЭТО ОПАСНО.

Сердце загрохотало в груди. Я воровато оглянулся убедиться, что за мной не шпионят, и порывисто выхватил из стопки другое письмо — от Джона. И подержал его над лампочкой.

Ничего.

Я нагрел все письма, и только в письме Эрнеста появились коричневые строчки: СОПРОТИВЛЯЙСЯ. НЕ ПОМОГАЙ ЕМУ.

Ему.

Сердце заколотилось еще сильнее. Речь идет о Верховном. Они что-то узнали и отчаянно пытаются поделиться своим знанием со мной.

Вы очень могущественны.

Стэн прав, подумал я. Нас используют для изменения облика мира. Письма — *тот фундамент, на котором строятся общества*, сказал мне Генри в мой первый рабочий день. *На письмах зиждется наше господство. Письма — наш бизнес, наша сфера деятельности, смысл нашего существования. Поэтому мы можем творить историю; можем определять*

ход событий.

Мы — зло. Я уже некоторое время подозревал это. В романе Филипа Эммонса я вычитал цитату из Аристофана, которую так и не забыл: «В основании отвратительных деяний лежат отвратительные причины». Мы были теми отвратительными причинами и распространяли по земле отвратительные деяния. Ни к чему хорошему это привести не могло. Сочинение писем приносило нам счастье, развлекало нас, обеспечивало нам занятость. Мы это делали, мы ради этого жили. Однако наше пристрастие было пагубным и вело лишь к краху и разрушению. Не важно, что мы говорили самим себе, не важно, насколько легко мы к этому относились, — зло проступало, побеждало.

Верховный это знал. Он использовал нас в своих тайных целях, манипулировал нами, чтобы навязывать свою волю, воплощать свои планы, и, как пребывающие в неведении пешки, мы подыгрывали ему, потому что были по своей природе леммингами.

Но это было неправильно.

У меня не было реальных нравственных ориентиров. Ни у кого из нас не было. Однако, постаравшись, мы могли отличить правду от лжи. Мы могли определить, что хорошо, а что плохо.

Вирджиния это сделала.

Эрнест это сделал.

Узнать об остальных не было никакой возможности, а всегда лучше перестраховаться. «Считай всех врагами, пока они не докажут обратное», — сказал как-то Стэн, и, хотя он сам редко следовал своему совету, ценность его от этого не уменьшалась.

Я еще раз посмотрел на два листка бумаги с проступившими коричневыми словами. Что дальше? Во-первых, порвать и выбросить письма, уничтожить все улики. Я так и сделал, спустив обрывки в унитаз. А дальше? Я хотел поговорить с Вирджинией и получить побольше информации, но, очевидно, это было опасно, иначе она сама пришла бы ко мне. Послать ей письмо? Пожалуй, не стоит. Она и Эрнест скрыли свои тайные послания под банальными поздравлениями, явно не доверяя почте.

Поговорить с друзьями? Я не был уверен. Следовало узнать побольше.

Я смотрел на заправленный в пишущую машинку чистый лист бумаги, на пустой подмигивающий экран монитора, на стаканчик с новыми разноцветными ручками.

Нельзя бросать работу под влиянием минуты. Это было бы подозрительно. Кроме того, я вряд ли справился бы в одиночку. Как обжоре перед горой шоколада, мне не хватило бы силы воли. Однако я мог сделать свои письма как можно более безобидными и нелогичными и отослать их сегодня как можно меньше.

Черт, может, даже взять выходной и сходить в кино. Я поступал так раньше. Это не вызовет особых подозрений, а мне не придется ничего писать, пока я не получу побольше информации. Я проверил расписание сеансов. В мультиплексе шел не требующий умственного напряжения боевик Джерри Брукхаймера. То, что доктор прописал. Отвлечет от происходящего.

Я вышел из коридора и поплелся к лифту.

Зал был почти полон. Я нашел пустое место и, как ни странно, оказался рядом с Шеймусом, которого не видел уже несколько дней. Шеймус тоже прогуливал работу. Я поздоровался. Он рассеянно кивнул, но не заговорил со мной. Он явно нервничал и был не в своей тарелке, словно, как и на меня, на него давила непосильная ноша. Я хотел спросить его, что случилось, но не успел, поскольку начался фильм.

Когда, по ходу действия, экран светлел, я украдкой оглядывал публику, но не заметил ни одного знакомого лица. Почему-то я надеялся встретить здесь Вирджинию.

Не повезло.

В середине сеанса я вышел в туалет. Шеймус последовал за мной и, пока я делал свои дела, стоял, привалившись к двери, чтобы кто-нибудь ненароком не зашел. Я застегнул «молнию», обернулся, нахмурился:

— В чем дело, приятель?

— Послушай, — заговорщически прошептал он, распахивая пиджак. Я увидел письма во внутренних карманах, письма за поясом его брюк. Не меньше дюжины писем. — Вчерашние и утренние. Я их не отправил.

Я не смог бы гордиться Шеймусом больше, даже будь он моим родным братом. В исключительно неблагоприятных условиях, вопреки логике и собственной натуре, он вырвался из цепких лап своей одержимости и самостоятельно пришел к выводу, для которого мне понадобилась серьезная встряска.

— Они плохие. Они неправильные. Я не могу послать их.

— Я знаю, — кивнул я.

— Но если я оставлю их, или выброшу, или... что-нибудь с ними сделаю, будет беда. Меня накажут. — Шеймус умоляюще посмотрел на меня. — Ты тоже так думаешь?

— Да, я так думаю.

Шеймус трясся как осиновый лист.

— Я не понимаю, почему я это сделал. Такая глупость. Не надо было связываться...

— Нет! — Я быстро подошел к Шеймусу и схватил его за плечи. — Ты поступил правильно. Мы все должны были так сделать. — Я посмотрел ему в глаза. — Ты знаешь, почему я сегодня здесь? Ты знаешь, почему я смотрю этот дурацкий фильм и даже не слежу за действием? Потому что я знаю, что больше не должен писать письма, и мне необходим предлог.

Его лицо просветлело.

— Правда?

— Я и завтра ничего не напишу, но не знаю, как скрыть свое безделье.

— А ты сможешь? — спросил Шеймус.

— Скрыть безделье?

— Нет. Не писать. — Он кивком показал на свои письма. — Я тоже так планировал, но не смог удержаться. Поэтому я решил, что просто напишу, но не отправлю. Убью одним выстрелом двух зайцев.

— Думаю, это хорошая идея, — похвалил я.

— Да, но смотри, что из этого получилось. Что мне делать дальше?

— Не знаю, — признался я. — Может, посоветуемся со Стэном?

— Давай, если ты считаешь, что так лучше.

— Возможно, за нами следят. За обоими, — предупредил я Шеймуса. — Выходим поодиночке и возвращаемся на свои места. Не стоит сматываться до конца фильма. Слишком подозрительно. Я уйду, когда начнутся титры, вернусь в кабинет, почитаю, наверстаю упущенное. Ты ждешь конца титров, тоже едешь на работу, досиживаешь до конца дня, чтобы не вызвать подозрений, и выходишь к своей машине в обычное время. Тот, кто оказывается на парковке первым, ждет другого. Затем мы оба едем к Стэну. Ни слова ни ему, ни кому другому, пока не войдем в его дом.

— Думаешь, сработает?

Я покачал головой:

— Не знаю.

Я не помню дня в своей жизни, который тянулся бы медленнее, чем тот. Я все ждал, что распахнется дверь моего кабинета, ворвется тот чиновник с парочкой своих охранников и меня уволокут в ту камеру. Или в соседнюю, из которой доносились вопли. Но минуты ползли, потихоньку превращались в часы. Никто не появлялся. Похоже, наш план действительно сработал, и в начале шестого мы с Шеймусом уже стояли на подъездной дорожке Стэна и ждали его возвращения.

Стэн оставил машину на улице и подошел к нам.

— Чему я обязан такой честью?

Увидев выражение наших лиц, он забыл о фривольности и посерьезнел.

— Что такое? Что случилось? — Он встретился со мной взглядом. — Поговорим в доме?

— Думаю, это наилучший вариант.

У паранойи есть свои плюсы. Стэн давно переоборудовал гардеробную в «убежище». Стоящие вдоль стен пенополистироловые коробки заглушали звук, а натянутые покрывала защищали от спрятанных видеокамер и любопытных глаз. Потолок и пол были выстланы одеялами. Как только мы все оказались внутри, Стэн включил туристский фонарь, заклеил щели между дверью и косяками изоляционной лентой и завесил проем еще одним одеялом. Получился как бы тряпичный кокон.

— Ну и ну, — сказал Шеймус и улыбнулся впервые за весь тот день. — Неужели ты знал, что мы заявимся?

— Предпочитаю всегда быть наготове.

Я объяснил Стэну, что случилось. Сначала рассказал о тайных посланиях Вирджинии и Эрнеста, написанных лимонным соком на поздравительных письмах. Глаза Шеймуса чуть не вылезли из орбит. Этой истории он еще не слышал. Потом я сообщил Стэну о затруднениях Шеймуса. Тот в подтверждение распахнул пиджак и показал письма. Их оказалось еще больше. После нашей дневной встречи он времени не терял.

— У меня есть камин, — сказал Стэн. — Мы их сожжем.

— Прекрасно на данный момент, — согласился Шеймус. — А что делать завтра? Послезавтра? Послепослезавтра? Я не могу приезжать к тебе каждый день, чтобы сжигать свои письма. Они заметят. Даже если я найду какой-то другой способ, они в конце концов все поймут. Что мне делать?

Стэн похлопал его по плечу:

— Мы что-нибудь придумаем. А сейчас просто избавимся от этих. — Стэн принялся стаскивать одеяло с двери. — Ни слова об этом. Просто болтайте о пустяках. А когда все сожжем, вернемся сюда и поговорим. Хорошо?

— Хорошо, — согласились мы с Шеймусом.

Стэн отклеил изоляционную ленту, открыл дверь.

В доме было темно. Вечер только начинался, и до сумерек оставался еще час или два. Солнце никак не могло зайти так быстро. Мы провели в «убежище» не больше пяти-семи минут.

Я посмотрел за окно. Туман был таким же густым, как в тот день, когда я приступил к работе. Я не увидел ни подъездной дорожки, ни наших автомобилей, и мне это не

понравилось. Я оглянулся на Шеймуса. Он весь дрожал, а лицо его было почти таким же белым, как туман.

Стэн молча прошел из спальни в гостиную к камину и сделал нам знак следовать за ним.

Кто-то стал колотить в парадную дверь. Не стучать. Колотить. Гулкое грозное эхо покатилося по всему дому. Я подумал о «Ночи живых мертвецов» и о бесконечной, несокрушимой армии зомби, пытающейся вломиться на старую ферму, где прятались герои фильма.

Я опять взглянул на сгустившийся за открытым окном туман. За непроницаемой пеленой ощущалась та же холодная пустота, которую я почувствовал в первый раз ровно год тому назад. Но в самом тумане маячили какие-то фигуры. Очертания и тени. Темные силуэты, перед самым своим исчезновением сливавшиеся в почти узнаваемые существа. Я хотел закрыть окно, но боялся приблизиться к нему, боялся даже упомянуть о нем.

Стэн, опустившись на колени перед камином, включал газ. Из большой коробки он вынул длинную спичку и чиркнул ею. Я видел, как тряслись его руки. Пламя охватило фальшивые поленья.

— Давай, — сказал Стэн, указывая на письма.

Грохот в дверь усилился.

Затем прекратился.

Шеймус пытался вытащить письма из-за ремня.

— Сейчас-сейчас!

И его тут же засосало в открытое окно.

Это случилось так быстро, что я даже не заметил, не понял, как его забрали. Я не мог сказать, будто что-то схватило его или его, как пылесосом, высосало из комнаты. Я просто видел его, кричащего, уже снаружи.

— П-п-п-п-о-о-м-м-о-о-г-и-и-е-е-е! — вопил Шеймус, растягивая каждый звук.

Мы смотрели, как туман засасывает его, как белое вещество, словно одеяло, окутывает его, как невидимая сила утаскивает его прочь. Затем раздался короткий жуткий вопль.

И все стихло.

Ни одного письма не выпало из его руки; все конверты утянуло вместе с ним. Мы со Стэном переглянулись; мы ждали своей очереди. Однако через несколько мгновений туман рассеялся. Вместо угрожающей белизны за окном вновь появилась обычная улица, на которой жил Стэн. Как будто проявилось фотографическое изображение, и, каким бы осязаемым, каким бы реальным ни выглядело окружение, я чувствовал его фальшь. Я приблизился к окну, выглянул наружу. Мой автомобиль и автомобиль Стэна стояли перед домом.

Автомобиль Шеймуса исчез.

Все следы Шеймуса были стерты.

В камине все еще горел огонь. Стэн завернул газовый клапан. Его рука тряслась еще больше, лицо мертвенно побледнело, губы пересохли и побелели. Несколько минут мы не могли вымолвить ни слова. Мы стояли и ждали, вдруг это нечто вернется за одним из нас. Когда стало ясно, что мы в безопасности, что участь Шеймуса нам не грозит, мы глубоко вздохнули и плюхнулись в кресла напротив друг друга.

— Как ты думаешь, где он? — Мой голос прозвучал пронзительнее, чем мне хотелось бы.

— Не знаю. Понятия не имею. Ни одной мысли в голове.

— У меня тоже.

Мы переглянулись.

— И что дальше? — наконец спросил я.

Стэн подумал немного.

— Завтра вернемся в офис и будем делать свою работу, — мрачно сказал он. — Заткнемся и продолжим писать письма.

2

К утру я осмелел и решил рискнуть: подняться к Вирджинии поговорить. Однако, когда я нажал кнопку десятого этажа, лампочка не загорелась, лифт не тронулся с места. Я нажал на все кнопки, но сработала только одна: кнопка четвертого этажа, моя.

Они следили за мной.

Они меня контролировали.

Встревоженный, перепуганный, я вернулся в свой кабинет, оглядываясь почти на каждом шагу. Я не хотел писать письма, знал, что не должен, но только письмо могло меня успокоить. В тот момент я отчаянно нуждался в чем-то расслабляющем, чтобы кровеносные сосуды не лопнули от напора крови.

Я написал письмо кантри-музыканту Роберту Эрлу Кину о том, как мне понравился его новый альбом, но все же я считаю «A Bigger Piece of Sky» («Большой кусок неба») его лучшей работой. Я написал недоброжелательное письмо рок-группе Rush: они, мол, совершенно выдохлись и могут убраться со сцены.

Музыка, опять музыка.

Я решил, что если ограничиться музыкальными темами, то я не смогу причинить особого вреда.

Я надеялся, что был прав.

Незаметно пролетело утро. Двенадцать писем о разных рок-группах и авторах песен лежали идеальной стопочкой рядом с моим компьютером. Я успокоился и сосредоточился, ко мне вернулось хладнокровие. Как будто я медитировал или напился лекарств. Тревога утихла. Однако на самом деле ничего не изменилось. Шеймус так и не вернулся, а я находился под наблюдением, в чем ни секунды не сомневался. Мне было жизненно важно поговорить с Вирджинией и ее друзьями, но теперь я мог справиться с ситуацией. Я больше не чувствовал себя как в стане врагов.

В кафетерии было необычайно тихо, и я понял, что Стэн рассказал всем о случившемся с Шеймусом. Я был ему благодарен за это. Если бы мне пришлось пересказывать события прошлого вечера, мое едва обретенное хрупкое равновесие могло разлететься вдребезги, а я хотел сохранять отстраненность как можно дольше. Если бы я смог одурманиваться наркотиками до конца своих дней, то это меня вполне устроило бы.

Мы не вспоминали о Шеймусе. Мы не говорили ни о чем важном. Мы обменивались ничего не значащими любезностями и со стороны могли показаться обычными служащими обычной фирмы, приятно проводящими обеденный перерыв. Мы боялись говорить открыто, и я обреченно признал, что мы проиграли, а Верховный победил. Он не только заманил нас сюда и превратил в послушных роботов, он сумел подавить в зародыше единственную

попытку инакомыслия.

Я пытался убедить себя, что, возможно, Вирджинии и ее коллегам повезет больше, чем нам.

Кого я обманывал, черт побери? Если бы они действительно хотели освободиться, если бы могли найти путь к свободе, их давным-давно здесь не было бы. Они такие же пленники, как и мы.

Той ночью мне приснился шатер в пустыне, цирковой шатер. Только на этот раз пустой. Отвернутые края полотна манили меня, но внутри оказались одни зеркала, сотни зеркал, и я тупо таращился на свои отражения. Я вышел и попал в другой сон, который видел давным-давно и почти забыл, сон, в котором скелеты сидели вдоль конвейера и клеили марки на плывущие мимо конверты. Эта почтовая фабрика находилась уже не в пустыне, а когда я взгляделся в показавшиеся поначалу одинаковыми скелеты, то один из них вроде был похож на Шеймуса.

Наутро я сразу же бросился искать анонимное письмо с описанием своего кошмара. Я молился, я надеялся получить одно из тех таинственных посланий, чтобы доказать себе: я все еще важен Верховному настолько, что он пугает меня, пытается удержать в узде.

Я ничего не нашел.

Я принял душ, побрился, позавтракал и поехал на работу.

Где меня ждала ведьма.

Я опоздал и приехал одним из последних. К счастью, Стэн тоже припозднился, и мы вместе пошли ко входу в здание. И увидели ведьму. Она стояла на углу и выглядела точно так же, как много лет назад. Ничего призрачного или эфемерного в ней не было. Она была такой же реальной, как я сам. Задохнувшись от ужаса, я ткнул Стэна в бок:

— Это она. Это ведьма.

Любопытство в нем явно победило испуг, и он направился к углу здания. Я последовал за ним, не желая признаваться в своем страхе.

Стэн просто подошел к ней и спросил:

— Зачем вы здесь?

— Не пиши, — сказала она, оглядываясь вокруг, словно боясь, что ее могут услышать.

— И это все, что вы можете сказать? — насмешливо спросил Стэн, и его ирония придала мне сил.

— Зачем вы являлись в мой дом? — Мой голос прозвучал слишком пискляво, и я откашлялся. — Зачем вы меня преследуете?

Она опять опасливо оглянулась.

— Я тоже здесь работала. Я была одной из вас. Но я сбежала. Я избавилась от них. — Она посмотрела на меня холодно, сурово. — Пока ты не вернул меня обратно.

— Вы... — Я чуть не сказал *мертвы*, но понял, что прочел об этом в газете. Я лучше других знал, что новостями можно манипулировать. Вероятно, она *не* умерла. Вероятно, ее вернули в фирму.

— Прекрати писать письма, — с жаром произнесла она. — Немедленно!

— Эй! — крикнул охранник.

Я покосился влево и увидел, как он спешит к нам от парадного входа. И что-то говорит в портативную рацию. Я повернулся к ведьме — но ее уже не было.

— Куда она подевалась! — спросил я Стэна.

Он покачал головой. Он тоже не видел.

— С кем это вы разговаривали? — спросил подбежавший охранник.

От парадного входа и из-за угла бежали другие охранники.

— Не знаю, — спокойно сказал Стэн. — Мы опаздываем на работу.

Вскинув голову, он направился ко входу. Я последовал за ним.

— Что это было?

— Понятия не имею, — признался Стэн. — Но она пыталась предупредить нас, и, думаю, ей это было нелегко. Думаю, она сильно рисковала. Нам следует прислушаться.

Я тоже так думал, только боялся. Я не забыл о том, что случилось с Шеймусом. Не предупреждала ли ведьма меня с самого начала? Не знала ли она, что я Писатель Писем, еще когда я был ребенком?

Не тиши.

Что, если бы я послушался ее много лет назад?

Я не мог ее послушаться, осознал я. Я не смог бы прекратить писать письма даже ради спасения собственной жизни.

Однако сейчас я мог бы попытаться.

И я попытался.

В тот день я написал только два письма.

3

В моем доме снова начались разные странности.

Сначала по мелочам, и почти неделю я считал, что обнаруживаю результаты проказ ведьмы или Киоко, возможно, многомесячной давности; просто раньше не замечал. В глубине холодильника я нашел разбитую тарелку, под раковиной в ванной комнате пустую бутылку из-под водки. А между диванными подушками застрял клочок неоконченного письма. Листок был сложен, затем смят, и единственными словами были поспешно нацарапанные *Дорогой Джейсон*.

Но потом начало происходить то, что я не мог приписать ни ведьме, ни Киоко. Однажды я, как всегда, вышел утром из дома, погасив свет и выключив телевизор, а когда вернулся, все лампы горели, все три телевизора работали, из радиоприемника грохотал рок-н-ролл. А через несколько дней в моем почтовом ящике появился адресованный мне конверт. На строчках для имени отправителя стояло имя моего сына. Я разорвал конверт и раскрыл вложенное письмо. Целая страница была заполнена тремя повторяющимися словами: *Я тебя ненавижу, Я тебя ненавижу, Я тебя ненавижу, Я тебя ненавижу...*

Кто-то издевался надо мной.

В тот день в своем кабинете, листая газеты и журналы, я наткнулся на письмо. От Вирджинии. После таинственного послания, написанного невидимыми чернилами, я не видел ее и не получал от нее никаких весточек.

Дорогой Джейсон!

Просто захотелось черкнуть тебе пару строк. Желаю удачи. Пол передает тебе привет.

Вирджиния

Я поднес письмо к лампочке и с волнением смотрел, как появляются корявые коричневые буквы.

В твоём доме. Сегодня вечером.

Она узнала что-то важное и нашла способ поделиться со мной. Я позволил себе помечтать. Настроение резко улучшилось. Я сложил её письмо и положил в карман. И ничего не писал все утро: несколько часов читал журналы, спокойно пообедал со Стэном в кафетерии, покинул кабинет рано и поехал домой. Я знал, что ждать придется долго, но не смог усидеть на работе. Уж лучше метаться по собственному дому. Кроме того, надо было успеть хоть немного прибраться. Я действительно запустил дом.

Я убрал гостиную, кухню, спальню, кабинет, ванную комнату. Приготовил макароны с сыром. Вымыл посуду.

Я ждал.

Я смотрел телевизор. Я ждал.

В дверь зазвонили лишь в двенадцатом часу. Я открыл и увидел их всех: Вирджинию и гостей с моей первой вечеринки. Я пригласил их войти и впервые осознал, что большинство этих мужчин и женщин кажутся мне знакомыми. Нет, не потому, что я встречался с ними на десятом этаже или на той вечеринке, а потому, что я видел их... где-то ещё. Раньше.

Входя, Эрнест сердечно пожал мне руку. Он казался особенно знакомым. Он был похож на... Эрнеста Хемингуэя.

И почему я заметил это только сейчас?

Я внимательнее взгляделся в вереницу Писателей Писем. Некоторых я не определил, но не зря моей специализацией в колледже была литература. Во многих я признал знаменитых писателей. Лео с длинной густой бородой вовсе не походил на старого хиппи; он был похож на... Льва Толстого. Низкорослый горбатый Александр? Александр Поуп. Джеймс? Джеймс Болдуин. Билл? Уильям Берроуз.

Я повернулся к Вирджинии:

— Вы Вирджиния Вулф.

Она кивнула.

— А вы не знали? — хихикнул Берроуз, заметив мое изумление. — Вы не так сообразительны, как мы думали.

— Заткнись, — оборвала его Вирджиния.

— Сука.

У меня кружилась голова. Можно ли как-то тактично спросить о том, что меня волновало? Я ничего не придумал и просто выпалил:

— Что вы такое? Вы мертвы. Вы все мертвы. Вы... призраки?

Они дружно рассмеялись.

— Никто не умирает, — сказал Толстой с сильным акцентом.

— Не здесь, — добавил Амброз Бирс.

— Вы исчезли. Примерно в 1914 году. Никто не знает, что с вами случилось.

Он развел руками:

— Вы теперь знаете.

— Вирджиния, вы совершили самоубийство. — Я повернулся к Хемингуэю. — Вы тоже.

— Я отозвалась на письмо, — тихо сказала Вирджиния.

— Я выследил подонка, который не отставал от меня двадцать лет, — сказал Хемингуэй. — Таких вы теперь называете упорными преследователями. Но когда я

попытался встретиться с ним лицом к лицу, — он скривился, — то оказался здесь.

— Здесь? — тупо повторил я, начиная понимать, что город, в котором я живу, совсем не тот, каким я его считал. Вероятно, корпорация контролировала не только здание, в котором я работал, и не только комплекс, в котором я жил. Я вспомнил, как необъяснимо опустели улицы Бри, когда я начал работать на корпорацию. Я вспомнил свое ощущение, будто соседние дома — необитаемые оболочки, а я — единственный, кто живет на этой улице.

— Никто из нас не умер, — объяснил Джон Чивер. — Мы все попали сюда, как вы; нас обманули, заманили или наняли. Мы читали или смотрели по телевидению о своей предполагаемой смерти, но это неправда. Мы не знаем, чьи тела находили, не знаем, как организовывали наши смерти, как одурачивали наших близких. Однако правда в том, что мы живы и здоровы, обитаем в этом... месте. Кто-то по какой-то причине сострепал обстоятельства нашей гибели.

— Но...

— Живы ли мы? — В глазах Чивера засверкали озорные огоньки. — Нет худа без добра. Мы не стареем. Мы все в том возрасте, в каком попали сюда. Как и вы. Многие из нас взяли за перо в надежде на бессмертие и, по иронии судьбы, бессмертие, похоже, обрели. Благодаря нашим произведениям.

— Эпистолярным произведениям, — презрительно уточнил Толстой. — Самому эфемерному из всех видов литературы.

Я попытался собраться с мыслями.

Вирджиния коснулась моей руки.

— Мы воспользовались шансом навестить вас. Они знают, что мы здесь, и будут следить за нами еще пристальнее... и за вами. Я хотела прийти одна, но... — Она покачала головой.

— Мы тоже захотели навестить вас, — сказал Эрнест.

— Вы очень могущественны, — повторился Джеймс Болдуин.

— Вы — единственный, кто может помочь нам, — сказала Вирджиния. — Вы — единственный, кто может покончить со всем этим. Я подумала об этом, как только увидела вас, особенно после того, как прочитала ваше сочинение и стала свидетелем вызванной вами паники. Они это тоже знают. Вот почему они занимают вас ерундой, вот почему они не поручают вам важных дел.

— Кто они? — спросил я.

— Старейшины, — ответил Томас Манн.

— И возможно, тот, кто стоит за ними.

Верховный Писатель Писем Стэна.

— Туман сгущается, — заметила Джейн Остин, стоявшая у распахнутой двери, и, услышав ее слова, гости переполошились.

Я вспомнил Шеймуса и задрожал, холод пронзил меня до самых костей. По-моему, все остальные отреагировали так же. Молча, но очень быстро они развернулись и направились к двери. Каждый на секунду останавливался попрощаться со мной, поблагодарить, пожелать мне удачи, коснуться меня. Они были здесь всего несколько минут, но за эти короткие минуты я узнал больше, чем за весь прошедший год. Смысл того, что я обнаружил, сбивал с ног.

— Здесь сейчас опасно, — сказала Вирджиния, выходя. — Я свяжусь с вами, когда смогу. Нам нужно кое-что устроить. Мы обязательно поговорим.

Они исчезли в темноте, опережая клубящийся туман. Никто из них не приехал на машине, поэтому я сделал вывод, что они живут где-то в нашем комплексе. Интересно, почему я никогда не видел никого из них раньше.

Я закрыл за ними дверь. Запер ее.

Где мы? — раздумывал я. Что это за место? Как давно оно появилось?

Слишком о многом мне надо было подумать. Мой мозг был перегружен. Хотелось позвонить Стэну, однако сегодняшние события, пожалуй, лишь усилят его паранойю. Даже если мой телефон не прослушивается в общепринятом смысле, кто-то —

или что-то

— может подслушивать.

Я решил не ложиться спать, попытаться распутать эту таинственную историю и разгадать иную реальность Писателей Писем, но, размышляя о том, о чем я должен подумать, я заснул на диване и крепко проспал до самого утра.

На работу я приехал в обычное время, делая вид, что все нормально, ничего особенного не происходит, но внутренности завязывались узлами, желудок горел от избытка кислоты. Вирджиния ждала меня в моем кабинете. Она нервничала и не выспалась, то есть выглядела так, как я себя чувствовал. Когда я вошел, она встала.

— Нам необходимо поговорить.

— Здесь безопасно? — удивился я, оглядываясь.

— Нет. У вас дома. Вечером. Я приду одна.

Она не пришла.

Вернувшись домой, я ждал ее, не ложился до начала второго и в конце концов заснул, уморенный своим бдением. Я надеялся, что дверной звонок или стук меня разбудят, надеялся, что Вирджиния позвонит или пришлет письмо, но проснулся я очень поздно, в десятом часу, и не обнаружил никаких признаков ее попыток связаться со мной.

Должно быть, что-то с ней случилось, подумал я и отправился на работу. Сначала я заглянул к Генри узнать, нет ли каких новостей; во время ленча держал ушки на макушке, надеясь услышать какие-нибудь слухи, однако, если что-то необычное и произошло, никто ничего не знал.

Стэн остался в своем кабинете, поэтому я обедал один. В дальнем конце кафетерия я заметил Элен и Фишера. Они помахали мне, я кивнул в ответ, но ни они, ни я не попытались сесть вместе. Насколько хорошо я их знаю? Они вполне могут оказаться шпионами.

Любой был потенциальным врагом. Стены имели глаза и уши.

После ленча я сидел за своим письменным столом, заставляя себя не работать. День длился бесконечно.

Я уже собирался ехать домой, когда заглянул Генри и попросил меня перед отъездом заглянуть к нему в кабинет. Мое беспокойство за день не ослабло. Я нервничал не меньше обычного, беспокоясь о Вирджинии, но сказал Генри, что зайду, и через несколько минут уже стучался в дверь из матового стекла.

— Войдите! — крикнул он.

В кабинете кроме Генри оказался мой знакомый чиновник.

Я взглянул на Генри так, словно обвинял его в предательстве, хотя понимал, что он не виноват. Он отвел глаза.

— Здравствуйте, мистер Хэнфорд, — бодро начал чиновник. — Надеюсь, вы продуктивно сегодня потрудились.

Я выбрал уклончивый ответ:

— Не могу пожаловаться.

— Вы счастливы здесь?

— Почему вы спрашиваете?

— Поговаривают о вашем переводе на десятый этаж. Мы полагаем, что вас недооценили.

— А вы оценили?

— Да. Кроме того, открылась пара вакансий.

— Я не люблю офисные клетушки. Мне больше нравится мой кабинет.

— Мы можем это устроить.

Пародия на разговор продолжалась слишком долго. Я устал еще в самом начале, но сбежать не мог, и приходилось подыгрывать. Беседа велась по кругу, мы возвращались к началу, не находили никаких решений, повторяли одно и то же, не выдавая никакой информации. Все это казалось пустой тратой времени, но в конце концов мне разрешили уйти. На улице стемнело, парковка опустела.

Я поехал домой.

Я нашел Вирджинию Вулф в своей ванне; чтобы она не всплыла, к ее телу привязали камни.

Эрнест Хемингуэй сидел на кухне с дробовиком в руках. Его мозги разлетелись по всему помещению.

Я запаниковал и выбежал из дома. Стал стучаться к соседям, стал звать на помощь. Никто не отозвался. Лишь мерцал холодный свет и приглушенно бормотал телевизор. Где все? Я выскочил на середину улицы, задрал голову и завопил во всю мочь своих легких.

Я изливал свой гнев и страх в холодную пустоту. Никто не услышал моих криков. Не завизжали полицейские сирены, не собралась толпа соседей, только слышалось бормотание телевизоров. Приступ кашля прервал мои вопли. Я оглянулся на свой дом, на распахнутую дверь. Мысленным взором я увидел кровь Хемингуэя, безжизненные глаза Вирджинии... но я должен был вернуться туда и позвонить кому-то, кто позаботится о телах.

А что с Джеймсом Болдуином? На свободе ли он? Мечется ли по городу? Или лежит мертвый где-то в моем доме?

Фасад дома вдруг показался мне страшной мордой, распахнутая дверь — зевающей пастью, два фонаря над крыльцом — безумными глазами. Я не хотел возвращаться. Я боялся возвращаться. Однако выбора у меня не было: вернувшись домой, я по привычке бросил ключи от машины на журнальный столик. Если я решу связаться со Стэном или полицией, придется войти в дом и забрать ключи. Идти пешком по искусственному городу мне точно не хотелось.

Горло саднило, дыхание прерывалось, сердце молотом колотилось о ребра, но я взял себя в руки и, с трудом переставляя ноги, добрался до парадной двери. В гостиной трупов не было. Я подошел к телефону и пролистал стопку карточек, служившую мне записной книжкой.

И позвонил Генри.

Не знаю, почему я выбрал Генри. Следовало позвонить 911. Только вряд ли там была служба 911. Или полицейский участок. Или больница. Насколько я знал, все вокруг меня было иллюзией.

Кроме того, я подумал, что если кто и знает, как быть дальше, то это Генри. Он ответил

после второго гудка. Я рассказал ему о своей находке: о Вирджинии и Эрнесте Хемингуэе. Я не понял, удивился ли он или уже знал о случившемся и ждал моего звонка. Мне было все равно.

Я повесил трубку, схватил ключи от «тойоты» и вышел наружу.

Через несколько минут подкатила машина скорой помощи. Во всяком случае, я принял ее за машину скорой помощи. Это мог быть и катафалк, и микроавтобус, да что угодно. Четверо прибывших мужчин были одеты в те же неприметные то ли костюмы, то ли униформы, что и охранники, приставленные ко мне в начале этой дикой истории. И передвигались они тем же военным шагом. Все четверо молча кивнули мне, достали из машины носилки и покатали их к моему дому.

Интересно, куда они заберут тела, но в моем состоянии мне было не до вопросов. Ведьма... Киоко... эти самоубийства... События развивались стремительно.

Столкнулся ли я с реальными самоубийствами?

Да кого я пытался обмануть, черт побери! Я знал, что никакие это не самоубийства.

Наверное, я ждал Генри, ведь позвонил-то я ему, но Генри так и не появился. Никто больше не появился. Только та четверка исчезла в доме с пустыми носилками и через несколько минут что-то вывезла из дома. Как я ни вглядывался, невозможно было определить, что находится в пластиковых мешках. Я не различил ни тел, ни крови.

Мужчины закатали носилки в микроавтобус, поблагодарили меня и уехали.

Я сам должен отмывать дом?

Я уже не испытывал страха. Может быть, от шока. Я в оцепенении вернулся в дом, чтобы оценить ущерб, особенно на кухне, и...

Это уже был не мой дом.

Я остановился в дверях, растерянно таращась по сторонам, потом инстинктивно попятился, спустился с крыльца и посмотрел на фасад. Два этажа вместо одного и совершенно другой стиль. Однако...

Что-то знакомое было в этом здании.

Я поднялся по ступенькам, вошел. Да, я знал этот дом. Я никогда не был в нем раньше, но я узнал камин, паркетные полы, встроенные книжные шкафы. Не заглядывая в остальные комнаты, я точно знал, как они выглядят, знал, какая там мебель и как она расставлена.

Как такое возможно?

Я посмотрел на семейную фотографию в рамочке на каминной полке — Викки, Эрик и я — и вдруг понял.

Это был дом нашей мечты. Дом, о котором мы с Викки мечтали, который планировали, на который копили.

Я сел на диван — эту обивку выбрала бы Викки — и разрыдался. Ничего этого никогда не будет. Наша мечта никогда не осуществится. Никто не мог меня увидеть, но я закрыл лицо руками, и слезы полились неудержимо. Я рыдал час, два, три. До рези в горле, до жжения в глазах, до боли в желудке и легких. Никогда бы не подумал, что в моем организме столько слез: казалось, они никогда не иссякнут, разве что сердце не выдержит и я умру.

Где-то в середине ночи я все же сумел остановиться. Распухшие веки не размыкались, я почти ничего не видел, но, как ни был измотан, так и не заснул. На рассвете я пошел в свою новую кухню, сварил себе кофе, достал из шкафчика пару черничных кексов. После завтрака я принял душ, переоделся и машинально поехал на работу.

Стэн ждал меня на парковке.

— Ты выглядишь преотвратно. Что случилось, черт побери?

Я затряс головой и попытался обойти его. Мне хотелось поскорее оказаться в моем уютном кабинете, полном воспоминаний о моей любимой музыке. Я мог там отдохнуть. Я даже мог там поспать.

Стэн схватил меня за руку.

— Отстань!

Но Стэн потащил меня к своей машине.

— Поехали. Сегодня мы не работаем. Я должен тебе кое-что показать.

Я никогда не слышал такого волнения в его голосе. Стэн казался энергичнее, моложе и оптимистичнее обычного. Его пыл оказался заразительным.

— Что именно?

Стэн понизил голос:

— Я кое-что нашел. Быстро в машину. Поговорим по дороге.

И мы поговорили.

Вообще-то говорил Стэн. Я мог бы рассказать ему столько же — если не больше, — но был слишком измотан, слишком разбит, правда, когда он закончил, я осознал, что наши истории взаимосвязаны и составляют единое целое.

Оказалось, что Стэн ездил в город. Странности не обескуражили его, а, наоборот, побудили к действию, и — с самой нашей встречи с ведьмой — он играл в частного детектива, пытаясь выловить крупницы правды из той лжи, в которой мы жили, найти Верховного и встретиться с ним. Прошлой ночью он остался в своем кабинете и стал ждать, пока все уйдут. Он уже пробовал эту тактику, но тогда два охранника нашли его и вышибли из здания. Однако на этот раз Стэн успешно увильнул от них и спрятался в лабиринте писательских берлог, по которому когда-то провел меня Генри. Как только Стэн слышал шум или ему казалось, что кто-то приближается, он нырял за чей-нибудь письменный стол или диван и затаивался. Наконец, в полночь Стэн вышел из двери в начале дорожки и оказался там, где и предполагал, то есть перед кабинетом Генри. И увидел почтальона.

Им оказался один из похожих на моего чиновников, «безликих придурков», по меткому определению Стэна, и этот человек быстро удалялся по коридору с холщовым мешком, как у Санта-Клауса, через плечо. Парень только что опустошил почтовый ящик в противоположном конце коридора и явно направлялся в почтовое отделение корпорации, где сортировалась корреспонденция.

Стэн понимал, что если попытается преследовать почтальона, то будет незамедлительно обнаружен, поэтому нырнул обратно в лабиринт. Двери лифта звякнули, открываясь. Когда второй звонок возвестил о закрытии дверей лифта, Стэн выскользнул из своего убежища и проследил за загорающимися цифрами на верхней панели.

Лифт поднимался.

На это Стэн и надеялся. Почтальон либо собирал корреспонденцию с верхних этажей, либо встречался там со своими коллегами. Стэн увидел, как зажглась цифра восемь. И не погасла.

Стэн ждал, прислушиваясь, готовый в любой момент снова спрятаться в своем кабинете, но ничего не менялось.

Три минуты.

Пять минут.

Семь минут.

Десять.

Неужели столько времени требуется, чтобы забрать письма с восьмого этажа... или там находится главный сортировочный зал?

Стэн рискнул и нажал на кнопку вызова лифта.

Лифт спустился.

Стэн вспомнил, как я рассказывал, что меня пустили только на пятый этаж, но все равно нажал на кнопку восьмого.

И двери закрылись.

Стэн пожалел, что у него нет оружия — никакого предмета, который можно было бы использовать как оружие, — но вряд ли это ему помогло бы.

Двери разъехались, и Стэн увидел просторное помещение, больше всего похожее на фабрику девятнадцатого века. Все было черным и пыльным, пахло горящим углем и смазкой, горячий влажный воздух был словно пропитан сажей. Оголенные трубы, металлические опоры, свисающие с грязного потолка лязгающие цепи, прикрепленные в разных местах к переплетению деловито пытящих агрегатов.

Из центра этого хаоса убегали в дальний конец фабрики две бесконечные конвейерные ленты, заваленные конвертами. В корзине рядом лежали пустые полотняные мешки. Ни безликого придурка, которого преследовал Стэн, ни других чиновников не наблюдалось, но по обе стороны конвейерных лент сидели скелетообразные фигуры, быстро сортирующие конверты. Некоторые конверты сортировщики бросали в большие воронки, а на оставшиеся шлепали почтовые марки.

Точно как в моем сновидении.

Стэн увидел все это мгновенно, быстро нырнул в правый передний угол лифта и принялся жать на кнопку четвертого этажа. Лифт никак не реагировал, и Стэн понял, что придется искать другой путь отступления, иначе его застукают.

Он вылетел из лифта, спрятался за колонной, тут же осознав, что прекрасно виден не менее чем дюжине почтовых тружеников.

Оказалось, что ничего страшного. Они видели Стэна, но это их явно не волновало. Они были так сосредоточены на своем занятии, будто сами были машинами.

Стэн немного расслабился и — ради эксперимента — вышел из-за колонны, прошелся в поле зрения скелетообразных фигур. Никто не ринулся хватать его или останавливать, и Стэн осторожно обошел помещение, готовый в любой момент бежать сломя голову. Он нашел дверь с табличкой «Выход», открыл ее и вышел.

Стэн умолк, чтобы перевести дух, и, как оказалось, мы прибыли к месту назначения: улице на окраине Бри, казавшейся застроенной лишь наполовину. Хотя туман здесь не клубился, видимость была плохой. Здания казались просто силуэтами, невыразительными образами домов, магазинов и учреждений. Дорожное покрытие под колесами машины было твердым, но бесцветным и аморфным. И над всем этим нависало неопределенно-серое небо.

Стэн припарковался у обочины псевдоулицы.

Где мы? Является ли это частью реального мира? Я подумал о Вирджинии, Эрнесте и остальных, о том, что они говорили. Я вспомнил, как попал на эту работу, как вошел в квартиру номер 3 —

Шангри-Ла

— и очнулся в том пустом офисном помещении. Все последнее время я жил в какой-то альтернативной вселенной.

Или сходил с ума.

Стэн вышел из машины. Я последовал за ним. Как и в окружающем нас городе, воздух был едва ощутимым.

Стэн указал на очертания работающего допоздна магазинчика:

— Это там.

— Что?

— Почтовая фабрика... все остальное.

— Ты, кажется, говорил, что фабрика внутри здания фирмы.

— Так и есть. По крайней мере, я вошел изнутри. Но здесь совсем другая география. Когда я вышел, то оказался здесь. Видишь черный ход? Я входил и выходил несколько раз, чтобы убедиться. В общем, эта штука работает всегда. Надежно работает.

Иной мир.

— И каков твой план?

— Я хочу кое-что показать тебе. Ты вообще слетишь с катушек.

Меня начал обуревать страх. Стэн перебарщивал с секретностью, и мне это не нравилось. Я хотел, чтобы он прямо сказал, куда мы направляемся, и что он хочет показать мне, до того, как мы там окажемся, до того, как я это увижу. Мне пришло в голову, что рядом вовсе не Стэн, что его двойник ведет меня к месту казни.

И все же это был Стэн. Я знал это, нутром чуял. И если он хотел показать, а не рассказать, значит, у него имелась веская причина.

Я последовал за Стэном через незастроенную территорию к расплывчатым очертаниям здания. В центре аморфной серости выделялась дверь, настоящая дверь. Стэн потянул вертикальную ручку и открыл.

Мы вошли внутрь и оказались в мраморном, похожем на античный коридоре. В дальнем конце виднелся затененный вестибюль. Стэн уверенно направился вперед, стуча каблуками по отполированному полу. Мы пересекли вестибюль, Стэн остановился перед большой каменной дверью и, чуть приоткрыв ее, поманил меня.

— Посмотри, — прошептал он, когда я приблизился.

Я посмотрел. В помещении было полно мужчин и женщин, на первый взгляд похожих на старомодную группу секретарей вроде тех, что я недавно видел по телевидению в кинофильме «Как преуспеть в бизнесе, ничего не делая». Только я сразу заметил, что с этими людьми что-то не так. Они сидели перед экранами компьютеров, непрерывно печатая, автоматически меняя шрифты на личных принтерах. Странность была в их лицах. Эти люди казались тупыми, почти умственно отсталыми. Я нахмурился, не зная, как это понимать.

Стэн просветил меня.

— Им отрезали языки, — тихо сказал он. В его голосе прозвучал ужас. — Они не могут разговаривать. Они могут общаться только письменно.

Как ни жутко прозвучит, но это имело смысл. Они были идеальными Писателями Писем.

И вдруг я понял еще кое-что. Все эти люди — во всяком случае, большинство — были мне знакомы. Некоторые умерли много лет тому назад, другие — совсем недавно, а некоторые — насколько я знал — были еще живы.

И все они были мировыми лидерами.

Я узнал Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Мао Цзэдуна, Уинстона Черчилля

Президенты, короли, премьер-министры, цари, императоры. Их лица были искажены из-за отрезанных языков, но я мог точно определить, кто есть кто, а поняв, на что смотрю, нашел и дюжины других: Наполеон Бонапарт, мадам Мао, Дуайт Эйзенхауэр, Владимир Ленин Адольф Гитлер, Томас Джефферсон... Не каждый президент попал туда, не каждый диктатор или иностранный правитель. Однако, как Рональд Рейган, многие политики и властители обожали вести дневники и переписку. Некоторые из них были настоящими Писателями Писем, и именно те, кого собрали здесь, как сказал Генри, творили историю, определяли ход событий, правили миром. Они создавали глубокие невидимые течения, над которыми мы, легкомысленные Писатели Писем, гоняли свою бумажную пыль. Стэн был прав. Мы действительно служили отвлечением, и я осознал, насколько блистательно Верховный структурировал этот мир и на протяжении истории набирал новобранцев.

На протяжении истории.

Как мы можем даже надеяться на успешную схватку с подобной силой?

Вы очень могущественны, сказал мне Джеймс Болдуин.

Вы — единственный, кто может помочь нам, сказала Вирджиния. Вы — единственный, кто может покончить со всем этим.

Не совершил ли Верховный ошибку, связавшись со мной? Не ошибся ли с моими обязанностями?

Вирджиния и ее литературные коллеги, как, похоже, и Стэн, явно так думали. Я знал только одно: когда я был свободен, когда жил в реальном мире, я неумышленно блокировал некоторые письма отсюда; мне удавалось разрушать планы Верховного. Я был способен на гораздо большее, чем мне поручали. Мои таланты и возможности не использовали должным образом.

Единственный вопрос: это делалось умышленно?

— Я хочу показать тебе кое-что еще. — Стэн аккуратно закрыл дверь и повел меня дальше по мраморному коридору, остановился на полпути перед как будто обесцвеченной частью стены и приложил к ней ладонь.

Стена скользнула в сторону.

Мы оказались в библиотеке. Только это была не совсем библиотека, а письмотека. На полках из темного дерева, от пола до потолка, громоздились пачки писчей бумаги, массы листов с печатными текстами, страницы из блокнотов, разложенные по алфавиту, по первым буквам фамилий авторов, судя по трафаретным надписям на торцах шкафов. Письмотека была огромной, но прекрасно распланированной. Стэн прошел по одному проходу, пересек другой и легко нашел то, что искал. Он покопался в стопке на одной из нижних полок и вытащил написанное от руки письмо:

— Мое самое первое письмо.

Я взглянул на детские каракули, перевел взгляд на подпись: *Стэн Шапиро.*

— Здесь все письма, которые я когда-либо написал. Даже те, которые я порвал и выбросил. — Он забрал у меня свое письмо и положил на место. — Здесь все письма, которые *каждый* человек когда-либо написал.

Я подошел к ближайшему поперечному проходу, повернул направо, разглядывая путеводные буквы. Наконец я нашел букву Х, пробежался между стеллажами и увидел свое имя. В этой обстановке мои достижения показались весьма скромными. Я быстро пролистал одну из стопок и убедился в правоте Стэна. В этой стопке были все мои тайные письма Викки и Эрику, даже незаконченное письмо Вирджинии Вулф. Все, что я когда-либо

написал, хранилось здесь.

С верхней полки я наугад схватил письмо некоего Фрэнка Хейнза женщине по имени Эйлин: *Я распорю тебя от глотки до задницы, потом вытащу все внутренности и отдам на съедение воронам...* Я бросил письмо на пол, потянулся за другим. Автор Джиллиан Хэндуэйтер: *Меня очень огорчил тон, которым Вы разговаривали со мной по телефону, когда я позвонил, чтобы задать простой вопрос. Я не мелочен и не мстителен, но считаю, что Вас следует уволить за безобразное отношение к пациентам и некомпетентность. Именно это я скажу доктору...*

У меня кружилась голова. Какой во всем этом смысл? Кто хранит эти письма и зачем? Как они сюда попали?

Я двинулся дальше по проходу, взял наобум еще одно письмо:

Сэр!

Я получил Ваш меморандум и полностью с ним согласен. Нам действительно нужно больше. Для этой цели я решил создать другого.

Стэн Шапиро — бруклинец, за сорок, с параноидальными склонностями, обожающий теории заговоров и сосредоточенный исключительно на космической программе. Рост пять футов десять дюймов, лысеющий и, несмотря на навязчивые идеи, довольно общительный, легко вступает в контакт с людьми...

Я оглянулся на Стэна, приближавшегося ко мне. Во рту мгновенно пересохло.

— В чем дело? — спросил он, увидев выражение моего лица.

Я не смог выдать ни слова, просто протянул ему письмо. Он прочитал и изумленно уставился на меня.

— Как ты думаешь, что это значит? — прошептал он.

— Я... не знаю. — Но кажется, я знал, и мне было страшно. Я взглянул на подпись под письмом, перевел взгляд на обратный адрес: Рис Ханнеган. Имя ни о чем мне не говорило. Схватив пачку писем этого парня, я начал быстро их просматривать. В одном Рис писал о создании женщины по имени Долорес Хернандес, Писательницы Писем, любительницы мексиканских сериалов и яркой противницы свободной торговли.

Я знал ее. Я ее встречал.

— Я... персонаж, — ошеломленно пробормотал Стэн, оседая. Он шлепнулся на пол, но, похоже, боли не заметил. — Другой Писатель Писем написал обо мне, и я... появился.

— Не обязательно... — начал я.

— Перестань.

— Если кто-то что-то написал, это вовсе не означает, что там правда. Кому это знать, как не тебе?

— Но я чувствую, что это правда, — сказал Стэн, и был прав. Как ни противно было признавать, но в этом *чувствовалась* правда.

— В начале было слово.

— Может быть... может быть... — Я умолк, поскольку на ум не приходили никакие утешения.

Кто этот Рис Ханнеган? Один из Старейшин, упомянутых Томасом Манном? Обращение во всех письмах *Сэр*, как будто Рис, подчиненный, докладывает своему начальнику. Верховному Писателю Писем?

Стэн нервно хохотнул:

— Я был создан в письме. Кто-то обо мне написал, и вот я здесь. Ирония судьбы.

Я был потрясен. С трудом постигал смысл происходящего.

— Что, если и я ненастоящий?

— Ну и что?

— Может быть, кто-то написал обо мне и создал меня...

— Может быть. Ну и что, черт побери? — Стэн поднялся и вдруг снова стал самим собой, то есть сварливым и вздорным. Я восхитился тем, как он быстро приспособился, как быстро восстановил душевное равновесие, но мой мозг продолжал работать: *Потому что он таким написан.* — Послушай, я не собираюсь бросать письма, бросать борьбу, отказываться от себя только потому, что меня родил Писатель Писем. Я не просил рожать меня, но теперь я жив. И собираюсь воспользоваться этим наилучшим образом.

Я не просил рожать меня.

Я говорил это своим родителям.

— Я здесь, и я вполне реален. У меня есть душа, разум, независимая воля — вполне достаточно, чтобы делать все, что я, черт побери, хочу.

Молодец, чуть не сказал я, но понял, что это прозвучало бы снисходительно.

Стэн не унимался:

— Дело в том, что ты, по-моему, из настоящих. Настоящий Писатель Писем. Такие Писатели Писем, как ты, появляются раз в поколение. И понимает это Верховный или нет, но ты можешь все. Ты наш обратный билет.

Я отрицательно затряс головой.

— Я серьезно.

— Послушай, как, по-твоему, я могу вытащить нас отсюда? Как я могу вытащить *себя* отсюда?

— Как сказала Добрая волшебница из «Волшебника страны Оз», у тебя всегда была сила. И нет места лучше дома.

Кое-что пришло мне в голову.

— Но есть ли «обратно» для тебя? Если ты действительно создан письмом, можешь ли ты вернуться в... мой мир?

— Это и мой мир. Пусть меня создал Писатель Писем, но я не думаю, что я был создан *здесь*. Меня перенесли сюда, как тебя, но рожден я был в реальном мире. У меня слишком яркие воспоминания. Зачем было давать мне воспоминания, зачем воссоздавать мой старый район, если у меня не было ни прежнего места жительства, ни прежнего места работы?

Я не купился на его логику. Черт возьми, и он, и остальные могли быть созданы в день моего появления с единственной целью: составить мне компанию. Но сказать это Стэну у меня не повернулся язык. На письмах «создателя» не было дат.

— Так что нам теперь делать? — спросил я.

— Это ты мне скажи. Ты же у нас настоящий.

Мне это не понравилось. Это прозвучало жутковато. Лучше бы я не узнал о Стэне или, по меньшей мере, не поверил. Но я узнал. Я поверил. И теперь разговор с ним походил на разговор с самим собой. Теперь я видел в нем не реальную личность, а мультяшного персонажа, не человека из плоти и крови, а плод собственного воображения.

Мне казалось, что меня бросил единственный человек, которому я полностью доверял.

А были ли реальными Вирджиния и остальные авторы? Или их тоже создал Писатель

Писем, чтобы населить этот мир? И сделал их правдоподобными.

Было ли хоть что-то реальным?

Был ли реальным я?

Стэн сказал «да», но ведь он вымышленный персонаж.

Может быть, все это происходит в корреспонденции автора, намечающего сюжет нового романа и обсуждающего его с коллегами. Может быть, я никогда не был женат, никогда не имел сына.

Сердце разболелось. Закружилась голова. Захотелось присесть.

А что, если поджечь письмотеку? Хранятся ли где-нибудь копии этих писем? Займут ли они место сожженных? Или этот мир рухнет, перестанет существовать и будет ввергнуто в хаос все земное сообщество, когда разрушится его фундамент, когда исчезнут определяющие его письма?

Я перевел взгляд на Стэна. Он хочет, чтобы я просто сел и написал письмо, которое решит все наши проблемы? Вряд ли это сработает. Многие из моих писем остались незамеченными. Где гарантия, что на этот раз будет иначе? Я все еще подумывал вернуться на ту фабрику и проследить за письмами. Во всей этой истории была одна непреложная истина: мы писали письма и их вручали в реальном мире. Если бы только мы выяснили, как письма попадают в реальный мир, мы могли бы последовать за ними.

Мы тихонько разговаривали, стоя посреди письмотеки; эхо наших голосов замирало в огромном помещении, но я с трудом воспринимал Стэна всерьез. Прежде я считался с его мнением, поскольку он был старше, но теперь мое уважение к нему исчезло. Я ощущал себя взрослым человеком, пытающимся найти способ превратить Пиноккио в настоящего мальчика. Волнение, коим я заразился от Стэна по дороге сюда, переросло в нечто сродни печали. Да, в конце тоннеля забрезжил свет, но риск, на мой взгляд, был слишком велик, и в тот момент я чувствовал себя еще более одиноким, чем в самом начале приключения.

— Ты должен написать письмо, — настойчиво сказал Стэн, но я решил по-своему:

— Нет, мы должны проследить путь писем.

— Я не уверен, что это поможет мне.

Я понимал его; он тоже колебался. Однако я чувствовал себя ближе к заветной цели, чем когда-либо прежде, и я знал, что придется рискнуть.

Мы вернулись к выходу из письмотеки, добрались до вестибюля и остановились.

— В прошлый раз они меня не видели, — сказал Стэн. — Или им было все равно. Однако все могло измениться. Мы рискуем.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — провозгласил я и распахнул дверь.

И увидел коридор четвертого этажа нашего офисного здания с лифтом напротив. Я высунул голову и в нескольких ярдах слева увидел дверь в кабинет Генри. Я шагнул назад, обернулся, не выпуская ручку открытой каменной двери. Вестибюль и мраморный коридор никуда не делись.

— Где мы? — спросил я.

— Думаю, за нами следят. — В голосе Стэна слышался страх. — Нам лучше убраться отсюда.

Действительно ли передо мной четвертый этаж здания? Смогу ли я просто шагнуть в коридор и дойти до своего кабинета? Не имеет значения. Автомобиль Стэна брошен на улице. Его надо забрать, или Стэн останется без колес. Он тоже это понимал.

— Иди. Я встречу тебя там.

Я не мог оставить его.

— Один за всех и все за одного, — сказал я.

Мы закрыли дверь и поспешили в аморфный район. Никто нас не преследовал, но нам обоим казалось, что за нами следят. Мы не вымолвили ни слова, пока не сели в машину и не отъехали на несколько миль; туда, где улицы были похожи на улицы, а здания — на здания.

— Постарайся написать письмо, — взмолился Стэн. — Ты можешь вытащить нас отсюда. Я знаю, что можешь.

— А как же Элен, Фишер и остальные?

— Вытащи нас всех. Впиши нас всех.

— Как ты думаешь, кто-нибудь из них настоящий?

— Я не знаю. — Стэн подумал с минуту. — Может, Элен и Фишер. Похоже, они действительно скучают по прежней жизни, она — по мужу, он — по жене. Но они явно уступают тебе в таланте. Они гораздо слабее, хотя что-то в них есть... Про Бет и остальных сказать не могу. Не знаю. То есть, если я сам вымышленный персонаж...

В его рассуждениях была логика.

— Я только надеюсь, что Шеймус не был настоящим, — тихо добавил он.

Мы вернулись в свои кабинеты около полудня. Никто нас не хватился. Никто нас не ждал: ни охранники, ни Генри. И на наших письменных столах не оказалось никаких таинственных писем. Однако нельзя было терять время. Я сел за компьютер, включил его и немедленно начал сочинять. Я не представлял, с какой стороны подойти к проблеме, и попробовал несколько вариантов:

Дорогой Стэн!

Надеюсь, это письмо найдет тебя в Калифорнии. Можешь гостить в моем доме, сколько хочешь. Я скоро вернусь...

И

Дорогой Стэн!

Тебе запрещается жить среди других Писателей Писем. Ты должен вернуться домой, к своей прежней жизни, в настоящий Бруклин в Нью-Йорке, где ты будешь жить долго и счастливо и уйдешь на покой с полной пенсией...

И

Сэр!

Стэн Шапиро больше не Писатель Писем. Он обычный человек...

Стэн никуда не переместился. Как и я.

Взявшись воплощать план Стэна, я написал в тот день писем двадцать, написал всем, кто, по моему мнению, смог бы вытащить меня. Я испробовал все возможные способы, от описания ситуации до требований, от прошений до утверждений, но ничто не срабатывало. Никаких перемен не происходило.

Ни в тот день, ни на следующий, ни на следующий...

Мы оставались в своих домах, жили привычной жизнью. Сначала возникло легкое разочарование, затем уныние и, наконец, отчаяние.

Я и раньше тосковал, но где-то в глубине души знал, что друзья меня поддержат. Теперь я чувствовал себя абсолютно одиноким. Мои друзья стали казаться мне голограммами, персонажами, созданными для того, чтобы составить мне компанию. Мне казалось, что я живу в проклятой видеоигре или в чем-то подобном, и я с подозрением относился ко всему, что видел, слышал и делал. *Не доверяйте всему, что слышите. Или видите*, сказал мне Генри при первой встрече. *Верьте только тому, что читаете.*

Он точно знал, о чем говорил.

В реальности Генри я не сомневался. Был ли он таким же могущественным Писателем Писем, как я? Я так не думал, но это не имело значения. Верховный или один из его подчиненных —

из Старейшин

— назначил его начальником, и, хотя он, похоже, сочувствовал мне, предан он был своему боссу. Он не мог укунить кормящую его руку. Даже если бы ему хватило смелости, вряд ли бы это пришло ему в голову. Поэтому несмотря на то, что Генри был добр ко мне и мне нравился, он был моим врагом.

Я продолжал писать письма. Как-то я целый день переписывал одно и то же письмо. Я написал его от руки, потом на пишущей машинке, потом на компьютере, потом снова от руки, и так весь день, пока не перестал обрабатывать, и не занемели пальцы. Я надеялся, что повторение поможет. Черт побери, любой политик знает: если достаточно часто что-то повторять, то в конце концов люди поверят. Писатели Писем все время этим пользуются, особенно когда пишут письма в газеты.

На этот раз не сработало. Наутро я проснулся в том же самом доме, поехал на работу в той же самой черной машине, встретился на стоянке со Стэном, и мы уныло побрели к офисному зданию.

В конце концов наступил день, когда я решил не вылезать из постели. Зачем? Я лежал под одеялом, таращился в потолок, думал о будущем и видел перед собой вечность, заполненную одним и тем же: сон, еда, чтение, писанина, бездумное и бесконечное выполнение одних и тех же обязанностей. С тем же успехом можно валяться в постели. Все равно невозможно придумать наказание страшнее моей нынешней жизни.

Я провалялся все утро. Никто не позвонил; никто не заглянул ко мне. Я был совсем один. Я встал только в туалет. Сначала я и вставать не хотел — готов был напустить в постель. Кому какое дело? Но потом я понял, что не смогу вечно лежать в сырости. Пришлось бы менять простыни.

Стелить новые, стирать старые... От одной этой мысли на меня навалилась усталость. Я поплелся в ванную комнату, пописал, вернулся на мягкий матрас.

Часа в три сквозь полудрему я услышал, как в гостиной что-то звякнуло, словно металл ударился о металл.

Щелкнула крышка почтового ящика на парадной двери.

Письмо.

Ради *этого* я покинул постель.

Я спешил. Я хотел увидеть почтальона. Однако, пока я добрался до двери, пока возился с замком, почтальон успел уйти. Как был, в одних трусах, я выбежал из дома, но не увидел ни почтальона, ни почтового фургона. Улица была пуста. И тиха. Ни одного из тех фальшивых звуков, что каждый вечер доносились из соседних домов. Не лаяли собаки, не кричали птицы, не плакали младенцы, не шуршали шины автомобилей — ничего. Без

преувеличения, я слышал только собственное дыхание.

Я быстро вернулся в дом.

На полу, под щелью почтового ящика, лежал белый конверт. Я нагнулся и сразу узнал почерк, хотя не видел его целый год.

Он.

Верховный.

Я разорвал конверт. Листок с тремя словами: *Я всегда побеждаю*. И фотография Джеймса Болдуина, лежащего на кровати; распахнутые глаза таращатся в потолок. Джеймс явно был мертв. И хотя причину смерти — сердечный приступ, передоз или удушение — определить было невозможно, я точно знал, кто его убил.

Я всегда побеждаю.

Я выпустил из рук фотографию и письмо. У меня даже не хватило сил разорвать их. Он прав. Он всегда побеждает. Как я мог думать иначе? Он проникал в мои сны с самого моего детства; он знал обо всем, что я делал. Он следил за мной и когда я спал, и когда бодрствовал. Он создал эту альтернативную вселенную и столетиями заманивал в нее Писателей Писем со всего мира. Один Бог знает, сколько ему лет. Как я даже подумать посмел, что смогу его победить?

Я был его игрушкой. Забавной игрушкой. Только поэтому он меня и терпел.

И вдруг я решил положить всему этому конец. Пусть мне не победить Верховного в честной схватке, но я мог сорвать его планы и выйти из игры. Хватит ему манипулировать мною. Я вспомнил, что сказал Генри о моей проблеме с Киоко: *Один из вас должен исчезнуть*.

Я мог выскользнуть.

Это был важный шаг; окончательный, необратимый, но единственный доступный мне акт неповиновения.

День сменился сумерками, сумерки — ночью. Я сидел на полу, думал о последствиях задуманного, пытался понять, следует ли мне это делать, смогу ли я это сделать. Хватит ли мне смелости?

В конце концов я решил, что терять мне нечего.

Я подумал, не позвонить ли Стэну, не сообщить ли ему о своем решении, но сказал себе, что Стэн — ненастоящий. И хотя я возненавидел себя за это, хотя я знал, что Стэн — настоящий, что его мысли и чувства и плоть так же реальны, как мои собственные, я не мог забыть о его происхождении, не мог смотреть на него как на человека.

Я встал, прошел через темную гостиную на кухню, выпил полгаллона апельсинового сока, съел последний кусок замороженной пиццы.

Потом я сел за письменный стол.

И начал писать свою предсмертную записку.

Я очнулся в больнице в Анахайме.

Кроме меня в палате лежали еще два пациента, оба старики и оба смотрели одно и то же шоу «Опра» по двум разным телевизорам. Во рту у меня пересохло, губы запеклись, а когда я попытался заговорить, то не смог выдать ни слова. Горло словно поскребли наждаком. Я сообразил, что где-то должна быть кнопка вызова медсестры, и пошарил по краю кровати. Мои пальцы нащупали плоскую пластмассовую коробочку, прикрепленную к шнуру. В центре коробочки оказалась кнопка, и я вдавил ее.

Через несколько секунд в палату влетели две медсестры в форменной одежде и поспешили к моей кровати, следом вошел врач. Я указал на рот и горло, опять попытался заговорить, но мои попытки закончились приступом кашля, я стал задыхаться, и меня чуть не вырвало. Одна из медсестер, та, что постарше, взяла бутылочку с согнутой питьевой соломинкой и просунула кончик соломинки между моими губами.

Никогда я не пробовал ничего вкуснее этой тонкой струйки прохладной воды.

Я хотел выпить все содержимое бутылочки, но через пару секунд медсестра вытянула соломинку.

— Сразу много нельзя. Сначала попробуйте водичку удержать.

— Вы знаете, кто вы? — спросил врач, направляя лучик фонарика сначала в один мой глаз, затем в другой.

— Конечно.

Как выяснилось, они не знали. Меня нашли без документов. Я валялся без сознания на скамейке на автобусной остановке, и меня отвезли прямо в эту больницу. Если у меня и был бумажник, то его украли. Пока полицейские собирались снять отпечатки пальцев и попытаться меня идентифицировать, я изволил очнуться.

— Сколько я был без сознания? — спросил я, сообщив свое имя, адрес и необходимую личную информацию.

— Здесь вы провели два дня. Примерно столько, по нашей оценке, вы находились в коме. Может, на день-два дольше. Самое большее.

— Какое сегодня число? — спросил я.

— Двадцать третье февраля.

— А год?

Доктор нахмурился, но все же сказал.

Я отсутствовал полтора года. Меня не удивили бы и день, и десять лет. Но нет, время должно было совпадать. Мы смотрели их телевидение, слушали их радио, читали их ежедневные газеты.

Их?

Наши.

Я вернулся.

Но действительно ли я отсутствовал?

Я не знал.

В окружении врачей, медсестер и других пациентов, в неопровержимой реальности повседневного существования случившееся со мной казалось почти сном, та жизнь — еще более сюрреалистичной. А обладал ли я эпистолярным талантом? Или вообще кто-нибудь? Или все это иллюзии, созданные моим больным мозгом? Может, все мои приключения, все мои воспоминания фальшивые? Иллюзорные? Например, я вполне мог быть строительным рабочим из Нью-Джерси по имени Джон Джонсон, пережившим нервный срыв и вообразившим себя талантливым Писателем Писем из Калифорнии Джейсоном Хэнфордом.

Мне несколько раз делали анализы крови и компьютерную томографию. Меня оставили на капельницах, но позволили понемногу питаться обычным способом.

Я не мог вспомнить, как убил себя. Провал в сознании? Или я себя не убивал? Или шок от гибели собственного тела заставил меня забыть последние секунды моей жизни? Я был жив в этом мире, а как насчет того, другого? Там я мертв?

В тот первый день я разрешил себе думать только о своем здоровье и анализах и тех первых крохотных шагах, которые должны были вернуть меня к нормальной жизни. Однако после бесконечной, беспокойной ночи суровая реальность вторглась в мой мир. Начались разговоры о моей выписке, и хорошо одетая девушка пришла расспросить меня о моей страховке. Я помнил, что моя компания медицинского страхования — «Синий крест», но деталей своего страхового плана не знал. Девушка пообещала все выяснить по номеру социального страхования, однако, вернувшись через некоторое время, сообщила, что, по-видимому, страховки у меня больше нет. Мне пришлось заполнить множество форм и заявлений на федеральную помощь и помощь штата.

Есть ли у меня родственники? — спросила девушка. Может ли кто-нибудь взять на себя ответственность за оплату моего пребывания в больнице? Я дал координаты Викки и родителей Викки, их адрес и номер телефона, но телефон был отключен, и поиски не дали никаких результатов. Я дал *свой* адрес и номер телефона на тот случай, если Викки живет там, но и здесь все попытки связаться с ней оказались безуспешными.

Я попытался позвонить своим адвокатам, но, похоже, и они исчезли. Название юридической фирмы, которая вела дела Викки, я вспомнить не смог.

Я позвонил в семейный суд округа Северный Ориндж. Я помнил номер своего дела с разводе, и после нескольких переключений меня соединили с нужным человеком. Я только хотел узнать адрес и телефон, но мне сказали, что, поскольку я не появился в суде в назначенный день и час и даже мои адвокаты не смогли меня найти, процесс я проиграл. Викки присудили полную опеку, а меня полностью лишили прав на встречи с Эриком. Теперь я смогу контактировать с Викки и Эриком только через своих адвокатов.

Я не знал, что именно написали обо мне Писатели Писем, но на нелестные характеристики они не поспешили. Меня представили отвратительным отцом, и исчез я будто бы для того, чтобы избежать всякой ответственности за семью. Мне показалось странным то, что Писатели Писем не убили меня, а просто очернили. Интересно, почему. Может быть, простые люди вроде меня, не знаменитости не заслуживают смерти. Или, может быть, у них другие планы относительно меня.

Или, может быть...

Может быть, никто никаких писем не писал. Может, просто это участь всех отцов, не являющихся на суд и пренебрегающих своими правами.

Я попросил у служащей суда адрес Викки, но она заявила, что это закрытая информация. Правда, она сообщила название фирмы, представляющей Викки, и номер

телефона. Я позвонил им, но оказалось, что и они без согласия Викки не могут делиться конфиденциальной информацией.

Спросите ее, предложил я.

Они пообещали передать мне ее ответ.

Побыстрее, попросил я.

В книгах, кинофильмах и телесериалах добренькие врачи и дружелюбный больничный персонал подержали бы меня под наблюдением, пока не выяснили, что же со мной происходит, в чем причина комы, подлечили бы меня, чтобы подобное не повторилось. Однако в реальной жизни больницы похожи на сборочные конвейеры, и чем быстрее они выкинут меня из кровати на улицу, тем быстрее освободится место для другого пациента. Еще денек меня подержали — наверное, все-таки хотели посмотреть, не будет ли рецидива, хотя прямо мне этого не сказали, — затем дали талончик на завтра на посещение невропатолога и отпустили.

Поскольку у меня не было ни машины, ни денег, я отправился домой пешком. Анахайм не так уж далеко от Бри, решил я. Однако за час я прошел лишь половину пути и оказался в Фуллертоне. День был не по сезону жарким и влажным. Я весь взмок и решил проголосовать на дороге. Я прежде никогда ничего подобного не делал. Здравый смысл предупреждал об опасности подобной затеи, но я решил, что сумею разобраться в людях, которые останутся и решатся меня подвезти.

Никто не остановился.

Я добрался до «Таргета»; хотел зайти и попить из фонтанчика, но увидел мужчину, одетого во все белое, собиравшего деньги на благотворительность.

И у меня созрел план.

Я вошел в магазин, напился, а затем встал у противоположной двери подальше от сборщика пожертвований. «Не могли бы вы дать мне немного мелочи?» — спрашивал я каждого проходящего мимо. Это было ужасно унижительно, и я страшно стеснялся, но через двадцать минут уже был обладателем двадцати долларов, чего мне хватило бы и на автобусный билет, и на сегодняшний ужин. И на бутылочку вишневого «Снэппла», которую я сразу же купил. Затем я дошел до автобусной остановки, изучил маршруты и стал ждать.

Очень скоро я добрался до Бри и сошел с автобуса на Ламберт-роуд в пяти минутах хода от своего дома. Я очень странно себя чувствовал. Все вокруг было родным и знакомым. Пусть я отсутствовал полтора года, но каждый день видел именно это, только теперь вокруг кипела жизнь. Совсем другое дело. Мимо мчались автомобили, в небе носились птицы, высоко над головой пролетел самолет. По улице ходили люди, и они разговаривали. С юга доносился шум винта полицейского вертолета. Пахло автомобильными выхлопами и жарящимися гамбургерами. Звуки и запахи были изумительными. Меня переполняла радость от возвращения в реальный мир, хотя долгое отсутствие вызвало нечто вроде культурного шока, что я осознал совсем недавно. Мне было немного неловко, немного неуютно.

Волнуясь, я бросился к дому. Я не знал, живет ли там Викки, но я хотя бы смогу помыться, расслабиться и просто побыть дома.

Только мой дом больше не был моим.

Я притормозил. Остановился.

На дорожке стояла незнакомая машина, а когда я осторожно приблизился к парадной двери, то увидел через окно гостинной незнакомую мебель. Даже если бы у меня был ключ — а у меня его не было, — вряд ли бы я попытался войти. Я надавил на кнопку звонка, и через

несколько мгновений дверь открыла женщина лет двадцати пяти с младенцем на руках.

— Здравствуйте, — сказала она.

Я не смог выдавить ни слова и увидел, что ее это встревожило. Она уже собралась захлопнуть дверь, когда я выпалил:

— Здесь живет Викки Хэнфорд?

Женщина занервничала:

— О нет. Здесь живем мы с мужем.

Я кивнул.

— Когда вы купили...

— Мне пора. — Женщина захлопнула дверь, и я услышал, как она задвинула засов.

Мой дом был продан без моего участия. Я стал бездомным.

Это невозможно.

Однако если я что и усвоил за прошедшие полтора года, так это то, что возможно *все*.

Куда идти? У меня не было ни работы, ни дома, ни денег. Я понятия не имел, где живут Викки и Эрик. У меня отняли всю мою жизнь. Я взглянул на соседние дома, узнал несколько машин на подъездных дорожках. Я всегда был в хороших отношениях с соседями и, несмотря на то что после отъезда Викки выпал из общественной жизни, нескольких из них искренне считал друзьями. Вероятно, я мог бы попросить у них немного денег. Вероятно, Карл Кларксон, живший напротив, пустил бы меня на пару ночей в комнатку для гостей, которую он построил в половину своего гаража на две машины.

Или я мог бы вернуться в дом моей матери.

Ну нет. Этот вариант даже не рассматривался.

Я перешел улицу. Дверь открыла Джойс, жена Карла. Она явно удивилась моему появлению и, похоже даже, немного испугалась.

Она получила письмо обо мне.

Я все еще пытался убедить себя, что все случившееся со мной — неправда, что у меня был нервный срыв и все мои мысли и воспоминания о сочинении писем просто фантазия, однако в глубине души я верил, что все правда, что, несмотря на отсутствие доказательств, все случилось именно так, как я помнил.

У меня *есть* доказательства, вдруг понял я. Викки. Почему она развелась со мной, забрала Эрика и спряталась от меня? Из-за писем. Она мне это сказала. Она сказала, что боится меня и моих способностей.

Если только...

Если только и это плод моих фантазий, а Викки боялась меня из-за моего прогрессирующего душевного расстройства.

— Я позову Карла, — сказала Джойс, намеренно не приглашая меня войти. Она просто закрыла дверь перед моим носом. Это было на нее не похоже.

Вскоре дверь снова открылась.

— Привет, — сказал Карл. — Давно не виделись.

— Да. Я попал в аварию, — солгал я. — Валялся в коме.

Это было правдой, хотя прозвучало не так убедительно, как сообщение об аварии.

Карл и Джойс переглянулись.

— Я ищу Викки. Я вышел из больницы, а оказалось, что дом продан, и я... Я не знаю, где она. — Я видел, что они мне не верят, и порывисто сунул руку в карман рубашки. — Смотрите. — Я показал им бумаги из больницы, ткнул в слово кома на строчке, где была

указана причина госпитализации. — Я не лгу.

Выражение лица Карла стало менее подозрительным.

— Мы получили... письмо о тебе. Вчера. Там говорится... — Он взглянул на Джойс. — Ну, там много чего о тебе говорится.

Письмо.

Словно гора с плеч свалилась. Значит, все правда. Я ничего не вообразил. Я не сумасшедший.

Хотя лучше мне не стало. В каком-то отношении стало даже хуже. Облегчение улетучилось почти мгновенно, сменившись страхом и дурными предчувствиями. Они не тратили время зря. Механизм приведен в действие. Я сбежал, но письма методично рассылаются всем, с кем я могу войти в контакт, настраивая всех против меня. Я хотел посмотреть письмо, полученное Карлом и Джойс, но понимал, что лучше этого не делать.

Я мог узнать автора.

Мне не удалось рассеять подозрений, но винить в этом соседей я не мог. Написанное слово обладает огромной силой, гораздо большей, чем произнесенное, и, хотя меня Кларксоны знали много лет, а анонимного автора не знали совсем, они автоматически поверили недостоверной информации.

Я понял, что переночевать у них не смогу, но решил одолжить немного денег, чтобы снять номер в мотеле. Я уже открыл рот, чтобы попросить баксов пятьдесят или сколько они могли дать, как вдруг вспомнил кое о чем.

О своем банковском счете!

У меня все еще были деньги в банке. Если я не ошибался, то тысяч двадцать долларов. У меня не было ни водительских прав, ни удостоверения личности. Серьезное препятствие, но попробовать стоило.

Я попросил Карла об одном-единственном одолжении: подвезти меня до банка, и неохотно, как я видел, он согласился подбросить меня по дороге в супермаркет. Я мог только предполагать, что написали обо мне в том письме. Может, доказывали, что я плохой отец, бросивший свою семью? Однако Карл дергался так, будто я в любой момент мог на него наброситься, и я решил, что все гораздо хуже.

Писатели Писем не церемонились.

Карл высадил меня у банка и умчался, несомненно молясь о том, чтобы больше никогда меня не увидеть. А вдруг и банк получил лживые письма, и Викки опустошила счет? К счастью, этого не случилось.

У меня не было удостоверения личности, но я знал свой номер социального страхования, номер банковского счета, ПИН-код и пароль, и, после того, как кассир сверила подписи и проконсультировалась с менеджером, я получил доступ к своему счету. Я объяснил, что стал жертвой «кражи личности», что все мои кредитные карточки и водительские права украдены, и мне выдали новую банковскую расчетную книжку и открыли новый счет. Я взял пятьсот долларов, чего мне должно было хватить на пару дней, а остальное оставил на счете.

Я снял номер в дешевом мотеле недалеко от банка и решил наутро съездить в транспортный отдел, заявить о краже бумажника, получить хотя бы временные водительские права и попробовать вернуть свою машину. Вряд ли «тойота» все еще стоит в Лос-Анджелесе перед «Шангри-Ла», но, если повезло, ее не угнали и не разграбили, а если полицейские не успели продать ее на аукционе, то, вполне возможно, я смогу вернуть ее.

Я сделал несколько телефонных звонков — на самом деле кучу телефонных звонков — и в конце концов выследил свою машину. Она находилась на частной стоянке, куда, по контракту с муниципалитетом, свозили брошенные автомобили. Я просто должен был заплатить штраф в тысячу долларов и показать водительские права или еще как-нибудь удостоверить свою личность.

Другими словами, замкнутый круг.

Я мог попробовать взять машину напрокат в «Ависе», «Герце» или еще где.

Однако и они, вероятно, потребуют кредитную карту.

Я не знал, что делать. Следовало что-то придумать. А когда я стану мобильным, первым делом найду Викки и Эрика и все улажу. Я отсутствовал полтора года. Они могли подумать, что я их бросил, что они мне безразличны. Я представил, как Викки изобретает дипломатические ответы на грустные расспросы Эрика.

Это в лучшем случае.

Я готов был биться об заклад, что и они получили грязные, лживые, отвратительные письма обо мне.

Если понадобится, я найму частного детектива; я потрачу все свои деньги на розыски жены и сына; я обязательно найду и верну их; я верну себе свою жизнь.

Я заснул на дряхлой кровати с пружинным матрасом под аккомпанемент секса из-за тонкой стенки.

Наутро я не поехал к невропатологу. Я знал, что здоров, и не хотел попусту терять время. Я сел на автобус и отправился в транспортный отдел. И я действительно получил временные водительские права, с которыми вернулся в банк, снял десять тысяч долларов и за три тысячи купил подержанный «фольксваген».

Такими темпами недолго и разориться. Рано или поздно придется найти какую-нибудь работу.

Однако в данный момент далекие перспективы меня не волновали. Я горел желанием найти Викки и Эрика. Все остальное могло подождать.

Я вдруг понял, что у меня нет близких друзей, никого, к кому я мог бы обратиться за помощью, никого, кому я мог бы довериться. Мое увлечение отдалило меня от людей, и просто удивительно, что я впустил в свою жизнь Викки. Вот до того, как одержимость письмами поглотила меня, близкие друзья у меня были. В детстве. В юности. У меня были...

Роберт и Эдсон.

Я задумался. Смогу ли я связаться с ними? Должен ли? Посмею ли?

Но я остался совсем один. Мне необходима помощь. А почему бы и нет, черт побери? Я вернулся в затхлый гостиничный номер, полистал драный телефонный справочник и нашел телефон и адрес Эдсона. Он жил в Ньюпорт-Бич. Роберт или не подал о себе сведений, или уехал из округа Ориндж.

Я позвонил Эдсону. Давненько я так не нервничал. Ладони взмокли от пота. Эдсона дома не оказалось, я оставил на автоответчике свое имя и номер телефона мотеля. Я сказал, что случайно приехал по делам в город и хотел бы встретиться и поговорить о добрых старых временах.

Потом я позвонил Викки на работу. На ее прежнюю работу, ибо я не знал, где она работает сейчас.

Не там.

Как будто она и Эрик были стерты с лица земли, и впервые я перепугался по-

настоящему. Вдруг с ними что-то случилось? Что, если они не прячутся? Что, если они умерли? Я попытался успокоить себя, ведь причин могло быть множество. Самая вероятная — Викки нашла работу в Аризоне, рядом с домом родителей.

Может быть, она снова вышла замуж.

Я не хотел думать об этом, отказывался думать об этом. Администратор больницы пыталась связаться с родителями Викки в Месе, но на всякий случай я попробовал еще раз. Безрезультатно. Телефон был отключен.

Я сидел в своем дешевом номере, на пружинной незастеленной постели, не зная, что делать дальше, беспомощный и бессильный.

Эдсон позвонил вскоре после полудня.

— Здравствуйте, — услышал я официальный незнакомый голос. — Могу я поговорить с Джейсоном Хэнфордом?

— Это Джейсон, — сказал я.

— Привет, чувак! — Я услышал знакомые нотки и узнал старого друга.

На глаза навернулись слезы, но я постарался не выдать своих чувств.

— Привет, чувак.

— Я проверял автоответчик и наткнулся на твое сообщение. Где ты скрывался, черт побери?

— Это длинная история.

— Ну так я хочу ее услышать! Мы обязательно должны встретиться, пока ты в городе. Какие у тебя планы на вечер?

Я оглянулся на мутный экран телевизора.

— Никаких. Я надеялся поговорить с тобой.

— Хочешь встретиться где-нибудь в городе или приедешь ко мне?

— Лучше к тебе. Я хотел бы посмотреть, как ты живешь.

Эдсон объяснил, как доехать до его дома, и сказал, что вернется к шести. Удерет с работы пораньше. Мы еще пару минут поболтали. Эдсон сообщил, что был женат, но развелся, детей нет, работает в инвестиционном банке.

— А Роберт? — спросил я. — Ты с ним видишься?

— Нет. Понятия не имею, что с ним. — Эдсон помолчал и добавил полусшепотом: — Знаешь, я ужасно скучаю. Всего несколько дней назад вспоминал вас, подумывал разыскать.

— И вот я позвонил.

— И вот ты позвонил.

Где-то на линии послышались гудки.

— Мне пора. Клиент. Увидимся вечером, договорились?

— Я приеду.

Я встал, посмотрелся в зеркало. На мне была та же одежда, в которой меня нашли, и в больнице ее не постирали. Нужно было купить обновки.

В магазине мужской одежды я порылся в отделе распродаж, нашел вполне приличные рубашки — одну с длинными рукавами, другую с короткими — и пару джинсов.

Что рассказать Эдсону? Что можно ему рассказать?

Ответа я пока не знал. Сориентируюсь по ходу встречи.

Дом Эдсона обманул мои ожидания.

Ньюпорт-Бич... банкир из инвестиционного банка... Мне представлялся дом в

средиземноморском стиле с персиковыми стенами и красной черепичной крышей, с видом на океан, открывающимся с вершины холма. Эдсон жил на тихой улочке, на совершенно плоском полуострове Бальбоа, в сером, обшитом вагонкой домике в двух кварталах от пляжа. Во всем облике дома, в запущенных дворике и лужайке отчетливо читался характер Эдсона, и я приободрился: кое-что не меняется, не изменился и Эдсон.

Все такой же беззаботный. Немного полысевший, немного растолстевший, но определенно тот же.

— Это все, что у меня осталось, — объявил Эдсон, ухмыляясь. — Жене достались мой дом в Биг-Биар и мой «хаммер». Как тебе это нравится?

Мы вошли в дом. Интерьер оказался побогаче, и мне показалось, что над ним потрудились бывшая жена. Я не удивился, когда Эдсон, проигнорировав диван и кресла, плюхнулся на пол рядом с музыкальным центром, полускрытым античным столиком, и включил радио. Я также не удивился, что приемник оказался настроенным на радиостанцию, преподносившую песни двадцатилетней давности как «современный рок».

Эдсон спросил, что привело меня в город и где я сейчас живу, и я попытался ответить как можно ближе к истине. Сказал, что живу в Бри, что недавно меня бросила жена, что мне еще слишком больно говорить об этом.

— Я не обижал ее, не бил...

— Конечно. Я бы ни на секунду ничего подобного не подумал.

Впервые за не помню какое долгое время я почувствовал покой и облегчение. Мы с Эдсоном не виделись давно, больше двадцати лет, но связь восстановилась немедленно. Мы знали друг друга детьми, то есть знали, какие мы настоящие за фальшивым взрослым лоском. Нам было легко друг с другом.

Я вспомнил о своем духовном родстве с Писателями Писем, о том волнении, которое испытал при встрече с себе подобными. Вот моя родная душа. Я прежде всего человек и только потом Писатель Писем.

Я слишком долго не признавал это.

Я изложил Эдсону краткую версию своего недавнего прошлого, рассказал, что был в коме, что теперь совершенно здоров, но так надолго выпал из жизни, что приходится заново собирать ее по крохам. Я потерял работу, мой дом продан, сбережения ушли на оплату счетов, скопившихся в мое отсутствие, я понятия не имею, где мои жена и сын. Последнее, что мне известно: они жили в доме родителей жены в Аризоне, но телефон не отвечает, и я не могу отыскать их.

— Ты не шутишь?

— Истинная правда.

— Совсем как в кино. Боже правый, я и не подозревал, что такое может случиться в жизни. Удар по голове и амнезия. Прости, — спохватился Эдсон. — Не хотел тебя обидеть.

— Все нормально.

Он покачал головой.

— Так ты... вроде как ищешь их?

— Да. Купил на остатки сбережений «фольксваген». Штаб-квартиру организовал в захудалом мотеле.

— Выметайся оттуда. Я сдаю внаем домишко. В Коста-Месе. Не бог весть что, но как раз сейчас пустует. Живи сколько хочешь. Добро пожаловать.

— Я не могу...

— Живи. Тебе понравится. Он твой, пока не встанешь на ноги. Кома, черт побери? И неизвестно, где семья? Тебе необходимо нормальное жилье, чувак.

Я отвернулся. Мне хотелось зареветь. Я не заслуживал его доброты. Я столько плохого совершил в своей жизни. Эдсон не представлял, как далеко я ушел от того ребенка, а потом подростка, каким он меня знал.

— Я очень ценю твое предложение. Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Не за что, приятель.

Эдсон задал миллион вопросов о коме, а я ответил настолько честно, насколько мог, не открывая правды. Он тактично не расспрашивал о разводе, но прекрасно понимал, почему я так хочу найти Викки и особенно Эрика. Он только не понимал, почему адвокаты не хотят известить ее о моей коме, а если известили, то почему она не приехала ко мне.

Я тоже изобразил неведение.

Мы погрузились в воспоминания.

— Помнишь, как ты писал жалобы и мы получали бесплатные талоны на еду и билеты в парки развлечений? — Он рассмеялся. — Это было потрясающе!

Его самое яркое детское воспоминание — мои письма! Как мне хотелось рассказать ему все. Как я хотел излить душу хоть кому-то, и скольких трудов мне стоило не признаться в том, кто я и где провел последние полтора года. *Может быть, когда-нибудь я ему расскажу*, думал я.

Я напишу ему письмо.

Было уже почти десять часов вечера, когда Эдсон ушел в кабинет и вернулся с фотографией своего домика.

— На обороте есть карта, так что ты легко найдешь дорогу. Сразу за Харбор, рядом с ярмарочной площадью. Электричество и вода подключены. Телефон не работает, но я оставил там сотовый. Можешь пользоваться. Вот ключ. Хочешь, я поеду с тобой, помогу тебе устроиться, покажу все?

— Не надо. Думаю, справлюсь. И потом, уже поздно. Я позвоню тебе, если что-то не так. А если все в порядке, позвоню завтра.

— Договорились.

— И... спасибо... Я очень, очень ценю твою помощь. Она так много значит...

Эдсон ухмыльнулся:

— Выметайся, придурок.

Я решил было вернуться в мотель, но понял, что в номере не осталось ничего, кроме старой одежды, которую я все равно хотел выбросить. У меня не было ни багажа, ни личных вещей, а что было, лежало в машине. Я мог просто выбросить ключ и исчезнуть. Поскольку я платил наличными, а не кредиткой, связать меня с мотелем было невозможно.

Ну, я и поехал прямо в свое новое жилище.

Расположенный в центре квартала однотипных домиков, домик Эдсона оказался похожим на дома нашего детства в Акации. Гостиная, общая комната, две спальни, две ваннные комнаты и довольно большая кухня. Дом был полностью обставлен, и хотя мебель была не новая, но вполне приемлемая. Электричество действительно было подключено, и я немедленно врубил несколько ламп и телевизор. Я боялся тишины и темноты.

И снова я растрогался. Вчера я был бездомным. Три дня назад я жил в унылом синтетическом мире и был так подавлен, что хотел убить себя. Теперь у меня есть крыша над головой. Я могу жить в уютном домике в пригороде бесплатно и столько времени, сколько

мне понадобится на поиски жены и сына.

Надо было писать меньше жалоб и больше благодарностей.

Что напомнило мне...

Я огляделся в поисках щели почтового ящика. И не нашел ее. Очевидно, почтовый ящик на улице. Я открыл парадную дверь, выглянул и увидел на оштукатуренной стене рядом с дверью черный прямоугольник с двумя полочками для журналов и слишком больших рекламных листов. По привычке я откинул крышку, сунул внутрь руку.

Мои пальцы коснулись бумаги.

Я вытащил конверт.

Адресованный мне.

Я передернулся, покрылся мурашками. Закрыв и заперев дверь, я посмотрел на обратный адрес. Письмо от Киоко:

Дорогой Джейсон!

Как мне отблагодарить тебя? Ты освободил меня от рабства и вернул к прежней жизни, за что я тебе навечно благодарна. Не волнуйся. Я не собираюсь встречаться с тобой или писать тебе (если только ты этого не захочешь). Я не знаю, что нашло на меня в том месте. Я не знаю, почему я вела себя как безумная. Правда в том, что я вовсе не одержима тобой. Я счастливо живу здесь, в Токио, и желаю тебе всего самого лучшего. Ты этого заслуживаешь. Еще раз огромное спасибо.

С искренними пожеланиями,

Киоко Йосицуми

Я перечитал письмо. Так Киоко настоящая? Стэн ошибался?

Или письмо — фальшивка?

Я всмотрелся в текст. Что-то знакомое было в нем, что-то похожее на стиль Элен.

И главное: как могла Киоко, живя в Японии и отправляя письмо несколько дней назад, узнать, что я свяжусь со старым другом Эдсоном, и что он предложит мне свой дом?

Письмо написано Писателем Писем.

А зачем? Ответа на этот вопрос я в письме не нашел. Может, это пробный выстрел? Попытка Верховного найти меня? Или наживка? Или ему интересно, отвечу ли я Киоко, добьется ли она от меня ответа? Или, может быть, только может быть, Элен или кто-то другой действительно написали мне письмо, надеясь на ответную весточку, и зашифровали какое-то тайное послание.

Если и так, то не в моих силах было расшифровать послание. Я битый час пытался найти ключ к шифру, обнаружить скрытый порядок в расположении букв. Я даже подержал листок над лампочкой, чтобы проверить, не проявятся ли невидимые чернила, и в конце концов отшвырнул письмо.

К черту. Если Верховный хочет, чтобы его наемники посылали мне письма, пусть развлекаются.

И письма не заставили себя ждать.

В этом районе почту доставляли рано, и наутро в девять часов почтальон бросил в ящик шесть конвертов.

Меня определенно вычислили. В охоту за мной включили самых лучших, самых талантливых — литературных тяжеловесов, умеющих за словами скрывать свои цели. Вот только, прочитав первое письмо, я сжег остальные, не читая, и развеял пепел на заднем дворе.

То, первое письмо сбивало с ног:

Дорогой Джейсон!

Не хочется сообщать тебе плохие новости, но твой друг Стэн Шапиро умер. Стэн совершил самоубийство вчера, рано утром, несколько раз проткнув свое сердце кухонным ножом...

Письмо подписала Бет.

Я не знал, правда ли это, но решил считать ложью, пока не получу доказательств.

Уничтожив корреспонденцию, я вернулся в дом. Они не могут причинить мне вреда, понял я. По крайней мере, физического. Они могут писать мерзкие письма, чтобы разрушить мою репутацию, заморозить банковский счет или натравить на меня секретную службу, внушив, что я угроза президенту, или убедить людей преследовать и унижать меня, но они не могут атаковать меня напрямую.

Мне хватит таланта бороться с ними на их уровне.

Предположим, они напишут Эдсону и заставят его выгнать меня из этого дома. Предупрежден — значит, вооружен. Я съездил в магазин, купил большой блокнот, коробку конвертов и двойную упаковку шариковых ручек. У двери стоял автомат по продаже марок, и на сдачу я купил десять марок для почтовых отправлений первого класса.

Я даже не стал тянуть до возвращения домой. Прямо в «фольксвагене» я написал письмо Эдсону: попросил не верить никаким письмам, порочащим меня, поскольку все, что в них написано, — ложь и клевета. Я вырвал лист из блокнота, сложил его, сунул в конверт, запечатал, наклеил марку и поехал в ближайшее почтовое отделение, где и бросил письмо в почтовый ящик.

Я мысленно назвал свое творение охранным письмом. Интересно, не с подобных ли писем началось колдовство, не смекнул ли сторонний наблюдатель, в чем дело, не догадался ли, что кое-кто умеет писать письма, обладающие силой, предсказывающие будущее или являющиеся причиной событий. Эта мысль показалась мне вполне здоровой.

Вернувшись домой, я позвонил Эдсону на работу и спросил, можно ли использовать его сотовый телефон для междугородних звонков, пообещав оплатить их, как только придет счет. Эдсон сказал: «Прекрасно, валяй и не бери в голову». Я набрал телефон справочной, узнал номер телефона и позвонил в полицейский участок, к которому относился дом родителей Викки, сказал, что сильно тревожусь: жена уехала навестить родителей, но уже больше недели не дает о себе знать, а когда я попытался позвонить в дом ее родителей, мне сказали, что телефон отключен. Нельзя ли послать патрульного и проверить, все ли там в порядке.

Я снабдил сержанта именами, адресом и телефонным номером, и он пообещал перезвонить, как только появятся какие-нибудь новости.

Он действительно перезвонил через полчаса и был вне себя от ярости:

— Что за игры вы тут устраиваете? Не знаю, кем вы себя возомнили, но вы не имеете права тратить наше время на пустяки. Мы здесь работаем. Вы знаете, что фальшивые сообщения — преступление?

— Какие фальшивые сообщения? Я говорю вам правду. Я не могу найти жену и сына.

— Послушайте, я не знаю, чего вы добиваетесь, но, по словам соседей, мистер и миссис Рид продали дом и переехали в Миссури полгода тому назад. Никто ничего не знает об их дочери и внуке. Но никто не исчезал. Никого не похищали. Никакого преступления не было.

— У вас есть их новый адрес? Или телефон?

— Вы и так отняли у нас слишком много времени.

— Это не шутка! Я говорю серьезно! Сообщите мне фамилии соседей! Я им позвоню!

Сержант бросил трубку.

У меня возникло сильнейшее желание разбить телефон о стену. Здесь я оказался так же беспомощен и бессилён, как там. Похоже, остается лишь поехать в Аризону и самому поговорить с соседями. Но что, если соседи ничего не знают? Что, если Риды никому не оставили свой новый адрес? Что, если соседей предупредили —

письмом

— держаться от меня подальше, поскольку я безумен и опасен и нельзя отвечать ни на какие мои вопросы?

Вероятно, мысль о частном детективе была наиболее разумной. Можно снять еще денег с банковского счета и заплатить кому-нибудь за поиски Викки и Эрика... хотя где гарантии, что детектив не начнет получать письма с контрпредложениями?

В кухне зазвонил телефон.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности и инстинктивно бросился на кухню, но на полпути вспомнил слова Эдсона: телефон не работает. Однако я схватил трубку и не услышал ни гудков, ни каких-либо других звуков. Я подергал рычаг. Ничего.

Какой-то сбой, сказал я себе, сигнал, который периодически проходит даже через неподключенный аппарат. Я вспомнил, как однажды завизжал детектор дыма, хотя в нем не было батареи.

Однако я прекрасно понимал, что дело совсем в другом.

Остаток дня я провел в заботах: покупал одежду, продукты, в публичной библиотеке искал в Интернете Викки и окольными путями пытался найти информацию о Писателях Писем, но поиски мои успехами не увенчались. Эдсон заглянул вечером с пиццей и пивом, мы потрепались, и я рассказал ему, что подумываю нанять частного детектива. Эдсон одобрил мою идею и предложил спрашивать знакомых, чтобы посоветовали хорошего. Я его поблагодарил. Он предложил оплатить расходы, но это предложение я отклонил. Кое-что человек должен делать сам.

После ухода Эдсона дом показался мне... странным. Отключенные телефоны больше не звонили, я не слышал никаких звуков, не видел никаких теней или жутких огней, но что-то было неправильным, и я вдруг осознал, что дом не пуст. Как ни старался я игнорировать это ощущение, я не мог от него избавиться. Я чувствовал рядом с собой чье-то присутствие. Я пытался рассуждать здраво, объективно. Вероятно, думал я, вера в колдовство и призраков началась с Писателей Писем. Чужое присутствие, которое я ощущал, могло быть всего лишь подсознательным признанием некоей личности, живущей в доме-двойнике в Стране Писателей Писем. Насколько я знал, тот мир и этот сосуществовали в разных физических

измерениях с общим переходом на каком-то молекулярном уровне. Возможно, семья, проживавшая нынче в моем старом доме, тоже чувствовала, как мое второе «я» бродит по комнатам. А возможно, и нет.

Я чувствовал, что мои впечатления нельзя объяснить научным или даже псевдонаучным способом. В том, что происходило в этом доме, отсутствовала всякая логика.

Сочинение Писем — искусство, а не наука, и это прекрасно объясняло все различия.

Я бодрствовал до глубокой ночи, прислушиваясь к звукам, похожим на удары капель воды о дно пустой ванны, но доносившимся из коридора, и в конце концов забылся тяжелым сном.

Утром на кухонном столе я нашел миску с недоеденными хлопьями и стакан с недопитым апельсиновым соком. Рядом валялась «Лос-Анджелес таймс», раскрытая на спортивных страницах, а я точно знал, что на этот адрес не доставляются никакие газеты.

Я включил телевизор на полную громкость, чтобы слышать его изо всех помещений дома, проверил запоры на парадной и задней дверях (двери оказались запертыми), обошел весь дом, открывая по дороге все шкафы и шкафчики — искал незваного гостя. Никого я не нашел, но облегчения не испытал. Я убрал со стола, налил в чистый стакан апельсиновый сок и выпил его залпом, а потом попытался обдумать свой следующий шаг.

Надо сматываться.

Меня ничего с этим домом не связывает.

Я забрал сотовый телефон Эдсона, доехал до пляжа и прошелся по пирсу. Еще в колледже, когда не хватало денег на настоящее свидание, мы с Викки часто гуляли по пирсу, наблюдали за рыбаками и серферами, закатом и волнами. Тогда, в начале нашего знакомства, мы были счастливы, но сейчас мне было ужасно грустно. Я топал по толстым доскам, вдыхал соленый воздух, слушал гортанные крики чаек и сокрушался, как я мог допустить крах своего брака, как я мог предпочесть письма Викки.

Нет, я не выбирал, вдруг понял я. От меня ничего не зависело.

Эдсон позвонил около полудня и продиктовал мне фамилию частного детектива.

— Парень специализируется на пропавших людях. По моей просьбе его проверили. Он даже кое-что сделал для моего коллеги, искавшего давно потерянную возлюбленную. Он — профессионал.

Офис детектива находился поблизости, в Ньюпорт-Бич, на одном из верхних этажей высотки рядом с Фэшн-Айленд. Я позвонил договориться о встрече, и детектив предложил мне приехать немедленно. Я почувствовал себя марионеткой, которую дергают за веревочки, и, хотя я не разрешил Эдсону оплачивать расходы, был благодарен ему за участие. Каждая секунда неведения о Викки и Эрике казалась мне часом, проведенным в аду.

Детектив Патрик Скоулдер больше часа расспрашивал меня о жене и сыне, друзьях и родственниках, работе и отдыхе, пытаясь выудить как можно больше информации. В конце допроса я был совершенно измотан, но въедливость Скоулдера произвела на меня впечатление, внушила смутный оптимизм, и оставалось лишь молиться, чтобы парень не начал получать письма, которые заставили бы его отказаться от меня.

Придется и ему написать охранное письмо.

Я заплатил задаток и поспешил на стоянку за машиной. Вернувшись в дом Эдсона, я швырнул ключи на журнальный столик и прошел на кухню выпить воды...

Затрезвонил телефон.

Отключенный телефон.

Полный дурных предчувствий, я поднял трубку и осторожно сказал:

— Алло?

— *Джейсон*. — Голос слабый, почти шепот. Я не слышал его лет двадцать, но узнал мгновенно.

Голос моей матери. Никаких сомнений.

— *Джейсон*. — Меня пробрал озноб. Как будто говорила не мать, а персонаж из фильма ужасов. Да еще по неподключенному телефону. Бррр! Какая жуть! — *Джейсон*.

Что-то щелкнуло, и в трубке воцарилась тишина.

Я положил трубку на рычаг. Что это значило? Мать умерла? Совершенно очевидно, именно так я и должен был подумать.

Оставался только один способ это выяснить.

Я поехал к дому матери в Акацию. Несколько лет тому назад я проезжал по этой улице, но сейчас мне показалось, что прошло гораздо больше времени. Кроме того, тогда я просто ехал мимо, пытаюсь понять, не переехала ли она, не умерла ли. На этот раз я на самом деле собирался вернуться домой, а потому чувствовал себя так, словно не был там двадцать лет. Вот угол, за который я обычно сворачивал, удирая из дома на велосипеде. Вот олеандровые заросли миссис Баумгартен, которые мы использовали как тайный тоннель, хотя знали, что олеандр ядовит.

Я припарковался перед домом рядом с пожарным гидрантом, посидел в машине, надеясь, что мать выйдет из дома. На нейтральной территории мне было бы легче разговаривать. Однако дверь не открылась, занавески не раздвинулись. В конце концов я заставил себя покинуть машину и пройти по подъездной дорожке к парадной двери.

Ничего хорошего я уже не ждал.

Я постучал, постоял, позвонил в дверной звонок, подождал.

Снова позвонил.

Подождал.

Может, ее нет дома.

Только я был уверен в том, что она дома. Я привстал на цыпочки, пошарил за фонарем, в конце концов обнаружил запасной ключ и открыл дверь.

— Привет! Мама? — Очень непривычно было слышать это слово из собственных уст. Я так и не вспомнил, когда последний раз произносил его. — Мама? Это я! Джейсон!

В доме было тихо. Слишком тихо. Я медленно прошел мимо нового незнакомого дивана, мимо старого знакомого стола. Теперь можно было свернуть на кухню или в коридор, ведущий к спальням. Из гостиной я видел часть кухни, и, похоже, там никого не было. Поэтому я выбрал коридор.

Это был правильный выбор.

Или неправильный.

Моя мать, скрючившись, лежала на полу в огромной луже свернувшейся крови. В ночной сорочке. Значит, ее убили вчера вечером или сегодня рано утром. Ей выстрелили в голову. Забрызганная кровью стена казалась абстрактной картиной. Брызги попали даже на потолок. Я видел только одну щеку и один глаз. Остальная часть ее лица была залита кровью, а тот единственный глаз открыт.

На полу перед трупом в луже крови валялся белый лист бумаги, видимо прежде сложенный втрое, а сейчас раскрытый.

Письмо.

Я нагнулся, попытался прочитать текст, но кровь пропитала бумагу и скрыла все слова.

Верховный затеял кровавую игру? Решил одного за другим уничтожить моих родных и друзей? Оставить меня на закуску? Я не знал, но укрепился в своем решении не возвращаться в дом Эдсона. Просто на всякий случай. Кто бы —

что бы

— ни убило мою мать, могло поджидать меня и здесь, с заряженным пистолетом с глушителем или с обнаженным ножом. Надо обязательно позвонить Эдсону, предупредить, что я на несколько дней уезжаю, сказать ему...

Он может быть следующим.

О, черт. Я вытащил сотовый и набрал номер Эдсона, но он не ответил; меня переключили на его голосовую почту. *Пожалуйста, будь на собрании*, взмолился я. *Пожалуйста, будь жив.*

Я оставил сообщение: объяснил, что моя мать убита и убийца, возможно, охотится за мной. Вполне вероятно, что и за ним.

— Не ездь в тот дом, — предупредил я. — Не приближайся к нему. И будь начеку. Если получишь странные звонки по телефону, увидишь рядом странных людей, звони в полицию. Не открывай дверь незнакомцам. Все время держи дверцы машины запертыми. Твой сотовый должен быть всегда при тебе. Ради бога, будь осторожен. Я свяжусь с тобой, когда смогу.

Я попытался представить, как Эдсон отреагирует на это послание. Вероятно, не захочет иметь со мной никакого дела. Вероятно, вспомнит об убийстве моего отца. А если не вспомнит сразу, то получит кучу писем, обвиняющих меня в обоих преступлениях.

Если его не убьют в собственной постели.

— Черт! Черт! Черт! — Я хлопнул кулаком по стене. Я ведь ни капельки не любил свою мать. Я ненавидел ее всю свою сознательную жизнь. И все равно она не заслуживала такой смерти. Я понимал, что ее убили из-за меня, и чувствовал себя виноватым. Годы смягчили меня, и осознание этого факта оказалось слабеньким, но все же облегчением. Боль поутихла. Я становился более человечным и, может, со временем даже смогу простить ее за стержневой характер.

Я покинул коридор, стараясь не смотреть на страшный труп, стараясь не вдыхать отвратительный запах смерти.

Где-то на просторах Южной Калифорнии и Том, наверное, встретил такую же жуткую смерть. Или скоро встретит.

Я сел в свой дряхлый «фольксваген» и бесцельно заколесил по улицам. Часа через два стемнеет. Где мне провести эту ночь? Звериный инстинкт подсказывал сбежать, убраться как можно дальше, но вряд ли этот драндулет дотянет до Южной Калифорнии. И вряд ли расстояние станет преградой. Верховный уже доказал, что может выследить меня, где бы я ни был. В колледже, когда я отправился в путешествие по побережью, письма поджидали меня в случайно выбранных мотелях. В одном из писем было предсказано и детально описано свидание, о котором я тогда и не подозревал.

Действительно ли он всегда знает заранее, что я собираюсь сделать?

Если так, мое положение безнадежно. Я не смогу избежать своей участи.

Однако у меня появилось ощущение, что нынешняя ситуация необычна, если не абсолютно уникальна. Не знаю, что было в том путешествии или в последующих событиях, но он никогда больше не вторгнулся в мое сознание. Почему он перестал копаться в моих

мозгах? Что случилось?

Случилась Викки.

Ну-ка, ну-ка. Как все было? Я отправился в путешествие, свободный как ветер, отрезанный от семьи, преданный только самому себе и своим письмам, и, в гораздо меньшей степени, колледжу и учебе. Потом ничего особенного не происходило... а потом я встретил Викки.

Не любовь правит миром, а письма, сказал Генри.

Но может быть, он ошибся.

Я понадеялся, что он ошибся.

Итак, куда мне деваться? Моя мать убита, а телефонным звонком меня просто известили об этом. Зачем? Была ли это угроза? Или попытка приструнить меня, вынудить написать письмо и попроситься обратно?

Написать письмо...

Я мог бы написать письмо Верховному, но не с извинениями, а просто послал бы его черту. Я мог бы написать ему письма с угрозами, письма, дышащие ненавистью, письма с предсказаниями его смерти, я даже мог бы описать, как его потрошат. Я уже писал ему там, когда работал в фирме, но моя работа в том мире всегда казалась неэффективной, не такой результативной, как мои письма из реального мира. Меня забрали отсюда, когда мои письма стали препятствием для их писем, когда мои слова стали весомее слов Чарльза Диккенса. Именно здесь мое могущество было максимальным.

Может, в моих силах ослабить Верховного, причинить ему хоть какой-то вред?

У меня заканчивался бензин, и я остановился на автозаправке. Впервые после покупки мне пришлось заправлять «фольксваген», и, учитывая изношенность тархтящего двигателя, возможности драндулета вызывали восхищение. Я заплатил за бензин, сунул наконечник шланга в бензобак и уставился на закат. Те, кто впервые приезжал в округ Ориндж, всегда путали стороны горизонта, полагая, что океан на западе, как следовало из карт Калифорнии. Однако береговая линия здесь изгибалась, и большинство наших пляжей выходило на юг.

Вот и подсказка. Я должен изменить угол зрения и избавиться от придурка.

Я поехал по бульвару Харбор в копировальный салон сети «Кинкос». У них были и персональные компьютеры, и принтеры, сдаваемые в почасовую аренду. Я заплатил десять баксов и быстренько накатал анонимное письмо шефу полиции: *Убийца Кэтлин Хэнфорд живет в Лос-Анджелесе, Дьюкенфилд-авеню, 114, квартира 3, жилой комплекс Шангри-Ла.* Адрес дома, куда заманил меня Верховный, я буду помнить и на своем смертном одре, он впечатался в мою память, но я готов был держать пари, что даже если этот адрес еще существует, то ни одной живой души там не найдут. Единственным, кто мог путешествовать туда-обратно между обоими мирами, был он.

Я не питал никаких иллюзий. Вряд ли полиция поймает или арестует Верховного или хотя бы близко к нему подберется, однако он поймет, что я не шучу. Я поднял ставки.

Я купил конверт и марку и отправил письмо в полицейский департамент Акации.

Теперь придется держать ухо востро и в любой момент быть готовым к обороне.

И не останавливаться.

Я переезжал из мотеля в мотель, задерживаясь только для того, чтобы выспаться, и проводил в каждом не больше одной ночи. Днем я посещал разные копировальные салоны, интернет-кафе и любые заведения, оказывающие аналогичные услуги.

Я писал жалобы и смертельные угрозы «большому боссу». Я не представлял, кем может быть Верховный и кому адресовать свои послания, но я рассчитывал, что если посылать их в Шангри-Ла в квартиру номер 3, то они до него доберутся.

Офисное здание и прилегающий к нему огороженный жилой комплекс в Бри исчезли. Если они вообще там когда-либо были.

Я писал и другие письма. Президенту и папе римскому, губернаторам и конгрессменам, в газеты и журналы, в телевизионные редакции новостей.

Я писал письма с утра до вечера каждый божий день, и впервые в моей жалкой жизни в моих письмах не было ни слова лжи, и выражал я личное мнение. Я до сих пор понятия не имел, что задумал Верховный, каковы принципы или философия его лично и его последователей, Писателей Писем. Однако я точно знал, что не согласен со многим из того, что мне диктовали. Я полагал, что, излагая собственное мнение, могу нейтрализовать наносимый ими ущерб и самые худшие последствия их пагубных слов.

Мне не нравилось, куда катился этот мир; я склонялся к тому, что ужасные события, происходящие повсюду, — результат писем, написанных и отосланных, прочитанных и принятых к сведению, и что именно хаос — цель Верховного.

Я боялся связаться с Эдсоном и не отвечал на его звонки, хотя, видя его номер на дисплее сотового телефона, вздыхал с облегчением. Это означало, что Эдсон жив.

Что, если Викки и Эрик убиты!

Я мотался по Оринджу и Лос-Анджелесу. Ночевал в неприметных мотелях в маленьких городках: Гарден-Гроув, Ла-Хабра, Дауни, Санта-Фе-Спрингс, Монтебелло, Мидуэй-Сити Буэна-Парк. В тот вечер после целого дня, проведенного в копировальном салоне в Помоне, я регистрировался в запущенном мотеле на убогой улочке, бывшей когда-то частью шоссе 66.

— Странно, — сказал вдруг портье.

— Что странно? — спросил я.

Он перевернул к себе журнал, чтобы прочитать то, что я написал.

— Ваше имя Джейсон Хэнфорд?

— Да.

— Утром я получил для вас корреспонденцию. Мне это показалось странным, ведь вы не числились среди наших постояльцев. Поэтому я и запомнил. — Он достал из-под прилавка конверт, перевел взгляд на ключ в другой руке. — Ага! Тут написано «Джейсон Хэнфорд, номер 112»! А ведь я как раз собирался дать вам ключ от номера 112!

Я весь покрылся гусиной кожей, но выдавил улыбку, взял конверт, посмотрел на почерк.

От него.

Плохо помню, как я заплатил за номер, выслушал правила проживания, рассмотрел карточку с расположением ледогенератора и торговых автоматов, как бы незаинтересованный, дошел с письмом в руке до темной комнатухи, но, как только захлопнул за собой дверь, разорвал конверт.

Возвращайся в дом. Тебе никто не причинит вреда. Нам необходимо поговорить.

Вот и все. Ни приветствия, ни подписи. Я не знал, верить ему или нет, но, учитывая тот факт, что письмо оставили за несколько часов до моего приезда, его автор вполне мог подождать меня в засаде и убить. Я даже не успел бы ничего понять. Наверное, можно

верить.

Он действительно хочет поговорить.

Страшно и в то же время лестно. Мои письма добрались до него, и, хотя вряд ли он позволяет мне жить из страха перед моим могуществом, вполне вероятно, он хочет использовать мои способности, снова переманить меня на свою сторону. Факт остается фактом, письма спасли меня или, по крайней мере, подарили отсрочку исполнения приговора.

Темнело. Здесь я ночевать не мог. Необходимо было вернуться в домик Эдсона в Коста-Месу. В час пик это займет не меньше полутора часов. Я запер дверь номера, вернул портфель ключ:

— Я уезжаю.

— Простите, но мы не возвращаем деньги.

Несмотря на бережливость, я здорово потратился за ту неделю и не хотел терять тридцатку.

— Я работаю на правоохранительные органы. Под прикрытием. Наблюдательный пост переносится. Вот о чем говорилось в письме.

— Отлично.

— Поэтому мне нужны мои тридцать долларов. — Я добавил в голос металла, чтобы он понял: если не подчинится, сюда ворвутся полицейские и обыщут все укромные уголки его ночлежки.

— Что вы так переживаете? Это же не ваши деньги. Полиция возместит вам ущерб.

Я не собирался тратить время на споры, но пристально посмотрел ему в глаза:

— Я запомню.

— Ладно, ладно, — проворчал он, открывая ящик под кассой, и вернул мне деньги. — Приезжайте еще! — крикнул он мне вслед. Я так и не понял, издевался он или это была просто дежурная фраза.

Через пять минут я выехал на автостраду. Как я и предполагал, машины еле двигались, и у меня появилась куча времени на размышления. Я включил верхний свет и перечитал письмо. Три предложения. *Возвращайся в дом. Тебе никто не причинит вреда. Нам необходимо поговорить.* Приказ, обещание, обоснование. Шедевр. Коротко, четко, только необходимая информация, ничего лишнего.

Верховный Писатель Писем.

Так назвал его Стэн. Он же придумал и краткое прозвище: Верховный. По-моему, в самую точку. Он действительно Верховный Писатель Писем; он действительно Верховный. Откуда следует вопрос, почему он написал «*Нам необходимо поговорить*», а не «*Мне необходимо поговорить с тобой*»? Почему он делает вид, что мы равны? Почему он лижет мне задницу? Чтобы поймать врасплох? Внушить мне ложное чувство безопасности? Я не понимал.

В конце концов я добрался до Коста-Месы, до дома Эдсона. Уже давно стемнело, но окна были темными. Шторы раздвинуты, однако я видел лишь отражение уличного фонаря и дома через дорогу.

Я вылез из машины и медленно двинулся вперед, сожалея, что у меня нет фонарика.

Вдруг над гаражными воротами вспыхнул свет, осветив подъездную дорожку и половину переднего двора. Я подпрыгнул от неожиданности. Детектор движения! Я совсем о нем забыл.

Ну, хотя бы ноги не переломаяю. Страх немного отступил, и я поспешил к парадной двери, стараясь побыстрее, пока свет не погас — ведь я уже вышел из зоны действия детектора, — найти ключи. Открывая дверь, я сразу потянулся к выключателю и зажег свет в гостиной.

Комната была пуста.

Возвращайся в дом. Тебе никто не причинит вреда. Нам необходимо поговорить.

Он что, пошутил? Или имел в виду другой дом? *Мой* старый дом? Дом моих *родителей*? В письме действительно не было уточнений. Неужели я неправильно его понял? Три предложения. Разве они оставили место для интерпретации?

Гениально.

Я плюхнулся в кресло. Шея и спина словно окаменели.

Тишина угнетала. Я потянулся к пульту, лежавшему на журнальном столике, и включил телевизор. Перечитал письмо, постарался вспомнить свои первые впечатления. Он имел в виду именно это, решил я, обводя взглядом гостиную. Это самое место. Я просто опередил его, вот и все. Он не упомянул точное время. Возможно даже, планировал встретиться завтра и приедет к утру.

Встретиться.

Я встречу с Верховным Писателем Писем?

От одной этой мысли меня стало подташнивать. Насколько я знал, никто никогда с ним не встречался и не знал, как он выглядит.

Я признался себе, что боюсь его увидеть. Я представлял его огромным монстром, футов в восемь-десять ростом. Но ведь этого не может быть, не правда ли? Я снова взглянул на аккуратный, можно даже сказать, изящный почерк. Огромные лапы не могли бы держать ручку и писать так изящно.

И все же жуткий образ не рассеялся.

Я снова огляделся. Постучит он или позвонит в дверь? Войдет через дверь или просто... появится?

Может, я все-таки должен был приехать в какой-то другой дом?

Какая разница? Даже если я неправильно его понял, он же Верховный, он всегда сможет меня найти. Я должен просто ждать. Где-то глубокой ночью я заснул на диване под монотонную информационную рекламу.

Письмо прибыло в черном конверте с маркой из ада.

Я не знаю, кто доставил его, кто и как вошел в дом, но утром, когда я проснулся, в центре журнального столика прямо перед моим носом лежало письмо. Я потянулся, взял его. Бумага была грубой на ощупь и необычной, как будто сделана из смеси грязи и звериной шерсти. На конверте не было имени, а если и было, то я не смог его прочитать, но в верхнем правом углу черного прямоугольника наклеена красновато-оранжевая марка с изображением, как мне показалось, горы расчлененных трупов, горящих в какой-то подземной печи. Ни надписей, ни стоимости на марке не было.

Игнорируя отвращение, сочившееся в меня через кончики пальцев, я открыл конверт. Листок, лежавший внутри, я узнал; такой же, как я сделал своими руками много лет назад для поддельной рекомендации Пола Ньюмена. И шрифт был похож, только сверху стояло не имя Пола Ньюмена, а два слова: ТВОЙ БОГ.

А ниже приглашение.

Меня удостоили аудиенции.

Адрес, естественно, квартира номер 3 в комплексе Шангри-Ла, а время — завтра в полдень. ТВОЙ БОГ.

Такая самоидентификация меня озадачила. Неужели он действительно думает, что я поклоняюсь ему, как Богу? Может, другие Писатели Писем и боготворят его, но я точно далек от этого. Может, он думает, что он *есть* Бог. Может, у него мания величия.

А может, он действительно Бог.

Нет. В это я решительно отказывался верить. Если бы я поверил, то потерял бы всякую надежду, а это не входило в мои планы. Я удивился своим метаморфозам. Там я настолько поддался безнадежности и отчаянию, что попытался убить себя. Может даже, и убил; этот момент я помнил смутно. А теперь у меня было боевое настроение, я готов был на все, на любой риск. Я никому не собирался сдаваться.

Через день, как написал Верховный, я должен к нему явиться. Я не знал, архаичные выражения должны были устрашить меня или унижить. Видимо, и то и другое. И пожалуй, именно поэтому я не стал спешить на встречу, хотя соблазн такой испытывал. Я не хотел, чтобы он видел меня, не хотел, чтобы он знал, как я нервничаю, как тревожусь, не хотел показать и намек на слабость. Я должен явиться на встречу как можно более сильным. Я и так безнадежно слабее его, и мне необходимы все доступные преимущества.

Назавтра я должен с ним встретиться; предстать перед ним. Хотя письмо, полученное мною в мотеле, намекало на встречу равных, послание в черном конверте не оставляло сомнений: он оказывает мне редкую честь, позволяя обратиться со своими проблемами. Он делает мне одолжение.

Второе приглашение было гораздо более точным, и я проснулся наутро, содрогаясь от ужаса. До полудня оставалось полно времени и на размышления, и на тревоги, как — я в этом не сомневался — он и рассчитывал. Словно юная девица, собирающаяся на первое свидание, я копался в своей одежде, выбирая, что надеть. Я хотел выглядеть как можно увереннее и независимее, но у меня было всего несколько рубашек и штанов, и все они выглядели одинаково.

Я ходил взад-вперед по дому, репетируя будущую беседу, пытаюсь предусмотреть все возможные варианты. Должен ли я выехать заранее на случай пробок? Явится ли он раньше и будет ждать меня? Или он уже там? А что, если я опоздаю? Покарает ли он меня за это?

Я рассматривал наилучший и наихудший сценарии. Я пытался предугадать, что может произойти. Я планировал, как буду защищаться, если он набросится на меня; как я нападу на него, если окажется, что он убил Викки и Эрика, как ускользну, если ситуация выйдет из-под контроля.

И в конце концов я никуда не поехал.

Это не было сознательным решением, но, если я хотел разъярить Верховного, своей цели я добился. К вечеру я был завален письмами. Их не просто доставлял и опускал в почтовый ящик почтальон, хотя и это случалось, но многие письма просто появлялись. Я находил их на полу, и на мебели, в холодильнике, и под подушками, и на подоконниках. Услышав подозрительный шелест в коридорном шкафу, я распахнул дверцы, и на меня из квадратного отверстия в потолке, ведущего на чердак, обрушился целый каскад писем.

Я игнорировал их все.

Я был счастлив тем, что мое отсутствие так разъярило Верховного. Он изрыгал письма сплошным потоком — приятный, хотя и несколько неожиданный эффект. Но, честно говоря, как и с Бриком Хейуардом в начальной школе, я не пришел, так как знал, что буду избит. Я струсил. Просто струсил.

Однако моя случайно выбранная стратегия сработала. Я так и не подрался с Бриком и успешно избежал катастрофической стычки.

Сработает ли и на этот раз?

Я решил разыграть старый сценарий.

Сэр, написал я на следующее утро после того, как, проснувшись, нашел на своей подушке мятые конверты,

Похоже, Вы очень огорчены, но я не в силах понять почему. Я явился в назначенное время в назначенное место, но Вас там не нашел. Не знаю, боялись ли Вы встречи со мной или были слишком заняты, но в любом случае я счел Ваше поведение оскорбительным и недальновидным. Полагаю, Вы хотели продемонстрировать мне, что Ваше время более ценно, чем мое, но я в это не верю. Мое время не менее важно. Я не могу его тратить на Ваши капризы, поэтому я не стал Вас ждать и уехал. Если Вы решите, что действительно желаете встретиться, можете снова связаться со мной.

Письмо мне понравилось. Критичное, но вполне вежливое, и ему придется оправдываться в том, чего он не делал. Как и в случае с Бриком, я обвинял Верховного в своих собственных слабостях.

Я сходил на почту и опустил письмо в почтовый ящик.

Когда я вернулся, меня уже ждал ответ.

Я не трогал его до следующего утра. И за это время ничего не случилось. Я больше не получил ни одного письма. Никто ко мне не явился. Как я думал, как надеялся, он ничего не мог мне сделать, он мог только писать письма. Это придало мне уверенности. *Палки и камни могут сломать мне кости, но слова не могут причинить мне вреда.*

Когда я наконец вскрыл конверт, то нашел один обманчиво простой вопрос: *Когда встреча?*

Я ответил так же кратко: *Завтра, в 9.00* — и отослал письмо на адрес Шангри-Ла.

Наутро в девять часов я стоял на пирсе и смотрел на океан. На душе было тревожно. Я с трудом сохранял внешнее спокойствие, но все же чувствовал себя неплохо, поскольку собирался безнаказанно повернуть дельце, которое в общем-то не должно было сойти мне с рук. Адреналин бурлил в крови, и впервые я подумал, что у меня есть шансы. Я представлял себе гнусного типа ростом в десять футов, кипящего бессильной яростью на пороге той квартиры. Я все еще думал о нем как о монстре — а как же еще? — однако не из таких, что пьют человеческую кровь или разрушают города. Он же сочинял письма. Он не мог быть настолько страшным.

Эта мысль улучшала мое настроение, придавала мне смелости.

Я весь день бесцельно бродил по побережью, перекусил в захудалой забегаловке, специализирующейся на тако с рыбной начинкой. Я хотел позвонить Эдсону, удостовериться, что с ним все в порядке, но, насколько я знал, за каждым моим действием

пристально следили, и я не хотел усугублять тяжесть его положения.

Ближе к вечеру я зашел в туалет ресторана «Бургер Кинг» и, когда собирался уже мыть руки, обнаружил на краю раковины адресованное мне письмо.

Я быстро огляделся по сторонам, но в помещении, кроме меня, никого не было. Я осторожно, словно боясь, что конверт взорвется, вскрыл его. Внутри был не лист писчей бумаги, не линованный листок из блокнота, а туалетная бумага. Клочок двуслойной туалетной бумаги с посланием, написанным шариковой ручкой.

Я иду. Жди меня в полдень.

Не указано, где ждать, но я почувствовал, что на этот раз место не имеет значения. Он явится, где бы я ни был. Я здорово наострился читать между строк и понял, что игры закончились. Время пришло.

Где мне ждать его? Может, в каком-нибудь общественном месте? В толпе в молле? На пляже среди загорающих и серферов? Но вряд ли это как-то меня обезопасит. Верховного свидетели не смутят и не остановят. Черт побери, да он, вероятно, и не человек вовсе.

Еще одна причина для встречи один на один.

Пусть покажется сентиментальным или старомодным, но я считал это нашим личным делом и не хотел втягивать в него других.

Я решил встретиться с ним в домике Эдсона. В месте, для меня самом близком к понятию своей территории, и, хотя вряд ли я получу там какие-либо преимущества, хотя бы буду чувствовать себя комфортнее. Я знаю планировку дома, знаю, где что лежит. Я смогу маневрировать, если придется.

Вопрос в том, что сказать ему. Я получил шанс, о котором просил в письме за письмом, шанс встретиться с ним лицом к лицу, шанс высказать ему все, что хочу.

А чего я хочу?

Я хочу, чтобы он оставил меня в покое, чтобы позволил мне жить своей жизнью и не вторгался в нее, чтобы держался подальше от моих друзей и родных. Я хочу, чтобы он освободил тех Писателей Писем, которые хотели освободиться, чтобы вернул Элен и Фишера к их настоящим семьям, чтобы отпустил по домам остальных моих друзей. Это на личном уровне. В более широком смысле я, пожалуй, хочу, чтобы он... остановился. Я понимал, что это невозможно. Я с трудом освобождался от безразличия и равнодушия, а ведь мне было всего за тридцать. Он же столетиями, возможно, тысячелетиями вербовал Писателей Писем, воспитывал их в своей вере, создавал для них особый мир. Насколько я знал, он манипулировал человеческой историей столько времени, сколько существовала письменность. И он точно не остановится только потому, что я его попрошу. Но может быть, мне удастся убедить его сузить круг адресатов до нам подобных. Пусть Писатели Писем пишут только другим Писателям Писем и оставят в покое простых людей.

Да кого я обманываю, черт побери?

Надо бы запастись каким-нибудь оружием. Просто на всякий случай.

Каким оружием? Я не умел стрелять, перестрелки видел только в кино, да и понятия не имел, где нелегально купить пистолет до вечера или завтрашнего утра. Какое еще оружие, кроме пистолетов, я знаю? Ножи? Бейсбольные биты? Чем, бога ради, можно победить тысячелетнее существо, породившее письма, которые создали Библию?

Я как раз проходил мимо младших школьников, игравших в камень-ножницы-бумагу.

— Ножницы режут бумагу! — победно выкрикнул один из мальчишек.

Ножницы режут бумагу.

Почему бы и нет? Ножницы — отличный символический выбор. И если я поведу себя правильно, они даже не покажутся оружием. В конце концов, у ножниц куча несмертельных назначений. Конечно, в схватке они не слишком удобны, но при умелом обращении в сочетании с элементом неожиданности могут стать вполне эффективным оружием.

Размечтался!

Я не смогу убить Верховного ножницами.

И все же они придадут мне уверенности. Я поклялся найти до вечера подходящую пару. Поищу в доме, а если не найду, успею смотаться в местную аптеку.

В ящике на кухне ножницы нашлись. И даже лучше, чем я ожидал. Старые, острые, с отлично заточенными лезвиями, похожие на антикварные, но резали они гораздо лучше и эффективнее любых более новых. Я ткнул ими в мешок с мусором.

Сойдет.

Завтра мне понадобится вся моя изобретательность, я должен быть предельно сосредоточен, поэтому я лег спать рано, в полном соответствии с наказами Бена Франклина: рано ложиться и рано вставать — будешь здоровым, богатым и мудрым.

Я открыл глаза и взглянул на часы рядом с кроватью: половина одиннадцатого.

До полудня осталось всего полтора часа.

Я вскочил с кровати, быстренько принял душ. Я даже припомнить не мог, когда спал так долго. Я сварил себе кофе, съел немного хлопьев и тост, опять взглянул на часы. Боже правый! Почти одиннадцать!

Я запаниковал. Нашел ножницы, сунул их за ремень, как киногерой. Если он явится раньше, я буду готов.

В дверь позвонили.

Вот оно!

Дыхание стало прерывистым, сердце заколотилось как сумасшедшее, ладони взмокли от пота. Я вытер их о штаны и открыл парадную дверь.

На пороге стоял почтальон. Во всяком случае, он выглядел как почтальон. Синяя униформа, похожая на форму почтовых работников, но покрой чуть более военный, как будто из фильма о фашистской Германии. С едва скрываемой усмешкой почтальон протянул мне конверт. Я взял, взглянул ему в глаза. Он был одним из нас.

Захлопнув дверь перед его носом, я устоял на конверт. Бумага обычная, слегка тонированная. В таких конвертах пересылают чеки или почтовые переводы. Ни марки, ни адреса. Я вынул из-за пояса ножницы, отрезал один край конверта, сунул ножницы обратно, достал и развернул письмо.

Ничего похожего я никогда прежде не видел: не кириллица, не арабская вязь, не иероглифы, как будто что-то внеземное. Хотя буквы располагались горизонтальными рядами, не похоже, что их написал человек. Родной язык Верховного, подумал я, тот язык, что он привнес в наш мир.

Я таращился на текст, не в силах отвести взгляд, загнипнотизированный незнакомыми символами, вдруг задвигавшимися по бумаге. На моих глазах буквы перемещались, менялись местами. Я почти понимал, что там написано. Будь у меня еще немного времени, мои глаза и мозги приспособились бы...

Дом вокруг меня растворялся, знакомый мир превращался в серую аморфную массу. Я продолжал таращиться на письмо, уверенный, что если еще хотя бы чуточку сильнее сосредоточусь, то пойму адресованное мне послание. Я должен был понять значение этих

слов, мне это казалось жизненно важным.

И вдруг внимание мое рассеялось. Письмо съежилось в моих руках, буквы замерли, ощущение близости разгадки растаяло так же быстро, как острое желание понять смысл письма.

Я поднял глаза.

И снова попал в царство кошмара. Моего кошмара.

Первое, что я увидел, — цирковой шатер.

Я брел по пыльной дороге, точно как в своем сне, и передо мной возвышался цирковой шатер. Я обернулся, надеясь увидеть хоть какой-нибудь намек на реальность, но увидел лишь вьющуюся по пустыне дорогу, теряющуюся в зыбком раскаленном воздухе, искажавшем расстояние, превращающем все в дымку, как на картинах импрессионистов. За время, прошедшее с последнего сновидения, я не забыл ни одной детали, и чувство страха, охватывавшее меня каждый раз, возродилось мгновенно. Челюсти сжались, мышцы напряглись.

Раскаленный воздух был совершенно неподвижен, но грязные края красно-белой полосатой ткани разлетелись. За открывшейся треугольной пастью замаячила тьма, как в квартире номер 3.

Шангри-Ла.

Где же я? Весь мир создан из моего сна? Верховный вдыхает жизнь в мои кошмары? Или мне снится реальное место, которое мой спящий мозг путает с этим иным миром? Или меня загипнотизировали и я воображаю все это, валяясь на полу в домике Эдсона?

Я понятия не имел. Я знал только, что напуган до смерти, что не хочу находиться здесь и отдал бы все, что имею, лишь бы оказаться в любом другом месте.

Край полотна трепетал на ветру, которого я не чувствовал, и манил меня.

Я пробивался вперед сквозь плотный горячий воздух, пот струился по моим щекам. Добравшись до шатра, я даже не остановился и сразу вошел внутрь.

Ни старообразных, седовласых детей, ни доисторического скелета, ни Христа, распятого и гниющего на кресте. В центре круга стояло зеркало высотой не меньше пятнадцати футов. В нем я увидел свое искаженное отражение. Откуда-то доносилась тихая музыка, старая грамзапись. Фэтс Уоллер или Джелли Ролл Мортон. Фортепианный джаз. В противоположных концах шатра двое мужчин на дешевых местах для зрителей яростно строчили на листках, прикрепленных к дощечкам с зажимом. Одним был Марк Твен, другим — Трумэн Капоте.

Ни один из них не поднял глаз, ни один не заговорил.

— Привет! — крикнул я.

Мой голос прозвучал нерешительно и гораздо слабее, чем музыка, уже начинавшая действовать мне на нервы. Бесконечный нотный ряд все сильнее диссонировал в моей голове, мой мозг никак не мог сосредоточиться на мелодии.

Я снова взглянул в зеркало и понял, что в нем не отражаются ни писатели, ни места для зрителей, ничего, кроме меня, неестественно вытянутого и безобразно искаженного, парящего в бесконечной черной вселенной.

Марк Твен и Трумэн Капоте сидели на пыльных скамьях среди брошенных коробок из-под попкорна и мятых бумажных стаканчиков и строчили на своих маленьких пюпитрах.

Страх не отпускал меня. Я никогда не страдал клаустрофобией, но сейчас чувствовал себя как в ловушке и задыхался. Я обливался потом, музыка сводила меня с ума, а запах древесных опилок не мог перебить запах тлена, от которого хотелось блевать. Задержав дыхание, стараясь не вдыхать мерзкую вонь, я обогнул бетонный барьер центрального круга и подошел к Трумэну Капоте, который сидел ближе ко мне...

И он зашипел на меня. Как дикий зверь. Я отшатнулся. Он захихикал самодовольно, женоподобно. На мгновение мне показалось, что он ответил бы на мои вопросы, однако он снова склонил голову и зацарапал по пюпитру. Я уставился в зеркало на свое скрученное тело, бесформенную голову и понял, что если немедленно не покину шатер, то потеряю сознание или меня стошнит.

Я выбежал из шатра, остановился у одного из кольшков, к которым крепился шатер, и, оглядывая пустыню, попытался решить, что делать дальше. Изнутри доносилась все та же старомодная музыка, сводившая меня с ума. Я подумал о зеркале, о писателях, о слабом тошнотворном запахе и понял, что ни за что на свете туда не вернусь. Но куда идти? По дороге? В какую сторону? Я застрял в этой призрачной глуши и не знал, как из нее выбраться.

Я решил вернуться так же, как пришел сюда. Логика подсказывала, что Верховный Писатель Писем где-то впереди и что, если я хочу найти его, встретиться с ним и понять, как выбраться из кошмарного сна, следует поторопиться.

Пустыня не была такой бесплодной и пустой, как казалась. Минут через десять впереди и чуть правее я увидел низкое маленькое здание. Горячие воздушные волны искажали его очертания, и я не мог разобрать, магазин это, уличная уборная, бункер или жилой дом. Я видел только, что здание темное и вроде бы прямоугольное. Пот заливал и жег мне глаза. Я вытянул из брюк полы рубашки и вытер лицо. Я никогда не чувствовал такого жара и, хотя совершенно не был религиозен, подумал, что нахожусь очень близко от ада.

Я ускорил шаг, надеясь, что — чем бы ни было то здание — там есть вода или хоть что-то, чем можно напиться. Я умирал от жажды.

Умирал.

Грунтовая дорога под моими ногами превратилась в асфальт. Изменение было таким неувеличимым, что я его и не заметил. И пустыня уже была не совсем пустыней. Открытое пространство, но вместо зыбкого песка и колючих кактусов я увидел низкорослый пожухший кустарник и высохшую коричневую траву.

Я остановился перед зданием. Мой дом. Не тот дом, в котором я жил сейчас, а дом моих родителей, дом моего детства — *дом, где была убита моя мать*, — только он стоял не среди похожих домов, а на заросшем сорняками клочке земли. Окна разбиты, краска облупилась, парадная дверь распахнута настежь.

И конечно, внутри было темно, хоть глаз выколи.

Белая фигура проскользнула мимо открытой двери: то ли легкое облачко, то ли моя мать.

Я не сомневался в одном: в желании очутиться как можно дальше отсюда, от этого дома. Я не хотел входить внутрь, но именно туда меня влекла неведомая сила. Я чувствовал себя агентом Максвеллом Смартом, проходящим через бесконечный ряд потайных дверей.

Я поднялся на крыльцо и вошел.

И замер.

При взгляде на дом снаружи внутри него казалось темно. Здесь действительно было темнее, чем на слепящем полуденном солнце, но вовсе не темно. На самом деле я все видел достаточно отчетливо. В гостиной не было мебели, а все стены, пол и потолок оклеены желтыми юридическими документами, листами писчей бумаги и бланками. Я сразу понял, что это такое, но подошел поближе к стене, чтобы проверить, чтобы убедиться. Бумага шелестела и рвалась под моими ногами. Письма. Мои письма. Кто-то нашел, или скопировал, или воспроизвел всю мою корреспонденцию. Все, что я когда-либо доверил почте, было аккуратно наклеено и походило на обои, созданные безумцем.

Господа!

Я ваш давний клиент, и меня очень огорчает новый способ приготовления картофельной стружки...

Краем глаза я уловил какое-то движение и резко обернулся, но ничего нового не увидел. Все та же пустая гостиная и в дальнем ее конце вход в кухню. Я подумал о белом облачке, напомнившем мне мать, и вдруг мне расхотелось идти на кухню. Правда, и спальни обследовать желания не возникло.

Я попятился к парадной двери, задевая плечом оклеенную письмами стену. Неужели весь этот мир построен для меня, создан по моим сновидениям и мыслям, письмам и жизненному пути? Я не знал, как это возможно, но и альтернативного объяснения не находил.

Добравшись до двери, я повернулся и выглянул на заросшую лужайку. Только теперь передо мной оказалась не пустыня и не долина под знойным, давящим небом, а что-то еще... какое-то здание.

Обитель Верховного.

По сути и не здание. Никаких окон, одна-единственная дверь в сплошной стене. Что-то вроде обмазанной глиной хижины индейцев навахо, только гораздо, гораздо массивнее. Но более всего остального здание напоминало гигантское перевернутое осиное гнездо, как будто сделанное из чего-то похожего на серую бумагу и такого же тонкого.

Когда я подошел поближе, то заметил, что некоторые секции стены темнее остальных и покрыты странными закорючками, напоминавшими тот внеземной почерк.

Здание было сделано из переработанных писем. Как будто живший там монстр пережевал и выплюнул страницы и конверты.

Монстр.

Вряд ли созданное моим воображением мерзкое, изнеженное существо с незаурядным писательским талантом. То, что обитало в этом доме, было гораздо необычнее и ужаснее. Я вспомнил марку из ада, горящие расчлененные тела и понял свою ошибку. Верховный способен на гораздо большее, чем сочинение писем. Он может разорвать меня на части. Он может подвергнуть меня невыносимым пыткам. Он может с наслаждением сделать со мной что угодно.

Так почему он до сих пор этого не сделал?

Кажется, сейчас я это выясню.

Несмотря на дикий страх, я продолжал идти вперед, утешая себя тем, что, если придется бежать, смогу разрезать своими ножницами такие тонкие на вид стены.

И здесь внутри было темно, хотя я вполне мог все видеть. Дневной свет проникал сквозь тонкие стены, и, похоже, наверху был еще какой-то источник света. Я оказался то ли в холле, то ли в коридоре, таком узком, что я едва мог в него протиснуться, и таком высоком, что потолок терялся в полумраке. Я вытянул руку, коснулся пальцами стены. Действительно бумажная, но гораздо прочнее, чем я ожидал, как будто какой-то алхимик превратил бумагу обратно в дерево.

Я прошел по коридору и открыл дверь в дальнем конце.

И увидел ЕГО.

Верховного Писателя Писем.

Огромный, как я и предполагал. Раза в два выше обычного человека и необычайно худой, не тощий, но жилистый, со множеством рук, как у одного из индуистских богов. Одетый в жилет из отрезанных языков. Я вспомнил Писателей Писем в том адском секретариате, мировых лидеров с отрезанными языками, строчащих письмо за письмом.

Штаны, или юбка, или черт знает что, прикрывавшее нижнюю половину его тела, было сшито из отрубленных человеческих рук, рук, которыми, как я предположил, когда-то писали или печатали его поверженные враги. Он был похож на хорошо сохранившуюся, освобожденную от бинтов мумию. И еще я увидел раздвоенные копыта.

Но самое жуткое — его морда. Если мне суждено выжить, именно она будет преследовать меня в моих кошмарах. Из-под копны черных, как у тряпичной куклы, волос сверкали дикие, безумные глаза, один — широко раскрытый и огромный, второй — подозрительно прищуренный. Как будто умственно отсталый ребенок собрал Мистера Картофельную Голову из частей, украденных с колдовской кухни. Безносый, с огромной пастью, застывшей в широкой ухмылке, с торчащими из челюстей длинными острыми предметами, которые я не сразу сумел опознать...

Перья!

Вместо зубов у него были перья для письма.

Я не знал, что он такое или как был сделан, был ли он вечным или созданным, как чудовище Франкенштейна, или каким-то образом восстал из коллективного подсознания многих поколений Писателей Писем. *Не Бог создал человека*, утверждали многие философы; *человек создал Бога*. Возможно, мы создали его.

Однако, откуда бы он ни взялся, он был реальным, он находился передо мной, и мне некуда было деваться: я должен был с ним схлестнуться прямо сейчас.

Просторное помещение одновременно походило и на тронный зал, и на кабинет, и... черт знает на что. Единственный предмет обстановки — огромное каменное кресло с изысканной резьбой на небольшом возвышении. В кресле сидел он и смотрел прямо на меня. По обе стороны от него громоздились бумаги, канцелярские принадлежности и конверты. Пол завален грудями газет и журналов, словно разодранных зверем-великаном. На полках, вдоль всего помещения стояли сотни телевизоров и радиоприемников, принимавших программы со всех концов света и орущих на полную громкость на самых разных языках.

Я не знал, что говорить, что делать, не представлял, смогу ли перекричать эту какофонию. Я мысленно отрепетировал множество заявлений, но позабыл обо всем, столкнувшись с этим неопишущим ужасом.

Верховный словно прочитал мои мысли и сделал первый ход. Не сводя с меня безумного огромного глаза и подозрительно прищуренного и в то же время будто зыркающего по сторонам второго, он выхватил из кучи разлинованный лист бумаги, на котором, словно по

волшебству, появился текст. Многочисленные руки задвигались, задержались, сложили лист, вложили его в конверт, наклеили марку и бросили в мою сторону. Конверт приземлился прямо на мои раскрытые ладони, и почти в то же мгновение на него плюхнулась стопочка бумаги, коробка конвертов и упаковка шариковых ручек.

Мы не будем разговаривать, понял я. Мы будем переписываться.

Наилучший способ общения для нас обоих.

Я сжал коленями бумагу, конверты и ручки и собрался было раскрыть брошенное им письмо... но замер, вспомнив странные вихри символов, заманившие меня сюда. Ну уж нет. Я даже не взгляну на его писанину. Невозможно представить, что может со мной случиться, если его каракули снова загипнотизируют меня. Несмотря на свой страх, я встретился с ним взглядом и отрицательно покачал головой. Я выпустил конверт; он упал на пол и исчез среди разодранных газет.

Шум, похожий на шипение кошки, но такой громкий, что заглушил все теле- и радиоприемники, вырвался из его утыканной перьями пасти. Пол подо мной заурчал, словно огромный желудок. Стены осинового гнезда содрогнулись, зашелестели. Взгляд жутких глаз сосредоточился на мне. Я содрогнулся от его ярости, решил, что он разделается со мной одним ударом.

Он не убил меня.

Нет, он просто схватил еще один лист бумаги. Сотворил еще одно послание, сложил, запечатал и бросил мне.

Я попятился и разжал колени. Его письмо упало на пол вместе со всеми канцелярскими принадлежностями, что он выделил мне.

Ну, теперь мне точно конец.

Да ведь я испытываю его! — понял я. И вместе с этим осознал, что не умру. Он не убьет меня.

Он не может убить меня.

И еще я вспомнил, что говорили мне Писатели Писем.

Вы были здесь врагом номер один, сказал Хемингуэй. Они из кожи вон лезли, пытаясь перещеголять вас. Посылали груды писем, чтобы перебить вашу корреспонденцию.

Только ничего не могли поделать, добавила Вирджиния.

Вы очень могущественны. Джеймс Болдуин.

Такие писатели, как ты, появляются один на поколение. Стэн. И понимает это Верховный или нет, ты можешь все.

Это может показаться нелепым или смехотворным, но во мне действительно было что-то необычное. Я не знал, что именно, я не знал почему, однако я верил в то, что я другой.

Верховный снова зашипел и поднялся во весь свой огромный рост. Его руки снова задержались, гигантская пасть разинулась, отгрызая одну страницу за другой и создавая на них послания. На меня посыпались конверты: сверху, снизу, со всех сторон.

Я инстинктивно выхватил из-за пояса ножницы и начал кромсать письма, не читая. Вскоре я, как искусный фехтовальщик, пронзал письма прямо на лету. Я демонстрировал совершенно не свойственные мне проворство и координацию, и моя ловкость оказалась таким же сюрпризом для меня, как, видимо, и для него.

Поначалу Верховный как будто и не замечал, что я делаю, или ему было все равно, но затем началось нечто забавное. На его руках, на лице, на не прикрытых одеждой морщинистых клочках кожи появились разрывы, сперва маленькие, но очень скоро

напоминающие раны, оставленные хлыстом, и каждый щелчок моих ножниц сопровождался треском лопавшейся плоти.

Меня осенило: он вложил в эти письма всего себя, и не в переносном смысле, а абсолютно буквально.

Полный абсурд, и в то же время я видел это собственными глазами; каким-то образом урон, наносимый мною его письмам, мгновенно передавался ему.

Он этому не верил, или не хотел верить, или не понимал, что происходит, потому что продолжал откусывать, складывать, запечатывать, бросать, создавать каждую секунду десятки новых писем. Я разрезал их, пронзал их, рвал их. Интересно, о чем он писал в них? Умолял остановиться? Угрожал мне и моим близким? Приводил убедительные доводы, чтобы сохранить статус-кво?

Я понял, что должен знать. Я не смог удержаться. Я выхватил прямо из воздуха один из шелестящих конвертов и раскрыл его.

Дорогой Джейсон, прочитал я —

— и вскрикнул от страшной боли, опалившей мое лицо. Я выронил листок, автоматически схватился за щеку. Когда мои пальцы коснулись открытой кровоточащей раны, я испытал новый приступ острейшей боли. Слезы и падающие письма, орущие телевизоры и радиоприемники затуманивали слух и зрение, но я понимал, что мы больше не одни. В огромном помещении собиралась армия. Его армия. Из ниоткуда появлялись и множились похожие на чиновников мужчины в полуделовых, полувоенных костюмах.

Я снова взялся за ножницы и, визжа от ярости и боли, начал резать падающие на меня конверты. Вновь обретенный талант меня не подводил. Я разил письма в воздухе, уничтожая его творения почти так же быстро, как он их создавал.

Я ждал, что в любой момент на меня набросятся все прибывающие чиновники: они могли сбить меня с ног, могли вырвать ножницы из моих рук и заставить читать письмо за письмом.

Однако они просто наблюдали, не делая никаких попыток вмешаться и помочь *ему*.

Мне уже казалось, что рука, державшая ножницы, вот-вот отвалится, но я не останавливался, я был полон решимости за отведенное мне время нанести как можно больше ущерба. Я разрезал конверты и с радостью видел на его жутком теле все новые раны.

Конверты изменились; стали монументальнее, ярче. Я снова испытал желание передохнуть и взглянуть хоть одним глазком на какое-нибудь из посланий. Только я знал, что это глупое и опасное желание. Я больше не мог позволить себе ни любопытства, ни милосердия, и, щелкая ножницами, кромсая письма, я думал о Викки и Эрике, Стэне и Шеймусе, даже о матери.

И из *него* хлынула кровь.

Я увидел, как из глубокой раны под его правой подмышкой потекла густая синяя жидкость.

В его жилах текла не кровь, а чернила!

Все больше и больше порезов начинали кровоточить, и через несколько секунд он уже весь истекал кровью. Чернила хлестали, как из тысячи авторучек, поток писем сначала замедлился и в конце концов прекратился. Верховный шатался, слабел. Одна из его рук сшибла гору бумаг, и чернила хлынули на падающие страницы.

Никто не пришел ему на помощь.

Он упал навзничь, обмяк в своем кресле. Один за другим гасли, мигая, телеэкраны,

отключались радиоприемники, и в конце концов наступила тишина, прерываемая лишь его прерывистым дыханием, металлическим шелканьем моих ножниц и тошнотворным шуршанием фонтанирующих из его тела чернил.

Чернил в нем было гораздо больше, чем казалось физически возможным. Они стекали с помоста непрерывным потоком, впитываясь в горы газет и обрезков писем. Намокая, бумага утрамбовывалась, бумажные горы сглаживались. Свет почти совсем померк, но в страшной массе на полу мне удавалось различать части тел: головы и ноги, сердца и мозги, прежде скрытые ворохом газет.

Чиновники не двигались, наблюдали, выжидали.

Чего они ждали? Чего хотели?

Мои руки болели, пальцы немели. Я перестал кромсать письма. Распростертый на своем троне Верховный истекал кровью и еле дышал. Одно раздвоенное копыто беспомощно стучало об пол. Я вдыхал запах чернил, приятный, чистый, химический аромат, коим всегда наслаждался. Однако из-под этого запаха пробивалась слабая вонь, как в том цирковом шатре. Я узнал эту вонь. Вонь гниющего тела Христа из моего сновидения.

Может быть, он был Богом.

Что же дальше? Я медленно прошел вперед. Справа от меня рухнула полка с телевизорами и увлекла за собой часть стены, а за стеной я увидел ту письмотеку, что показал мне Стэн, громаднейшее помещение, заполненное письмами и заметками всех авторов в алфавитном порядке.

Верховный, похоже, из последних сил вгрызся в бумажный листок, но не сложил его, не положил в конверт. Он просто поднял его и заставил меня посмотреть.

Все это твое, прочитал я.

Одна рука протянулась ко мне, попыталась вручить мне перо, вырванное из его рта, сочащееся с обоих концов синими чернилами.

Я не принял его подношение. Во-первых, я боялся, что стоит мне приблизиться к нему, как какая-нибудь из рук схватит меня, придушит или разорвет на куски. Во-вторых, мне было слишком противно. Та густая синяя жидкость была и чернилами, и кровью, и от этой омерзительной крови меня тошнило.

Я победил Верховного в навязанной им самим игре, но победа досталась мне слишком легко. Мне пришло в голову, что, может, так и было запланировано. Может, меня взрастили именно для этой цели: победить главного Писателя Писем. Может, все случившееся со мной должно было воспитать меня, сформировать и превратить в лидера. Может, Верховный так и так умирал и выбрал меня в преемники.

Я оглянулся на рухнувшую стену, на письмотеку. Я наслаждался творением писем, но не меньше я наслаждался их чтением. Если не врать самому себе, то приходилось признать, что я мог бы целыми днями выбирать наугад хранившиеся там письма и внимательно читать их. Не просто просматривать написанные или полученные мною письма, но изучать корреспонденцию незнакомых людей, читать про их жизнь и любовь, их надежды, и мечты, и разочарования.

В этой библиотеке хранились все когда-либо написанные на земле письма.

И все они теперь были в моем распоряжении. Они могли стать моими.

Он хотел этого. Было ли это и моим желанием? Вряд ли. Правда, очень соблазнительно думать, что я мог бы стать новым Верховным Писателем Писем, более добрым, более мягким; что я мог бы изменить роли Писателей Писем в этом мире, сделать так, чтобы мы

использовали наше могущество во благо.

И не просто соблазнительно.

Вероятно, так все и было задумано.

Кого я пытался обмануть? Использовать наше могущество во благо? Так это началось бы, но этим бы не закончилось. Дорога в ад вымощена благими намерениями, а я лучше других понимал власть эпистолярного творчества, скользкий путь, ведущий в пропасть.

Я обвел взглядом письмотеку. Поджечь бы ее, и пусть горит, пусть никому никогда не достанется.

Но и это я не мог себе позволить. Слишком огромная история хранилась здесь. Да, здесь были груды бесполезного дерьма и куча опасных идей, но здесь были и исторические документы, письма, уводящие к заре цивилизации. Я не мог просто уничтожить их.

Однако я мог их запечатать.

Написав письмо.

Какое? Воспользоваться юридическими формами. Письмо-приказ о запрещении продолжения противоправного действия? Письмо-выговор? Письмо-патент?

Я обернулся к Верховному, но он умер. За те последние минуты, что я таращился на письмотеку, жизнь покинула его тело, и теперь он был мертв. По крайней мере, я так подумал. Я приблизился к нему, вынул из его руки перо, которое он пытался мне вручить.

Он пошевелился. Веко над огромным глазом дернулось, зрачок завращался. Верховный протянул одну из своих рук и крепко сжал мою руку. Даже у полумертвого, у него была железная хватка, и, пока я старался вырваться, его голова рванулась вперед, гигантская ухмыляющаяся пасть заглотнула мою руку до самого плеча. Будто тысяча игл впились в мою плоть. Я хотел закричать, но не смог... а потом уже это было ни к чему. Через писчие перья, утыкавшие его пасть, колоссальная сила перелилась из него в меня.

Он отпустил меня, откинул голову, закрыл глаза. Его тело снова обмякло и соскользнуло с трона. На этот раз он действительно был мертв. Я посмотрел на свою руку, не увидел никаких следов укуса. Просто чистая, гладкая кожа. Однако словно слабый ток пощипывал правую часть моего тела.

Я выпрямился, не выпуская подаренное мне перо.

Чиновники наконец оживились. Ряд за рядом они падали на колени, кланялись мне, будто присягая на верность на одном из фашистских сборищ. Я ощущал силу уже не только в правой, но и в левой части тела. Эта сила придавала мне ни на что не похожие уверенность и ощущение благополучия.

Я все еще сжимал перо. Чиновники все также низко мне кланялись.

Испытание! Я мог делать все, что хотел. Все зависело от меня.

Я заколебался.

Я *мог* сделать много добра.

Нет!

Власть развращает, сказал я себе. Абсолютная власть развращает абсолютно.

Я огляделся по сторонам, нашел лист бумаги, не пропитанный кровью-чернилами, и тем писчим пером написал письмо.

Всем, к кому это может иметь отношение.

Я запечатал письмотеку. Никто не может войти в нее. Никто не может посмотреть ее содержимое. Все Писатели Писем теперь свободны и могут делать

все, что хотят; они больше не служат фирме. Фирма распущена. Они могут вернуться к своей прежней жизни. Я желаю им добра.

Я подписал письмо своим именем.

Я не знал да и не мог узнать о результатах. Многие из знакомых мне Писателей Писем проживали в других местах, в другие времена. Возобновится ли их жизнь с того момента, когда они ее покинули, или люди из прошлого вдруг окажутся в современных Нью-Йорке, Чикаго или Лос-Анджелесе? Но это меня уже не касалось. Я сделал свое дело. Моя роль сыграна. Пока я жив, я больше не напишу ни одного письма. Я покончил с эпистолярным творчеством раз и навсегда. Я бросил писчее перо...

И мир зашатался.

Чиновники исчезли также неожиданно, как появились. Не осталось ни одного из кланявшихся мне мужчин. Откуда-то издалека послышались крики. Крики радости, сказал я себе, хотя и не был в этом уверен. Крики Писателей Писем, освобождающихся от оков, как я попытался убедить себя, крики людей, возвращающихся к нормальной жизни в реальном мире. Теперь они будут использовать свои таланты, чтобы привлекать к себе возлюбленных, и жаловаться на не очень качественные развлечения, и вообще делать все, что их душам угодно.

А может, кричали те чиновники, возвращаясь в свой ад.

И это меня устраивало.

Отверстие в стене и письмотека за ним исчезли. Исчезли и трон, и труп монстра у его основания. Пропитанные чернилами газеты удивительным образом трансформировались в ковер.

Я вернулся в домик Эдсона.

На рабочем столе в кухне надрывался сотовый телефон. Я схватил его, больше не опасаясь звонившего, больше не прячась ни от кого и ни от чего. Звонил Эдсон. Он обрадовался, услышав мой голос, сказал, что очень обо мне тревожился. Читая между строк, я понял, что он тревожился не за мою или свою безопасность, а за мое душевное здоровье. Я спросил, не читал ли он в газетах, не видел ли по телевидению сообщений об убийстве моей матери. Он ответил отрицательно и осторожно намекнул, что, вероятно, я ошибся, что должно быть какое-то другое объяснение. Я не рассказал ему о залитых кровью полу и стенах, но предположил, что он, возможно, прав, что я действительно мог ошибиться, однако свяжусь с полицией и выясню, что на самом деле произошло.

Разговор с Эдсоном помог мне успокоиться, приспособиться, осознать реальность окружающего. Вспомнилось, как мы подростками болтали по телефону, ругали ненавистных учителей, обсуждали девчонок, которые нам нравились. Я наслаждался простым человеческим контактом и впервые на своей памяти чувствовал себя свободным, свободным от неведомых преследователей, свободным от назойливой веры в необходимость сочинять письма, свободным от убеждения в том, что если я не пишу письма, то не исполняю своего предназначения.

Отключившись, я открыл парадную дверь и проверил почтовый ящик.

По привычке.

Письма не было, но на земле под ящиком лежала маленькая коробка, как следовало из надписи, от Патрика Скоулдера, частного детектива, которого я нанял для розыска Викки и Эрика. Я принес коробку в дом и открыл ее. И нашел отчет и видеокассету. В

сопроводительном письме Скоулдер докладывал, что прислал результаты своих трудов по почте, поскольку не смог связаться со мной по телефону.

Я хотел посмотреть видеозапись, но сдержал себя и сначала прочитал отчет. Как утверждал Скоулдер, Викки снова жила в Бри, работала на старом месте. Она ни с кем не встречалась и в свободное от работы время заботилась об Эрике. Эрик посещал школу Монтессори, предлагавшую группу продленного дня.

Я глубоко вздохнул и взялся за видеокассету. Дрожащими руками вставил ее в видеоплеер. Включил телевизор.

И увидел их обоих. Они гуляли в парке. Викки сидела на скамейке, смотрела, как Эрик играет с другим маленьким мальчиком. Я никогда не видел ее в этих шортах и простой маечке без рукавов — и она показалась мне прекрасной. Ее волосы были длиннее, чем я помнил, и волнистее, видно, она что-то с ними сделала. Результат оказался сногшибательным.

Эрик подрос почти на целый фут, с личика сошла детская припухлость. Он все еще был маленьким мальчиком, но я уже видел в нем черты будущего подростка и ненавидел себя за то, что упустил полтора года его жизни. Это была не моя вина, а если и моя, то косвенная, но я злился на себя за то, кем я был, за то, чем я был, за то, что мне не хватило сил побороть свое пристрастие.

Ну, теперь-то все кончено.

Эрик подбежал к Викки, обнял ее, что-то сказал ей на ухо, и она рассмеялась.

Я заплакал. Слезы приносили и облегчение, и боль, но я не пытался подавить их, и они просто текли по моим щекам. Я не привык к такому свободному выражению чувств. В моей жизни оставалось так мало места надеждам, что я привык подавлять любые эмоции, напомиравшие мне о том, что я имел и потерял и вряд ли когда-нибудь верну. Но теперь я рыдал, как дитя, и мое сердце разрывалось от любви к Викки и Эрику. За прошедшее после развода время мой разум как-то преуменьшил грязь, окружавшую наш разрыв. Может, и с Викки также? Может, она уже не ненавидит меня, как полтора года тому назад? Однако она несомненно получала анонимные письма и считает меня отвратительным отцом.

Я плакал и плакал, пока силы мои не иссякли, потом растянулся на диване и заснул.

И проснулся через несколько часов. Нетвердо держась на ногах, я доплелся до кухни, выпил воды, заглянул в туалет. Перечитал отчет и нашел в нем новый телефон Викки.

Я взял сотовый и набрал номер.

— Алло! — ответила Викки.

Я сразу же узнал ее голос, хотя давно его не слышал. Эти модуляции, этот тембр отпечатались в моей памяти, и, даже если бы на меня навалилась болезнь Альцгеймера, я бы все равно узнал. Поток воспоминаний, вызванный единственным словом, окатил меня, и слезы снова навернулись на глаза.

— Алло! — повторила Викки.

Я отключил телефон.

Я не мог заговорить. Я боялся заговорить с ней после такого долгого перерыва. Я не знал, что сказать.

Я уставился на крохотный телефончик на своей ладони. Может, потренироваться, порепетировать? А еще лучше, если у нее есть автоответчик. Я мог бы звонить, пока она не уйдет из дома, пока не ответит машина, и оставить сообщение. Викки перезвонит мне и облегчит мою задачу.

Нет. Это слишком важно, чтобы полагаться на капризы автоответчика. Конечно, разговоры никогда не были моей сильной стороной, и — после всей лжи, что обо мне, вероятно, наговорили — Викки и Эрик должны услышать мои слова без всякой цензуры, без всякой подготовки, исходящие из самого моего сердца. Если я хочу вернуть Викки и Эрика в свою жизнь, я должен быть абсолютно честным и искренним.

Мои колебания длились с минуту, затем в левой руке оказался лист бумаги, в правой — авторучка.

Я сделал глубокий вдох и начал...

Дорогая Викки...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Электронное устройство для обработки и печати текста, распространенное на Западе в 60–70 годы прошлого века.

Домашние мюсли. (Примеч. ред.)